

Норбер Кастере
Полвека под землей

Предисловие

Имя Норбера Кастере я впервые услышал зимой 1937 года. О нем рассказал нам, студентам третьего курса истфака МГУ, в первой же лекции профессор, читавший курс «Основы археологии».

Мы слышали о беспримерной отваге Кастере, о его подвигах во славу науки, о его бесстрашном и мужественном служении истине.

Профессор рассказал нам о том, как Кастере нырнул в выходящую из-под земли реку, под целиком заполненные водой каменные своды ее подземного русла, не зная ни длины его, ни направления, уповая только на свои научные предвидения. Однако, как писал впоследствии знаменитый геолог и спелеолог Эдуард-Альфред Мартель, Кастере во время этой исключительно смелой попытки... «не утонул и не раскроил себе череп».

Он вынырнул в пещере Монтеспан, ставшей затем известной всему миру. Там открыл Кастере стоянку людей каменного века — их орудия, сделанные ими рисунки и наскальные гравюры, глиняную статую медведя, статуи трех львов, рельефные изображения лошадей и многое другое.

Все это произвело на нас сильное впечатление. Мы как бы сами увидели неверное, колеблющееся пламя свечи Кастере, прорезавшее тысячелетнюю крошечную тьму пещеры. Для некоторых из нас это определило всю последующую жизнь и работу.

Не раз впоследствии вспоминал я Кастере...

Однако с его собственными сочинениями мне довелось познакомиться лишь в 1956 году, когда его книга «Десять лет под землей» была наконец издана и у нас. Столько лет и событий прошло между этими двумя датами: 1937–1956. Столько изменилось с тех пор! Самый факт издания у нас книги прославленного французского ученого был глубоко знаменательным. Пусть весьма несовершенным было это первое у нас издание книги Кастере: почему-то перевод с английского перевода, а не с французского оригинала, перевод, к сожалению, не свободный от ряда неточностей, и все же...

Кроме этой книги, Норбер Кастере написал еще свыше десятка книг о своих открытиях и исследованиях. Книги эти переведены на многие языки и изданы в десятках разных стран. У нас, кроме «Десяти лет под землей», переведены и опубликованы книга Кастере «Тридцать лет под землей» (написана она была еще в 1953 году, и ученый ошибочно полагал, что эта, восьмая по счету его книга будет последней), а также книга «Зов бездны». И вот теперь — «Полвека под землей».

В чем же научное значение открытий Кастере, в чем секрет его популярности ученого и писателя, в чем обаяние этого необыкновенного человека и привлекательность его таланта, обеспечившего ему мировое признание и многомиллионную читательскую аудиторию во многих странах мира?

Норбер Кастере родился в августе 1897 года на юге Франции, в Гаскони, в предгорьях Пиренеев, в деревне Сен-Мартори. Деревню окружали лесистые ущелья, пещеры, пропасти. Легенды и сказания о них слышал Кастере с раннего детства. Пяти лет от роду вместе с родителями будущий знаменитый спелеолог — пещеровед — попал в пещеру. В 12 лет начал постоянно путешествовать по подземным лабиринтам самостоятельно. Еще школьником предпринял он первое научное исследование пещеры Монсонне в горах своей родной Гаскони. С тех пор началась для Кастере бесконечно трудная, опасная и увлекательная работа спелеолога, работа, увенчанная в 1923 году сенсационными открытиями в пещере Монтеспан. Затем десятки других важнейших и интереснейших открытий, работа во Франции, Испании, Марокко...

В настоящее время имя Кастере, его жены и дочери носят замечательные, открытые ими пещеры и пропасти. Труды Кастере прочно вошли в арсенал науки и в литературу. Ученый увенчан многими высшими наградами, в том числе и премией имени своего друга и учителя Мартеля. В свою очередь, Кастере именем Мартеля назвал открытую им глубочайшую пропасть Франции.

В свои исследования Кастере вовлек мать, жену, четырех своих дочерей и сына, своего брата, множество друзей. Спелеология сейчас во Франции, как и во многих странах мира, — одна из самых бурно развивающихся наук. Она раскрывает всё новые и новые тайны земли, раздвигает горизонты таких важнейших наук, как геология, минералогия, археология, зоология, гидрология и другие.

Кастере к 1960 году исследовал уже свыше 1500 пещер.

Мартель, сам блестящий ученый, писал, что «три бесценных свойства» делают работу Кастере такой успешной: его смелость, строгая последовательность и методичность, суровая самодисциплина, «помогающая ему учиться и опираться на тех, кто может его научить. Большая радость помогать человеку, одаренному такими качествами».

13 августа 1957 года в пропасти Раймонды (названной так в честь дочери и соратника Кастере, первой в нее опустившейся) в присутствии 26 спелеологов была отслужена торжественная месса в память всех спелеологов, погибших во время исследований, и отпраздновано шестидесятилетие самого Кастере.

«Париж стоит мессы» — это мы знаем давно. Однако, право же, не в меньшей степени стоит мессы и пропасть Раймонды.

Это не было финалом. Наш современник Норбер Кастере, которому в 1975 году исполняется 78 лет, продолжает свои исследования.

Помните песню Сирано и его друзей:

Дорогу гвардейцам гасконским,
Мы юга родного сыны,
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены.

Норбер Кастере тоже гасконец. Что же заставило его, сына Гаскони, рожденного «с солнцем в крови», из месяца в месяц, из года в год по своей воле исследовать мрачные, безмолвные пещеры, пробираться по их узким, погруженным в вечную тьму лазам, испытывать холод, всевозможные лишения, много раз рискуя здоровьем и самой жизнью, снова и снова возвращаться в грозные и таинственные глубины?

Может быть, он был какой-то аномалией, неведомым мутантом по сравнению с другими своими земляками? Нет. Великого писателя, ученого и гуманиста Сирано де Бержерака и великого ученого, писателя и гуманиста Норбера Кастере роднит не только Гасконь, но и мужество, огромная творческая энергия, стремление к прекрасному, к новому, еще никем не изведанному, романтике открытий и подвигов, благородство и отвага, в сочетании с точным расчетом и мастерством в своем деле. И еще неизвестно, что способно было вызвать более сильные чувства: королевские дворцы, замки, ложи театров, таверны и поля сражений, где действовал Сирано, или залы открытых Кастере пещер, украшенные разноцветными сталактитами и сталагмитами, каменными цветками, пещерным жемчугом, подземные озера, сифоны, каменные стены стоянок древних людей, покрытые замечательной живописью и гравировкой, статуи различных зверей — создание великих безвестных скульпторов, живших десятки тысячелетий тому назад...

Дорогу, дорогу гасконцам...

Недаром Норбер Кастере на полу первого же открытого им в жизни подземного коридора ножом начертил изречение, которое Ростан вложил в уста героя своей знаменитой пьесы Сирано де Бержерака:

Вдвойне прекрасно то, что бесполезно!

Изречение великолепное. Понятно то восторженное чувство, которое руководило Кастере, когда он именно это изречение чер-

тил на глиняном полу пещеры, понятна внутренняя связь между двумя великими земляками. Однако в применении к спелеологам с этим изречением можно поспорить. Лучшие аргументы, доказывающие пользу спелеологии, огромное значение ее в развитии многих наук, всей своей жизнью и работой приводит сам Кастере. Как археолог не могу не гордиться тем, что в предисловии к своей первой книге Кастере, перечисляя те науки, в которых должен разбираться спелеолог, и те науки, для которых спелеология открывает новые горизонты знаний, на первое место неизменно ставит археологию.

Предлагаемая читателю книга Кастере «Полвека под землей» — самое значительное и важное из произведений писателя. В настоящем виде книга состоит из 13 новелл. В первой из них — «Спелеология» — крупнейший из ныне живущих специалистов по этой науке рассказывает о ее сути, методах, значении, перспективах. Далее следуют 12 новелл, посвященных открытиям и исследованиям Кастере в подземном мире. Эти новеллы связаны не только личностью автора, но и хронологически и тематически. Они содержат увлекательнейшие описания поисков и открытий, преодоления бесчисленных трудностей и опасностей, необыкновенных красот подземных миров. Выразительны описания различных животных, птиц и рыб, ныне постоянно или временно обитающих в пещерах, останков их ископаемых собратьев.

Глубоко захватывает рассказ об открытии шедевров наскальной живописи, гравировки, древних скульптур, описание необычайного путешествия, проделанного Кастере и его друзьями по следам пяти древних людей, живших десятки тысяч лет тому назад, и многое другое. Книга заканчивается новеллой «Как отправиться под землю», в которой Кастере дает ряд ценнейших практических указаний для начинающих спелеологов.

Полагаю, что, прочтя эту книгу, читатель согласится с высказыванием Кастере, подтвержденным всей его подвижнической жизнью, всем его вдохновенным творчеством: «Поэзия науки не парадокс и не противоречие: она так же возвышенна и прекрасна, как и чистая поэзия. И трижды счастлив тот, кто способен ее почувствовать и воспринять».

В сочинениях Кастере привлекает не только необыкновенная фабула, не только широкая и разносторонняя эрудиция автора, не только блеск литературного таланта. В каждой строчке, написанной Кастере, чувствуется живой и пылкий ум, цельность натуры, философская глубина и афористичность мышления. Для него органична приверженность к тем, иногда кажущимся старомодными, но вечным и нетленным истинам и жизненным критериям, которые сообщают сочинениям Кастере некий обманчи-

вый налет наивности. По существу же он снова и снова утверждает в человеке человеческое, прямой эстафетой соединяет вереницу поколений, не давая угаснуть свече — свече вечности. Той самой свече, при свете которой Кастере, идя по подземному коридору, увидел в глине отпечатки босых ног, тех, кто прошел здесь двадцать тысячелетий тому назад и по чьим следам шел он теперь. Эти качества роднят Кастере, представителя одной из самых молодых и бурно развивающихся в наше время наук — спелеологии, с другим его прославленным соотечественником, тоже талантливейшим писателем и представителем одной из самых современных профессий — авиации, с Антуаном Сент-Экзюпери. Недаром Кастере так любит Сент-Экзюпери, недаром эпитафией к одной из самых замечательных своих новелл «По следам пещерного человека» он поставил слова Экзюпери: «Земля дает нам больше знаний, чем все книги».

Франция и весь мир гордятся ее славными сынами — плеядой наших современников, бесстрашных исследователей земли, ее недр и вулканов, ее океанов и подземных гротов и вод, — Ивом Кусто, Гаруном Тазиевым, Аленом Бомбаром, Аленом Жербо... Среди них почетное место и принадлежит Норберу Кастере.

Доктор исторических наук Г. Б. Федоров

Спелеология

Небольшой очерк, посвященный науке о пещерах — спелеологии, который я предлагаю вниманию моих читателей, отнюдь не претендует на сколько-нибудь полное и систематическое изложение основ этой науки или ее истории. И хотя я отдал и отдаю много сил и времени исследованию и изучению пещер, пропастей и подземных лабиринтов, я предпочитаю говорить о своих поисках и приключениях под землей не как строгий ученый, а как любитель и страстный энтузиаст этих увлекательнейших путешествий в царство тишины, уединения и вечного мрака.

Спелеология — наука сравнительно молодая, но гораздо более многосторонняя и захватывающая, чем обычно принято думать. Под землей скрыто много такого, что способно удивить и взволновать самого холодного и бесстрастного человека, пленить воображение поэта, дать пищу уму философа, поразить и увлечь взыскательного и скептически настроенного ученого.

Тысячи пещер и пропастей, известных в настоящее время человечеству, представляют лишь ничтожную часть обширных подземных пустот, существующих в недрах нашей планеты, но не имеющих выхода на поверхность. Это исполинские дворцы царства минералов, куда мы проникли пока не дальше прихожей. Поэтому в задачу спелеологии входит не только изучение процессов образования и эволюции подземных пещер и пропастей, но и выявление всего того, что может быть увидено и найдено под землей.

Как и во многих других областях человеческого знания, первые спелеологические открытия, наблюдения и находки были сделаны людьми, далекими от науки: совсем другие цели привлекали их в подземные пещеры и пропасти.

Первыми проникли под землю наши отдаленнейшие предки, люди каменного века, которых мы называем поэтому пещерными людьми. Спасаясь от жестокого холода, царившего на Земле в ледниковую эпоху, они забирались в пещеры, ища там убежища от непогоды и хищных зверей. Они-то и были, в сущности, первыми спелеологами, занимавшимися освоением и исследованием — вполне утилитарным, конечно, — подземных лабиринтов. Именно этой их деятельности человечество, по всей вероятности, обязано своим существованием, потому что без нее оно едва ли смогло бы выжить в суровом климате ледникового периода.

С момента своего появления на Земле человек вел, в общем-то, довольно легкую и беспечную жизнь. В жарком и сыром климате, напоминающем современный климат тропиков, он жил, глав-

ным образом, за счет собирательства, не заботясь об одежде и довольствуясь примитивными навесами и шалашами из древесных ветвей в качестве жилищ.

Внезапное наступление ледников с севера положило конец этому беспечальному существованию.

Ледниковая эпоха вызвала на Земле настоящую климатическую катастрофу, в результате которой погибли многие виды животных. Первобытного человека холод тоже застал врасплох и вынудил укрыться в пещерах. Только там, в недрах земли, наши предки смогли спастись от лютой стужи, воцарившейся повсюду на многие тысячелетия и превратившей их в настоящих пещерных жителей — троглодитов.

Спасаясь от нашествий ледников и смертельного холода, первобытные люди, подобно диким зверям, забивались во все трещины и углубления почвы и благодаря этому открыли и освоили подземное царство пещер. Для человечества наступили воистину черные дни, самые черные за все время его существования. Суровая, безжалостная эпоха, веки холода и страха, когда человеку, почти нагому, лишенному когтей и клыков, вооруженному лишь грубыми орудиями из камня и кости, приходилось бороться и с убийственным климатом, и с огромными свирепыми хищниками, оспаривавшими у него подземные убежища.

Там, под защитой пещер, которые они исследовали до глубин, удивляющих нас и поныне (учитывая скудость имевшихся в их распоряжении осветительных средств), наши доисторические предки вели жизнь полную опасностей и лишений, однако совсем не такую примитивную как это долго считалось и считается некоторыми до сих пор.

Несмотря на все лишения, страдания и ужасы, заполнявшие жизнь человека в ту беспросветную эпоху, пещерные люди не потеряли своих человеческих качеств, выделивших их в свое время из царства животных. Уже тогда они имели полное право называться мыслящими людьми — *Homo sapiens*. Именно они, вопреки противодействию враждебной природы, вывели человечество из мрака полурастительного существования предыдущих эпох.

Остатки материальной культуры первобытных людей, найденных при раскопках во многих пещерах, позволили ученым воссоздать образ жизни, обычаи и психологию наших далеких предков. Трогательная заботливость о погребении мертвых (даже совсем маленьких детей) отпечатки рук с отрезанными в знак траура фалангами пальцев, гравированные и рисованные на каменных стенах пещер изображения и глиняные скульптуры животных, изумляющие нас своим высоким мастерством и необычай-

ным реализмом, наконец, магические церемонии и обряды, ради которых создавались эти рисунки и скульптуры, — всё это говорит о наличии у людей каменного века определенных духовных запросов и потребностей, убедительно доказывает, что первобытный человек охотник на мамонтов, бизонов и северных оленей — сумел завоевать, пронести сквозь века и сохранить в неприкосновенности высокое звание царя природы.

Мы не узнаем никогда, какой была эта грандиозная эпопея, продолжавшаяся тысячелетия, когда человечество смогло выжить только благодаря хитроумию, стойкости, терпению и, быть может, смутной вере в лучшие времена. Во всяком случае, первобытный человек боролся за свое существование со всей присущей ему энергией и еще не окрепшим, но уже четко определившимся разумом.

Сколько раз в эту бесконечно удаленную от нас эпоху одинокий дозорный, сидя перед костром у входа в пещеру и чутко прислушиваясь к ночным звукам и шорохам, поднимал свой взор к темному небу расстилавшемуся над его головой, и смотрел на далекие звезды. О чем он грезил в эти часы, какие мысли — неясные и смутные — рождались в его мозгу, какие надежды его одушевляли?

Надо было ежеминутно ожидать внезапного нападения какого-нибудь опасного хищника, защищать от него племя и семью, следить за тем, чтобы не угас огонь костра — источник тепла и жизни. А над всем существованием навис вечный страх голода, вызванного уменьшением или исчезновением дичи, перебитой охотниками, или откочевавшей в другую местность, или погибшей от жестокой зимней стужи.

Изображения, чудом сохранившиеся в глубине некоторых пещер, красноречиво говорят о том, что этот первобытный человек создал в своем воображении целый пантеон таинственных божеств, имена которых мы никогда не узнаем. Он верил в них, призывал на помощь во всех своих горестях и бедах, искал у них защиты против враждебных сил природы, подстерегавших каждый его шаг.

Долгие ночные размышления у костра, в уединении и безмолвии глубоких пещер были, несомненно, плодотворными для умственного и духовного развития пещерного человека.

Много тысячелетий спустя в результате новых геологических изменений ледники отступили далеко на север, климат смягчился и потеплел. Троглодиты смогли наконец покинуть свои подземные убежища и начать жизнь на поверхности земли, под горячими лучами солнца. Выбравшись из земных недр, как бабочка из куколки, они получили и теперь возможность развернуть

свои таланты и показать, на что они способны.

Люди стали возводить — и с какой необычайной изобретательностью! — любопытнейшие свайные постройки на озерах и реках. Они начали приручать животных, открыли бронзу и железо, научились создавать оружие и орудия, с помощью которых могли приступить к завоеванию мира.

С тех пор опустевшие пещеры постепенно сделались в представлении людей опасными, проклятыми богом местами, населенными злыми божествами и страшными чудовищами, тенями умерших предков и адскими духами. Человек лишь изредка заглядывал в сырые и мрачные подземелья, где ему пришлось столько выстрадать. Никто не отваживался проникать в глубины подземных лабиринтов.

Пещеры и пропасти, гроты и подземелья долго ждали дня, когда человечество снова откроет их. И вот этот день наступил. Спелеологии — наука молодая, вернее, возродившаяся со времен доисторических появилась на свет, вызванная к жизни смелостью одиночек, дерзнувших нарушить запреты и заклятья, тяготившие над заколдованными подземными дворцами и замками Спящей Красавицы.

Совсем недавно, с большим запозданием, современное человечество заинтересовалось вновь таинственным миром подземных пещер. Скромные, весьма далекие от науки люди проложили первые тропинки в этот неведомый мир; вслед за ними туда направились ученые и принялись осваивать и изучать новые отрасли естественных наук.

Первыми, кто осмелился проникнуть в глубь неисследованных пещер, были, вероятно, искатели кладов, соблазненные многочисленными, бытующими в фольклоре всех народов легендами о сказочных сокровищах, якобы скрытых во мраке подземных лабиринтов.

Охотники всех стран сыграли также немалую роль в открытии и исследовании пещер и гротов. Так, американец по фамилии Ховѳтчинс, преследуя раненого им медведя, открыл в 1809 году знаменитую Мамонтову пещеру, самую большую в мире.

В 1842 году другой охотник, француз Боннемезовѳн, раскапывая звериную нору, открыл пещеру Ориньяк (департамент Верхняя Гаронна), именем которой названа целая эпоха в жизни первобытного человечества. Раскопки, произведенные археологами в пещере Ориньяк, обнаружили ряд ценнейших памятников материальной культуры одного из наиболее значительных и интересных периодов в эволюции человечества, удаленного от нас на целых двадцать тысячелетий.

Пастух Сауке, тоже француз, погнавшись за лисицей, забрался вслед за ней в извилистый и узкий подземный лаз, который привел его в обширную пещеру. Не помня себя от страха, пастух выбрался оттуда и пустился бежать, вопя на всю округу, что едва не угодил в ад, разверзшийся перед ним под землей. Впоследствии выяснилось, что он открыл большую пещеру Доржилан (департамент Лозер).

В Австрийских Альпах, близ города Зальцбург, на большой высоте другой пастух заметил, что в определенное время года со склона близлежащей горы поднимается кверху густой туман. Отправившись туда, чтобы выяснить причину заинтересовавшего его явления, он обнаружил вход в систему ледяных гротов Эйсризенвельт, где находятся самые обширные в мире подземные ледники, протянувшиеся на целых тридцать километров под вершинами Австрийских Альп.

Ковбой Джим Уайт открыл в 1901 году в Соединенных Штатах систему Карлсбадских пещер при весьма любопытных обстоятельствах. Под вечер, на закате солнца, он ехал верхом на лошади по пустынной горной долине и вдруг увидел далеко впереди столб дыма, поднимающийся с земли. Решив, что это извержение вулкана, перетрусивший Уайт повернул лошадь и во весь опор умчался прочь. Однако на завтра его разобрало любопытство, и он решил выяснить, что же это было? Приблизившись к месту вчерашнего «извержения», ковбой увидел вход в большую пещеру и скоро понял причину так напугавшего его накануне загадочного дыма. Пещеру населяли тысячи летучих мышей, которые каждый вечер с наступлением сумерек огромным роем вылетали на охоту. Этот рой и принял Уайт за облако дыма. Надо сказать, что на юге Соединенных Штатов и в Мексике летучие мыши водятся действительно в невероятных количествах.

Следует упомянуть здесь и о других открывателях пещер, деятельность которых была не столь заметной или сенсационной; однако они также осмеливались проникать глубоко под землю. Это были, в основном, местные жители, забиравшиеся в горы для того, чтобы собрать яйца диких птиц, которые гнездятся на крутых каменных откосах и в углублениях и расселинах скал. Некоторые спускались в пропасти, чтобы собирать там кости погибших животных, которые идут на изготовление черной краски (костяной уголь). Третьи искали в пещерах селитру для приготовления пороха, месторождения горного хрусталя и других минералов.

Еще до них пещеры посещали случайные визитеры: деревенские колдуны и знахари, справлявшие там свои таинственные и зловещие обряды; шайки разбойников, оборудовавшие пещеры

под свои логова; фальшивомонетчики, занимавшиеся здесь, вдали от посторонних глаз, своим опасным ремеслом (их кустарное оборудование обнаружено в глубине некоторых гротов); члены всевозможных тайных обществ, устраивавшие в пещерах свои законспирированные сборища и сходки.

Во все времена пещеры служили убежищем для изгнанников, объявленных вне закона преступников, беглых каторжников, а также отшельников, искавших уединения от мирской суеты.

Вслед за этим пестрым сборищем людей, осваивавших понемногу подземные пещеры и лабиринты, пришли, пользуясь в иных случаях их указаниями, представители самых разных наук. Они начали методически исследовать подземный мир, каждый по своей специальности, выясняя механизм действия подземных вод, изучая и описывая всевозможные научные феномены и загадки, до того времени неведомые науке.

Самыми первыми были естествоиспытатели, собиравшие и изучавшие кости ископаемых животных, называемых ими «допотопными», которые были обнаружены в каменоломнях или при раскопках.

Естествоиспытатели проложили дорогу собственно палеонтологам, откопавшим в пещерах кости крупных хищников, живших на Земле в начале четвертичной эпохи. Одним из пионеров и основателей этой науки (развитой впоследствии Кювье) был ЭспевЪр, который уже в 1777 году обследовал пещеры во Французских Альпах.

Затем настала очередь антропологов и археологов, терпеливо производивших в пещерах обстоятельные раскопки бесчисленных стоянок и очагов первобытных людей и медленно, но верно устанавливавших детальную хронологию эпох и культур нижнего, среднего и верхнего палеолита. Были найдены и изучены самые древние человеческие погребения, обнаружены наскальные изображения, позволившие воссоздать с большой точностью и наглядностью жизнь наших далеких предков.

Геологи и минералоги, в свою очередь, отправились под землю изучать процесс образования пещер и породы, их слагающие. Физики и химики посвятили свои труды изучению пещер, а биологи, ботаники и энтомологи открыли существование специфической пещерной флоры и фауны, столь же необычной, сколь любопытной.

Потом настала очередь гидрогеологов, интересовавшихся режимом и топографией подземных рек и ручьев, имеющих большое значение для ирригации, снабжения пресной водой, строительства гидроэлектростанций.

Было обнаружено, что некоторые пещеры богаты залежами органических фосфатов, имеющих промышленное значение.

Предприимчивые люди, видя растущий интерес к пещерам и гротам, приспособили и оборудовали самые живописные из них для массового туризма. Теперь посещение и осмотр таких пещер не грозит экскурсантам никакими опасностями. Они стали доступны любому человеку, пожелавшему увидеть своими глазами чудеса подземного мира. Во многих странах оборудованные и электрифицированные пещеры привлекают большое количество туристов, которые имеют возможность любоваться величественными подземными залами, богато украшенными сталактитами и сталагмитами, или совершать плавание в лодках по подземным рекам и озерам.

Техника исследования подземных пещер и пропастей совершенствуется с каждым годом. Первые исследователи отправлялись под землю, освещая себе дорогу свечами и факелами. Позже они обзавелись масляными лампами, а затем — ацетиленовыми фонарями и электрическими лампами большой мощности. Спуск в вертикальные пропасти и колодцы не осуществляется больше с помощью простой веревки, которую опускают и вытягивают примитивной лебедкой или горизонтальным воротом, приводимым в действие мускульными усилиями. Теперь к услугам исследователей имеются капроновые лестницы, страхуемые дополнительно стальными тросами, переносные телефоны, радиопередатчики и другие современные средства связи.

В 1895 году во Франции было основано Спелеологическое общество. Инициатором его создания был известный французский спелеолог Мартель.

В настоящее время спелеология во Франции да и в ряде других стран переживает небывалый расцвет и подъем. Большое количество молодежи, жаждущей новых и сильных впечатлений, плененных риском и романтикой неведомого, отдает все свое свободное время подземным исследованиям. Идет настоящая охота за неизвестными пещерами и пропастями. Во многих городах Франции созданы филиалы Спелеологического общества, и везде спелеологи-энтузиасты упорно и настойчиво исследуют новые пещеры, новые пропасти, новые подземные лабиринты.

Перечислить в короткой статье все успехи современной спелеологии, разумеется, невозможно. Не претендуя на сколько-нибудь полный и исчерпывающий обзор этих достижений, мы ограничимся рассказами об исследовании некоторых пиренейских пещер, являющихся местом постоянной работы автора на протяжении пяти десятков лет.

Пиренейские горы, сложенные, в основном, известняками, таят огромный подземный мир, исключительно богатый и интересный. Пиренейские пещеры, служившие на протяжении тысячелетий жилищами для первобытных людей, представляют собой вместе со знаменитыми пещерами ЭйзивЪІ (департамент Дордонь) настоящую землю обетованную для археологов, изучающих отдаленные доисторические эпохи.

Во многих пиренейских пещерах найдены стоянки доисторических людей первостепенной научной значимости. Обнаруженные в них предметы первобытной материальной культуры украшают витрины и стенды самых крупных наших музеев. Около пятнадцати пещер содержат замечательные рисунки, гравюры и скульптуры великих безвестных художников ориньякской и мадленской эпох. Это самые древние в мире произведения искусства, настолько древние, что рядом с ними произведения египетского, китайского или хеттского искусства выглядят почти современными.

Пещеры в Пиренеях встречаются как в долинах и на склонах невысоких холмов, так и высоко в горах, у самых вершин. Подземные лабиринты, пропасти и текущие под землей водные потоки пронизывают всю горную систему Пиренеев, вплоть до области вечных снегов.

Для того чтобы не быть голословным, скажу несколько слов о тех находках и открытиях, которые мне лично удалось сделать в Пиренейских горах.

На южном склоне цирка ГаварнивЪІ (горный массив МарборевЪІ) мы обнаружили в 1926 году ископаемую подземную реку, превратившуюся в ледяной поток, который не тает круглый год. Пещера, где находится эта ледяная река, расположена на высоте 2700 метров над уровнем моря; это самая высокогорная из известных человечеству ледяных пещер. Она представляет собой обширный туннель, проходящий насквозь через всю гору и служивший когда-то руслом бурному подземному потоку с порогами, водопадами и небольшим озером, ныне превратившимся в ледник.

Участие подземных вод в образовании горных цирков подтверждается новыми данными, полученными нами в цирке Верхний Лез (департамент Арьеж). Обследуя подземный поток, мы поднялись на несколько километров вверх по его течению и достигли подножия водопада, низвергавшегося в пропасть. Крошечное устье этой пропасти мы отыскали на высоте 2200 метров. Этот водопад был вскорости отведен в туннель, пробитый по нашим указаниям в недрах горы, и использован для работы электростанции.

Другой классический пример циркуляции подземных вод на большой высоте получен нами во время работы по выявлению подлинных истоков реки Гаронны. В результате трехлетних изысканий нам удалось установить, что Гаронна рождается на южном склоне Пиренеев (средиземноморский бассейн реки Эбро), затем исчезает под землей и, пройдя сквозь Главный хребет по подземному руслу, снова появляется на свет на северном склоне горной цепи и впадает в Атлантический океан.

Подробности этих исследований изложены нами в главах: «Грот Кастере и подземные ледники массива МарборевЪІ» и «Подлинные истоки Гаронны».

Наше путешествие в царство пещер и в глубину веков было кратким и весьма поверхностным обзором того необъятного поля деятельности, которое открывается перед человеком в этой, по существу, еще почти не исследованной области царства природы. И мне бы хотелось заключить свое краткое вступление следующими, уже однажды написанными мной словами:

«Где может человек испытать столько разнообразных чувств, созерцать картины столь удивительные и необычайные, пережить столь поэтические или захватывающие дух минуты, получить такое полное удовлетворение и радость ума, как не в увлекательном и небезопасном исследовании подземных пещер?»

Моя первая пещера

В этой главе речь пойдет не о самой первой увиденной мною пещере — скромном гроте БакуравЂи, расположенном в узком ущелье реки Савы, который я посетил вместе со своими родителями в возрасте пяти лет, и не о тех неглубоких гротах близ Сен-МарторивЂи, куда я, уже будучи школьником старших классов, забирался во время каникул с головокружительным каменным карнизам, разыскивая ястребиные гнезда, или, удобно устроившись у входа, запоем читал «Короля гор Эдмана АбувЂи».

И хотя именно среди этих скал, которые высоко возносятся к бурными водами Гаронны, отражаясь в ее зеленых волнах, родилась и окрепла моя страсть к подземным исследованиям, я прекрасно понимал, что не здесь мне суждено удовлетворить ее. Я мечтал об обширных подземных лабиринтах, где я мог бы проникнуть глубоко в недра земли.

Однажды, забравшись на чердак родительского дома, я с увлечением рылся в ящике со старыми книгами и внезапно обнаружил на дне его тоненькую брошюрку с неразрезанными страницами. Одно название ее возбудило во мне чувства, подобные тем, которые испытывает библиофил, извлекая из груды мусора драгоценную инкунабулу[1] «Логовище ископаемых гиен в пещере МонсоневЂи» — так называлась эта книжечка, открывшая мне, что совсем рядом, менее чем в трех километрах от нашего дома, находится замечательная пещера, о существовании которой я и не подозревал.

Брошюрка была научным отчетом Обществу естествоиспытателей в Тулузе. В ней говорилось, что около 1890 года некий ученый-палеонтолог Эдуард ХарлевЂи (научные труды его я впоследствии прочел от корки до корки) производил раскопки в пещере Монсонне и обнаружил там множество костей разных животных, которые натаскали в пещеру гиены, устроившие здесь когда-то свое логовище. И какие это были животные! Слоны, гиппопотамы, волки, дикобразы, бобры и даже обезьяна!

В отчете шла речь о фауне жарких стран, о теплом и сыром климате, который установился на европейском континенте в начале четвертичного периода, о легендарной шельской эпохе, когда исчезли с лица нашей планеты гигантские животные и впервые появился на Земле человек.

Я, конечно, не мог тогда разобраться во всех специальных терминах доказательствах и выводах этого научного сообщения. Я понял одно: недалеко от нашего дома есть пещера, в значительной своей части еще не исследованная и содержащая наряду с

многочисленными скелетами гиен останки «допотопных» (как их тогда называли) животных.

Охваченный энтузиазмом, я на следующий же день вооружился коробкой спичек и свечой, вскочил на свой велосипед и вихрем помчался к каменоломне Монсонне, где находился вход в заветную пещеру.

В полукруглый амфитеатр каменоломни (двадцать пять лет назад случайный взрыв обнажил здесь вход в пещеру) я влетел, словно пуля. Но не успел я сделать и нескольких шагов по дну карьера, как меня остановили резкие окрики, и я был с позором изгнан за пределы каменоломни тремя стариками горнорабочими, присутствия которых я в спешке не заметил. Оказалось, что, закончив свой рабочий день, старики остались, чтобы заложить в отвале взрывчатку и обеспечить себе работу по выемке камня на завтрашний день. Я ворвался в карьер в тот самый момент, когда они приготовились зажечь запальный шнур.

Ретировавшись на соседнее поле, где старая крестьянка пасла маленькое стадо овец, и думая только о том, как мне проникнуть в пещеру, я попытался узнать у старухи некоторые интересующие меня подробности. Женщина была очень стара, а я очень молод. Не получив от нее необходимых мне сведений о пещере Монсонне, я удовольствовался тем, что выслушал из ее уст одну из самых поэтических легенд, которые бытуют по сие время в Пиренеях.

После взрыва я еще некоторое время дожидался ухода старых, рабочих. И лишь в сумерках, в тишине и безлюдье опустевшей каменоломни, где большой пестрый дрозд, сидя на дереве, тревожно следил за мной, явно обеспокоенный таким непрошеным вторжением в его владения, я с сильно бьющимся сердцем вошел наконец под своды первой пещеры, которую мне суждено было исследовать.

Узкий каменный коридор с очень низким потолком, в котором я очутился, был, несомненно, высохшим руслом протекавшего когда-то здесь подземного ручья. Мне пришлось передвигаться ползком по влажной глине.

Прохладный воздух подземелья, прикосновение к сырому, холодному полу, внезапно наступившая глубокая тишина и абсолютный мрак создавали особое настроение. Я ощущал себя в совершенно ином мире — мире подземном, таинственность и неизведанность которого волновала меня и наполняла каким-то мистическим трепетом.

В этой пещере, образовавшейся в отдаленную геологическую эпоху, с незапамятных времен скопились останки живших здесь древних животных, давным-давно исчезнувших с лица Земли.

Спустя много тысячелетий в пещере поселилась стая гиен. Подземный поток, протекавший здесь в более поздние времена, долго и прилежно покрывал своими наносами все эти древние кости. Потом он иссяк и в свою очередь исчез.

Продвигаясь ползком, со свечой в руке, я напряженно всматривался вперед, в непроглядную тьму, и воображал себя новым аргонавтом, который, стоя на пороге неведомого мира, старается проникнуть взором в ночь доисторических времен.

Сколько раз с того далекого дня я снова испытывал это трепетное чувство, ни разу не разочаровавшее меня и не ослабевшее до сих пор, — чувство, что ты ступаешь в пыли тысячелетий, находя, а порой открывая первые следы человека на заре его существования!

Довольно долгое время я полз на четвереньках по тесному коридору. Потом проход немного расширился, я поднялся на ноги и, пригнувшись, двинулся дальше. Скоро потолок стал еще выше, и я смог наконец выпрямиться. Мое появление в этой части подземелья обратило в паническое бегство его обитателя, которого мне удалось увидеть лишь мельком. Я изрядно струхнул, но страх мгновенно исчез, как только я разглядел, что напугавшее меня существо было всего лишь обезумевшим от ужаса зайцем, которого до меня, разумеется, никто не беспокоил в его подземном убежище.

Пройдя еще несколько метров по коридору, я обнаружил, что дальнейший путь преграждает глубокая воронка, за которой подземный коридор продолжается все так же прямо и горизонтально.

Несколько камешков, брошенных в эту воронку, исчезли в глубине, и оттуда донесся глухой шум их падения. С ловкостью гимнаста, не безопасной для новичка в столь уединенном месте, я перепрыгнул через воронку и двинулся дальше. Но скоро дорогу мне преградила новая воронка. Из глубины ее доносился звук, который с тех пор так часто сопровождает меня в моих подземных путешествиях: лепет ручья, протекавшего, по-видимому, в нижнем этаже пещеры.

Сколько мощных водных потоков, подчас на чудовищной глубине, удалось мне обнаружить с того дня, когда я замер на месте, пораженный и восхищенный, вслушиваясь в слабое журчание подземного ручейка в пещере Монсонне!

Бесчисленные подземные реки и ручьи, черные и ледяные, подобно мифическому Ахерону, где мне приходилось плавать и нырять при самых различных, иной раз трагических обстоятельствах, никогда не изгладит и моей памяти скромный ручеек Монсонне, над которым я склонился с глубоким волнением, потому

что это был самый первый подземный ручей в моей жизни, и своей страстью к исследованию недр земли я обязан именно ему.

Я вошел в пещеру, когда уже смеркалось. Скоро наступит ночь, и дома, конечно, начнут беспокоиться, куда я пропал. К тому же единственная взятая с собой свеча уже сгорела наполовину. Бросив прощальный взгляд на продолжение подземного коридора, сулившее мне новые открытия, я повернул обратно.

На следующий день мы вместе с моим младшим братом Марциалом снова очутились у входа в пещеру Монсонне. Время было еще более позднее, чем накануне. Однако мы были полны решимости продолжать исследование пещеры. Позднее же время было избрано для того, чтобы избежать нежелательной встречи с рабочими каменоломни, которые могли запретить нам вход в пещеру. Кроме того, я находил особенную прелесть именно в такой ночной экспедиции. Таинственность звездного неба и подземного мрака всегда производила на меня неотразимое впечатление. А перспектива углубиться таким образом как бы в двойную ночь, царившую на земле и под землей, вызывала у меня особое чувство, нечто вроде ностальгии доисторических времен.

Присев на корточки перед входом в пещеру, мы зажгли принесенные с собой свечи. Я надел на спину свой походный рюкзак, где лежали толстая веревка, молоток и пачка стеариновых свечей, и проскользнул в узкое отверстие. Брат следовал за мной, столь же ловкий, сколь решительный. Через несколько минут мы были уже у второго колодца; из глубины его по-прежнему доносился лепет подземного ручья. Однако устье колодца оказалось слишком узким, чтобы можно было предпринять попытку спуститься в него. Перескочив через воронку, мы двинулись дальше по подземному коридору. Скоро на стенах его появились первые кристаллы. Глинистый пол сменился известняковым, украшенным конкрециями (включениями), и мы очутились в сталактитовом гроте. Картина, представшая перед нашими восхищенными взорами, была столь новой и необычной, что мы замерли на месте, взирая, как зачарованные, на эти странные и прекрасные образования минералов. Мы любовались без конца белыми тонкими сталактитами и темными приземистыми сталагмитами, впадали в экстаз перед окаменевшим водопадом и продвигались все дальше в глубину этой волшебной пещеры, открывая в ней всё новые и новые чудеса.

Несколько воронкообразных колодцев, подобных первым двум, преодолены. В глубине их по-прежнему слышится журчание ручья, протекающего под нами, в нижнем этаже пещеры.

Подземный коридор кажется нам бесконечным. Но внезапно он кончается, и провал, открывшийся перед нами, не похож на

встречавшиеся до того колодцы, которые можно было перешагнуть, перепрыгнуть или обойти по карнизу вдоль стены. Нет, на сей раз это конец подземного коридора, по которому мы шли, потому что на противоположной стороне провала видна глухая стена. Выдающаяся над провалом закраина, скошенная и покрытая скользкой глиной, не позволяла приблизиться к самому краю и заглянуть вниз, чтобы судить о глубине. К счастью, совсем рядом возвышается толстая сталактитовая колонна. Мы привязываем к ней прочным узлом двенадцатиметровую веревку и бросаем в провал несколько камней. Определив этим нехитрым способом примерную глубину его, я засовываю свечу за борт своей шляпы, беру в руки веревку и соскальзываю с обрыва. Первый спуск в подземную пропасть — и с каким примитивным снаряжением! Сердце мое замирает в груди от волнения, но, к счастью, спуск длится не долго, и через минуту ноги мои касаются земли. Взволнованный успехом, дрожа от возбуждения, я выкрикиваю советы и указания оставшемуся наверху брату, слежу за тем, как он, в свою очередь спускается по веревке, увлекая за собой комья влажной глины, которые сыплются на меня, а я в горячке даже не замечаю их.

И вдруг в самый решающий момент, когда я уже готов принять в свои объятия братишку, башмаки которого раскачиваются в воздухе над моей головой, раздается легкое потрескивание, сопровождаемого отвратительным запахом паленой шерсти. В ужасе я срываю с себя шляпу, пылающую ярким огнем, и отбрасываю ее прочь, а брат сваливается на меня, корчась от хохота. В спешке я позабыл о свече воткнутой за борт шляпы, и едва не лишился головного убора.

Ах эта прожженная в пещере Монсонне шляпа! В скольких подземных пещерах она побывала с тех пор, предметом скольких шуток и острот послужила! Она стала в нашем кругу такой же легендарной как шляпы гасконских дворян, у которых «перья прикрывали дыры» Милые старые воспоминания!

Вдоволь нахохотавшись и успокоившись немного, мы принимаемся обсуждать дальнейший план действий. Перед нами открываются два пути: у самого подножия стены зияет круглая отдушина, круто уходящая вниз; в противоположную же сторону пещера продолжается в виде горизонтального прохода, более широкого и неровного, чем коридор верхнего этажа, который мы только что покинули.

Горя желанием как можно скорее достичь подземного ручья, мы отдаем предпочтение узкой отдушине, и я храбро лезу в нее. Вытянув руки вперед, я медленно сползаю вниз по скользкой глине, увлекаемые тяжестью собственного тела. Отталкиваясь

ногами, я то замедляю, то ускоряю это необычайное движение по наклонной плоскости. Внезапно руки мои погружаются по кисти в воду — такую прозрачную, что я ее не заметил. Свеча, упав в эту воду, гаснет, и я остаюсь в полном мраке, заткнув своим телом, как пробкой, узкий лаз и ощущая вокруг своих запястий ледяные браслеты невидимой воды. Мой спутник, узнав в каком положении я нахожусь, мог бы, конечно, на худой конец, вытащить меня за ноги из ловушки, в которую я попал. Однако, ободренный небольшой глубиной подземного ручья и тем, что лаз дальше расширяется (я успел заметить это до того, как свеча погасла), я продолжаю скользить по наклонной плоскости дальше. Нащупывая во тьме дорогу и передвигаясь ползком, а затем на четвереньках, я вхожу наконец в русло подземного ручья. Братишка, толкая перед собой мой рюкзак и держа в руке зажженную свечу, присоединяется ко мне.

Так мы добрались до подземного ручья в нижнем этаже пещеры Монсонне, и воды его в этом месте были так чисты и безмолвны, что я обнаружил ручей лишь тогда, когда ощутил на своих руках его холодное прикосновение.

Исследуя течение подземного потока, мы шли все дальше и дальше, азартно преодолевая естественные преграды, возникавшие на нашем пути, и с восторгом сознавая, что мы идем там, где еще не ступала нога человека. Эта ночная экспедиция запомнилась мне на всю жизнь. Самые красивые, давно освоенные людьми и мощно освещенные прожекторами пещеры не изгладят в моей памяти дикую феерию подземного лабиринта пещеры Монсонне, увиденного нами при слабом и неверном свете наших двух простых свечей.

Обогадив наши чувства совершенно новыми впечатлениями и ощущениями, эта первая подземная вылазка к тому же явилась для нас обоим источником множества важных и полезных для спелеолога сведений. Мы получили наглядное представление о том, как образуются под землей пещеры и какие природные процессы там происходят. Мы узнали, что в подземных глубинах встречаются вещи, способные удивить и взволновать самого равнодушного человека.

Подобно герою старой сказки, очарованному чудесным пением маленькой птички и проведенному целый век, следуя за ней в чаще заколдованного леса, мы долго брели по каменному коридору вслед за убегающей вдаль струйкой подземного ручейка. А он, словно волшебная, нить Ариадны, вел нас, лепеча свою бесхитростную песенку, от скалы к скале, от бочажка к бочажку, от водопадика к водопаднику, — вплоть до конечной скважины. Здесь водяная струйка исчезла в узкой каменной щели, всхлип-

нув на прощание, будто человек перед разлукой. Место ее исчезновения было фактически концом пещеры. Здесь ручей скрывался, чтобы продолжить глубоко под землей свой таинственный путь, спускаясь все ниже и ниже в земные недра, в те неведомые глубины, куда ни одно живое существо не в состоянии за ним последовать.

В полночь, закончив обследование нижнего этажа пещеры, мы снова стояли перед вертикальной стеной, с которой свешивалась наша веревка — тонкая ниточка, связывающая нас с поверхностью земли. Дернув несколько раз веревку, чтобы проверить ее прочность, мы решили продолжить исследование пещеры по второму коридору, открывавшемуся в противоположном направлении у подножия вертикальной стены.

При первой же попытке проникнуть в этот коридор мы убедились, что влажная, вязкая глина может оказаться непреодолимым препятствием для спелеолога. Нам пришлось выдержать настоящий бой с глинистыми стенами и откосами, мягкими и скользкими, словно сливочное масло, где человек, с трудом поднявшись на несколько метров вверх, тут же сползает обратно в исходное положение вместе со всей массой мокрой глины. Все же, после многих попыток и усилий, нам в конце концов удалось преодолеть эту коварную преграду. Подставляя друг другу спину, мы вскарабкались таким образом по нескольким крутым и скользким откосам и очутились в сухом каменистом коридоре, обильно украшенном белоснежными сталактитами. Измазанные с ног до головы липкой глиной, мы едва удерживали в слипающихся пальцах наши свечи, тоже облепленные глиной и грозившие потухнуть. Пришлось заняться отскабливанием всей этой грязи, чтобы освободиться хотя бы частично от сковывающей наши движения оболочки.

Украшенный сталактитами и сталагмитами коридор постепенно суживается, потолок его опускается все ниже и ниже. Приходится пригибаться, потом становиться на четвереньки. Потолок продолжает снижаться, затем тянется параллельно гладкому и сырому полу. С трудом преодолеваем ползком еще несколько метров узкого, как звериная нора, лаза. В конце его я вижу целый лес коротких и толстых сталактитовых колонок, плотно загораживающих проход. Продвигаться дальше невозможно; по-видимому, здесь конец прохода. Но мы не собираемся отступать, не испробовав все способы и средства. Я достаю из рюкзака молоток и, растянувшись во всю длину на холодной и мокрой глине, стиснутый с обеих сторон каменными стенами, яростно размахиваю своим орудием, зажатым в вытянутой вперед руке. Движениями косца я атакую решетку сталактитовых колонок. Самые хрупкие

разлетаются вдребезги от моих ударов. Положение мое не из за-видных, а результаты деятельности мизерные. Но дух разруше-ния уже овладел мною, и, только исчерпав все силы, я, пятясь, отползаю назад и уступаю место брату, который сменяет меня на трудовом посту. Прижавшись животом к ледяному полу, мы, задыхаясь, колотим изо всех сил молотком и думаем только о проходе, который, быть может, пробьем ценой этих каторжных усилий. Каждый удачный удар молотка, каждая разбитая колон-на вселяют в нас бодрость и новую надежду. Мы надрываемся, словно замурованные в подземелье смертники. Нас обуяла лихо-радка исследователей, и мы откажемся от своего намерения толь-ко тогда, когда силы окончательно покинут нас. Конечно, это всего лишь игра в исследователей, но мы так увлечены ею, словно наша жизнь и впрямь зависит от того, пробьем мы или нет про-ход в сталактитовой решетке. Как часто впоследствии при анало-гичных обстоятельствах мне приходила на ум одна фраза Гюста-ва Лебона: «Секрет успеха тех, кто делает открытия, в том, что они считают, будто ничего невозможного для человека нет».

Выбившись из сил, брат, в свою очередь, уступает место мне, и я снова принимаюсь за тяжкий труд пробивателя каменных стен. Мне удастся найти уязвимое место в сталактитовом барьере, и мало-помалу я расширяю брешь. Груда сталактитовых обломков растет, я нетерпеливо отодвигаю ее в сторону. Удачный удар мо-лотка разбивает пополам толстую известковую колонну; сквозь образовавшуюся пробоину я вижу впереди продолжение подзем-ного коридора, свод которого постепенно поднимается. Ура! Мы пройдем! Рванувшись вперед, я продираюсь с грехом пополам сквозь узкую щель между сталактитами, рискуя раздавить груд-ную клетку и переломать все ребра. Приходится задерживать дыхание, а главное, подавлять в себе приступы панического, жи-вотного страха при мысли о том, что я могу застрять в этом каменном мешке и задохнуться. Этот страх — самое тягостное ощущение, которое испытываешь в подобных случаях под зем-лей, и справиться с ним всегда очень трудно.

Теперь когда мы преодолели препятствие, нас беспокоит мысль, что лаз слишком узок и проползти по нему в обратном направлении окажется невозможно. Но подземный коридор про-должается, и это единственное, что для нас в данную минуту существенно. Потолок поднимается все выше, горы влажной гли-ны возвышаются кое-где на нашем пути, новые колодцы развер-заются у наших ног. Мы продвигаемся быстро, стремясь увидеть всё новые и новые волнующие картины подземного мира.

Новые препятствия также не заставляют себя ждать, ибо ло-вушки и препятствия под землей — вещь обычная. Подземная

галерея внезапно заканчивается тупиком, но на задней стене его, на высоте человеческого роста, зияет узкое отверстие, которое мы берем буквально с бою. За ним открывается горизонтальный ход, совершенно сухой. На покрытом пылью каменном полу я с изумлением обнаруживаю следы маленького зверька. Совершенно ясно, что зверек не мог попасть в пещеру со стороны каменоломни — слишком много препятствий пришлось бы ему преодолеть. Значит, у пещеры Монсонне есть другой выход, и мы находимся на пути к нему. Быть может, через несколько метров мы обнаружим этот выход и очутимся где-нибудь в лесу, высоко в горах... Своды пещеры звенят от наших громких, возбужденных голосов. Устремляясь вперед, мы уже прикидываем вслух, где может находиться этот второй выход из пещеры и какова приблизительно длина ее подземных галерей. Но проход скоро кончается глухой стеной, без единого отверстия или щели, и у подножия этой стены белеет хрупкий скелет каменной куницы. Вертикальные стены галереи изгибаются и сходятся над нашими головами, образуя свод, в центре которого чернеет узкая щель. Видимо, именно через эту щель несчастная куница, неизвестно каким путем попавшая туда с поверхности земли, свалилась в подземную галерею, где мы находимся, и погибла, не найдя выхода.

Так закончилось наше исследование пещеры Монсонне — первой настоящей пещеры в моей жизни. Мы вынуждены были повернуть вспять и проделать в обратном направлении весь пройденный нами нелегкий путь.

Только в три часа утра выбрались мы наконец из пещеры, усталые, покрытые с ног до головы липкой грязью, но очень довольные тем, что довели дело до конца. Вскочив на наши велосипеды, обрызганные утренней росой, мы покатали к дому. Мы ехали в молчании вдоль живых изгородей, мимо спящих полей и перелесков, мимо сельских домиков с темными окнами и плотно закрытыми ставнями.

Погруженные в мысли о нашей ночной экспедиции в пещеру Монсонне, мы ощущали всю завлекательность, все очарование подземных поисков. Первая вылазка в недра земли открыла нам глаза на совершенно новый, неведомый до сего времени мир. В ту ночь мы впервые услышали настойчивый призыв подземного царства, и призыв этот был так силен и властен, что даже сегодня, после сотен подземных исследований и открытий, пещера Монсонне жива в моей благодарной памяти, потому что она была моей первой пещерой.

Первый спуск в пропасть

Мой первый спуск в пропасть! Как он был прекрасен, какое это было волнующее, незабываемое событие в моей жизни!

К тому времени, как это случилось, я успел повидать только такие гроты и пещеры, для исследования которых можно ограничиться самой примитивной экипировкой: ацетиленовый фонарь, несколько свечей и десяти-двенадцатиметровая веревка для спуска с крутых откосов и уступов.

Вертикальные подземные колодцы были мне недоступны из-за отсутствия специального снаряжения, и моя мечта об исследовании таких колодцев утолялась лишь чтением единственного бывшего в моем распоряжении капитального научного труда известного геолога и исследователя подземных пещер Мартеля «Бездны». Захватывающие описания его смелых экспедиций под землю иллюстрировались множеством планов, разрезов и схем, выполненных учениками прославленного спелеолога Гийомом Вюилье и Люсьеном Рюдо. С замирающим сердцем вглядывался я в убегающую в темноту перспективу тонких веревочных лестниц, на конце которых покачивалась крохотная фигурка исследователя, напоминая паука, повисшего на кончике своей нити.

Сколько раз рассматривал я эти рисунки и схемы пропастей, одни названия которых вызывали у меня головокружение и неудержимое желание повторить в один прекрасный день подвиг героя этих опасных, но увлекательных путешествий. Героя, который отважно спускался на немыслимую глубину в недра французской земли, находил там дворцы из сказок «Тысячи и одной ночи» и раскрывал их тайны и загадки во славу науки!

Этот исследователь ежедневно и ежечасно рисковал жизнью, спускаясь иной раз в пропасти с помощью простой палки, привязанной за середину к концу длинной веревки. В таком виде, сидя верхом на своей палке, словно ведьма на помеле, Мартель отправлялся в недра земли, облаченный в пиджак и шляпу-котелок, подобно какому-нибудь ученому герою Жюль Верна.

Так выглядел на фотографиях знаменитый Мартель, первооткрыватель пропасти ПадиравЪк, провалов Арманд, РабаневЪль, Мас РейнавЪль и стольких других гигантских подземных пустот, которые он исследовал десятками в самых различных уголках земного шара.

В те времена я даже помыслить не мог, что когда-нибудь мне выпадет честь стать его учеником и близким другом, что мне суждено испытать те же радости и те же волнения, какие испытывал он. И уж никак не мог я предвидеть, что буду иметь счастье

назвать его именем открытую и исследованную мною самую глубокую пропасть Франции.

Чтение книги Мартеля произвело на меня слишком сильное впечатление, чтобы я мог долго противиться искушению. С каждым днем во мне крепло решение спуститься самому в какую-нибудь пропасть.

Однако, поскольку в моем распоряжении не было ни веревочной лестницы, ни лебедки, ни товарищей, необходимых для подземной экспедиции такого рода, мне пришлось отказаться от мысли о спуске в целый ряд пропастей, слишком глубоких, сложных и потому для меня недоступных. После долгих размышлений и колебаний я остановил свой выбор на очень симпатичной пропасти, всего лишь шестидесяти пяти метров глубиной. Схематический разрез ее показывал, что для спуска на дно пропасти достаточно запастись 35-метровой веревкой. Остальной путь проходил по откосу крутизной 45°, образованному огромной каменной осыпью.

Я выбрал эту пропасть еще и потому, что она была расположена неподалеку от нашего дома, близ горной деревушки АрбавЪИ, на высоте 800 метров, в предгорьях Пиренеев и верховьях Гаронны.

В один прекрасный день, проехав на велосипеде около двадцати километров, я прибыл в деревню Арба. Облюбовав среди ее жителей почтенного старика, я с трепетом спросил его, не знает ли он, где расположен вход в пропасть Планк.

О да, разумеется, он прекрасно знает эту пропасть, правда, под другим именем. Он даже помнит ученого из Парижа, приезжавшего однажды летом в Арба. Ученый нанял тогда проводников, носильщиков и мулов и отправился в близлежащий лес, где установил палатку и предпринял спуск в некоторые пропасти, открывавшиеся в этом лесу.

Я жадно слушал человека, видевшего своими глазами Мартеля. Старик рассказывал о приезде парижанине весьма картинно и выразительно, вплетая в свое повествование все анекдоты и легенды, ходившие с тех пор по деревне Арба и ее окрестностям, где приезд прославленного ученого произвел настоящую сенсацию и запомнился надолго.

Старикан был неистощим в своих воспоминаниях, он не умолкал ни на минуту. Но каким подозрительным, презрительным и осуждающим сделалось его лицо, когда я открыл ему, что намерен отправиться к пропасти Планк и спуститься в нее.

Как все жители Пиренеев, гордящиеся своими горами и не терпящие, чтобы кто-либо относился к ним неуважительно, а главное, проявил больше предприимчивости и смелости, чем они

сами, — старый горец, до сих пор разговаривавший со мной охотно и дружелюбно вдруг резко изменил тон. Ему льстило, что какой-то пришелец и чужак интересуется пропастями в его родных горах и даже приехал издалека, чтобы расспросить о них. Но спускаться!..

В речи моего собеседника сразу зазвучала враждебность и желание противоречить.

Пропасть Планк, по его словам, — самая опасная во всей округе Мартель едва не погиб там под каменной лавиной, а глубина ее такова, что спущенная в пропасть веревка длиной в «шестьдесят пастушьих посохов» не достала дна...

Такие устрашающие сведения, вероятно, поколебали бы мою решимость, если бы в кармане у меня не лежала записная книжка с планом и схемой пропасти Планк, сделанными Рюдо и Жаммом, сопровождавшими Мартеля при спуске. К тому же мне была хорошо известна страсть деревенских жителей ко всевозможным преувеличениям, когда их спрашивают о местных подземных пещерах и пропастях, куда они, кстати сказать, никогда не удосуживаются заглянуть.

Приняв скромный и даже смиренный вид, я поспешил заверить старика, что хочу лишь осмотреть местонахождение провала Планк. Только такой ценой удалось усыпить подозрения старого горца, и он согласился дать мне указания, как найти устье пропасти. Указания эти были весьма расплывчатыми и путанными и сводились, в основном, к тому, что после двухчасового подъема в гору сквозь густой лес я непременно увижу устье провала «рядом с большим буком».

Сколько раз приходилось мне впоследствии отыскивать по таким вот описаниям входы в подземелья и устья подземных колодцев! Часами бродил я в непролазной чаще и после долгих, бесплодных поисков часто возвращался ни с чем, кляня на чем свет стоит того, кто объяснял мне дорогу.

Уже много времени ходил я во всех направлениях по лесу Арба отыскивая пресловутый «большой бук», пока наконец добрый бог подземелий и пещер не сжалился надо мной, и я увидел — нет, не «большой бук» (его не было и в помине!), но зияющее в земле отверстие, наполовину замаскированное густой листвой.

Запыхавшийся и трепещущий от волнения перед этим отверстием зевом земли, я все же сразу сообразил, что именно здесь находите вход в пропасть Планк. Я узнал его по описанию Мартеля, читанному, перечитанному и запомнившемуся наизусть. Сбросив с плеч тяжелый рюкзак со снаряжением, я присел на камень и тут со стыдом и разочарованием констатировал, что, по видимому, не принадлежу к племени отважных разведчиков

земных недр. Нет, никогда не осмелюсь я спуститься в эту страшную дыру! При одном только взгляде на нее меня охватывал леденящий страх.

В книге Мартеля разрез пропасти Планк выглядел четко и ясно: наклонный колодец глубиной 20 метров, затем десятиметровый отвесный спуск, а ниже — крутая каменная осыпь, ведущая в обширный подземный зал на дне пропасти.

Сейчас, в сопоставлении с действительностью, схема эта казалась весьма условной и внушала мало доверия. Еще немного — и я поверил бы словам старого горца, а не книге Мартеля. Я был словно загипнотизирован этим головокружительным, уходящим в глубь земли черным провалом, над входом в который моя еще свежая память школьника невольно помещала надпись, увиденную Данте над воротами Ада: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Легкий туман, пахнувший сырой землей и лишайниками, увлажнял зеленый мох и черные скользкие камни наклонного колодца. И мое испуганное воображение рисовало ужасное и нескончаемое падение в бездну грешников, осужденных на вечные муки. Это уже не было похоже ни на увлекательное «Путешествие к центру Земли», прочитанное в недавнем детстве, ни на вдохновивший меня труд Мартеля. Это был Данте со всеми его мистическими ужасами!

Поддайся я охватившему меня паническому настроению — и не видать бы мне пропасти Планк как своих ушей. Я тут же повернул бы вспять. Но где-то в самой глубине моей души росла смутная уверенность, что я не уйду отсюда вот так, ничего не предприняв. Полдневный анжелюс[2] давно прозвонил в долине, пора было подкрепиться. Я надеялся, что мой скромный завтрак поможет мне вернуть утраченное душевное равновесие, рассеять опасения и привыкнуть к мысли, что я должен во что бы то ни стало спуститься в пропасть Планк.

Сидя на краю провала, я принялся завтракать, поглядывая поочередно то на черное отверстие, разверзавшееся у моих ног, то на залитую июльским солнцем долину, откуда я пришел. Иногда взгляд мой останавливался на полураскрытом дорожном мешке, из которого выглядывал моток туго свернутой веревки, напоминая о том, что так долго выношенная мечта готова наконец осуществиться. Сейчас я спущусь в первую в моей жизни пропасть!

Да, долгожданный момент наступил. Я вскакиваю на ноги и энергично принимаюсь разматывать веревки и связывать их концы.

Я собрал все, что мог найти дома подходящего для моей экспедиции в смысле веревок, и надо сказать, что «ансамбль» получился весьма неоднородный. В моем распоряжении было всего около тридцати пяти метров не очень удобных для спуска (слишком тонких) веревок, способных, однако, выдержать тяжесть тела подростка.

Привязав веревку к ближайшему стволу дерева прочным узлом, я почувствовал, как спокойствие и уверенность понемногу возвращаются ко мне. Я старался поддержать в себе эту уверенность, вспоминая без всякой ложной скромности, что с детства был хорошо натренирован во всевозможных упражнениях, развивающих ловкость и силу. Все эти размышления способствовали тому, что я окончательно овладел собой и уже без мрачных опасений освободился от всего лишнего, спрятал свое имущество в кустарнике и, держа в зубах зажженную свечу, сполз, пятясь, в отверстие провала и стал спускаться, равномерными движениями перехватывая веревку и стараясь дышать ровне и глубоко.

На двадцатиметровой глубине наклонный колодец заканчивается и круто обрывается на узком уступе вертикальной стены, отвесно уходящей вниз, в глубину, где царит беспросветный мрак.

Уверившись теперь в силу своих рук и в точности схемы, воспроизведенной в книге Мартеля, я не стал задерживаться долго на этом месте своего спуска.

Встав на колени на краю уступа, спиной к зиявшей позади пустоте я соскользнул на животе с закраины скалы и повис, крепко сжимая: руками и ногами уходящую в черную глубину веревку. Но в тот момент, когда голова моя находилась на уровне каменного карниза, свеча ударилась верхним концом о камень и потухла. Пришлось спускаться ощупью, в полном мраке. Тридцать метров кажутся нам совсем небольшой величиной, если нужно преодолеть это расстояние по горизонтали. Но надо отчетливо представить себе, что 30 метров здесь — это высота восьмизэтажного дома, и на человека, висящего в полной тьме на конце веревки, такая цифра производит весьма внушительное впечатление. Поэтому с огромным чувством облегчения я наконец касаюсь ногами твердой почвы. Первым делом зажигаю снова и свечу и ацетиленовый фонарь. Неизъяснимое чувство гордости овладевает мной: я преодолел свои страхи и победил первую в моей жизни пропасть!

При свете свечи и фонаря я угадываю обширные размеры подземного зала с высоким сводом, очертания которого теряются во мраке. Крутой склон усыпан крупной каменной осыпью, по которой я проворно спускаюсь вниз, на дно пропасти, стремясь как

можно скорее достичь заветной глубины 65 метров.

По дороге я делаю две находки, новые и волнующие для меня. Среди многочисленных костей овец и баранов я обнаруживаю хорошо сохранившиеся рога северного оленя, лежащие здесь, по видимому, с глубокой древности, потому что на человеческой памяти это животное никогда не встречалось в Пиренеях. Немного дальше, придавленный огромным валуном, белеет скелет бурого медведя с неповрежденным черепом.

Все эти животные с незапамятных времен падали в отверстие наклонного колодца — настоящую природную западню, и кости их лежат здесь теперь вперемешку после бог весть какой долгой и мучительной агонии...

Огромные полусгнившие стволы деревьев валяются повсюду; они, очевидно, тоже скатились сюда сверху.

У подножия хаотической каменной осыпи дорогу мне преграждает миниатюрное озеро, питаемое тонкими струйками воды, стекающими вдоль толстой сталактитовой колонны, изборозженной множеством желобков и напоминающей окаменевший водопад. Вода, струящаяся вдоль колонны, отлагает здесь каждый день свою крошечную ношу извести, а сама падает в прозрачный водоем.

Излишек воды вытекает из озерца через узкую щель и исчезает в подземной глубине, направляясь неведомо к какому дальнему выходу из-под земли, вероятно к какому-нибудь роднику в долине.

Но вот наконец и дно пропасти. В неверном свете ацетиленового фонаря я в полном безмолвии и одиночестве наблюдаю воочию механизм движения подземной воды. Она сочится каплями и тонкими струйками с циклопических стен подземного зала и собирается в самой нижней его точке, в крохотном озере.

Эти скрытые в подземных лабораториях природы водоемы питают как скромные источники и родники долины, так и многоводные подземные реки, мощными потоками вырывающиеся из-под земли.

Я вижу своими глазами самую загадочную и самую поэтическую фазу вечного круговорота воды в природе — ту, во время которой водяные струйки пробираются сквозь земную толщу одним им известными таинственными путями!

Но вскоре я замечаю, что подземный водоем наполняется не только за счет кристально чистой воды, стекающей с потолка и стен. Темный ручеек вытекает из-под каменной осыпи. Он просачивается сквозь нагромождения валунов, омывая все, что встречается на его пути, в том числе и кости, и гниющие деревья, и падаль...

Этот убедительный пример ярко иллюстрирует ту опасность, которую приносит необдуманное загрязнение источников. У пиренейских крестьян — да и не только у них — существует обычай сбрасывать в подземные пустоты и пропасти трупы павших животных и другие гниющие отбросы. Непрерывно просачивающаяся сквозь известковую породу вода растворяет и уносит с собой эти отбросы и, выбившись где-нибудь у подножия горы родником, может послужить причиной возникновения страшной эпидемии...

На дно пропасти я спустился по самой середине каменной осыпи. Подниматься же обратно решил по краю ее, вдоль одной из стен подземного зала.

На полпути к вершине каменного холма, где свисает веревка, соединяющая меня с внешним миром, я внезапно замечаю в стене вход в темный коридор, полого уходящий вверх. Удивленный и заинтригованный, я вхожу под его своды и, прыгая через усеивающие пол обломки, продвигаюсь вперед. Удивление мое понятно: ни в тексте книги Мартеля, ни в схеме-разрезе пропасти Планк этот коридор не обозначен.

Неровный, заваленный камнями ход скоро приводит меня в обширный грот с пыльным земляным полом. Воздух здесь спертый, шаги мои звучат глухо и не будят эха. Внезапно я замечаю у своих ног груды костей каких-то крупных животных. Присмотревшись, я опознаю, кому принадлежали эти останки, хотя до того времени видел подобные кости лишь в витринах палеонтологических музеев. Это скелеты пещерных медведей, грозных хищников, обитавших на Земле в доисторические времена. Они населяли тысячами подземные пещеры, и первобытным людям приходилось с боем отвоевывать у этих чудовищ свои жилища.

Опустившись на колени, я с волнением рассматриваю и подбираю черепа и челюсти с огромными клыками... Зрелище этих доисторических останков, озаренных неровным светом моего фонаря, производит внушительное впечатление. Мысль моя уносится к тем отдаленным временам, когда в этом гроте обитала целая стая свирепых хищников и каменные своды отражали их яростное рычание.

Миновав подземный зал с костями ископаемых медведей, я двинулся дальше по узкому и неровному коридору, который неожиданно закончился скалистым обрывом. Слабый свет моего фонаря не достигал до дна этого глубокого колодца, брошенные в него камни падали где-то далеко внизу.

Оказывается, пропасть Планк не была исследована Мартелем до конца и имеет не известное ему продолжение. Но каким образом страшные пещерные медведи попали сюда?

В этот день я впервые изведal тайную и опьяняющую радость столько раз испытанную впоследствии: быть первооткрывателем подземного лабиринта, о котором никто не подозревал.

За неимением веревки я не смог в тот день продолжить свое исследование. Но через несколько дней вернулся опять, вооруженный дополнительной веревкой для обследования этого конечного колодца.

Любопытство боролось во мне со страхом, когда я соскользнул с каменного уступа в крошечную тьму колодца, держа в зубах зажженную свечу.

На глубине 8—10 метров я смог, раскачав веревку, встать двумя ногами на каменный карниз и отсюда проникнуть в нижний, не обследованный никем этаж пещеры. Отказавшись от мысли достигнуть дна колодца — для этого снаряжение мое было явно недостаточным, я осторожно двинулся вперед по новой подземной галерее. Здесь также встречались время от времени кости пещерных медведей. Затем путь мне преградил новый провал, на этот раз во всю ширину галереи. Перебраться или перепрыгнуть через него не представлялось возможным.

Но по ту сторону колодца подземная галерея продолжалась, и темные своды ее неудержимо манили меня к себе.

Долго я стоял, размышляя, перед этим непреодолимым препятствием, потом со вздохом повернул назад. Однако на обратном пути я придумал способ, с помощью которого можно было перебраться через колодец.

Неделю спустя я снова приехал в деревню Арба. Спрятав велосипед в надежном месте, я поднялся в гору, сгибаясь под тяжестью рюкзака, нагруженного больше чем когда-либо. Пробираясь сквозь кустарник, я думал о том, что мои частые посещения окрестностей Арба должны в конце концов возбудить подозрения у местных жителей. Между тем именно сегодня мне надо было во что бы то ни стало проскользнуть к пропасти Планк незамеченным.

Добравшись до устья пропасти, я, по обыкновению, позавтракал, сидя у входа и с интересом разглядывая тонкие и гибкие стволы молодых каштанов, которые росли вокруг. Затем, вытащив из рюкзака топорик с остро отточенным лезвием, направился к одному приглянувшемуся мне деревцу.

Прежде чем нанести первый удар, я некоторое время колебался. Страх быть схваченным жандармами или, вернее, лесником удерживал меня, но ненадолго. Решение мое было твердым и хорошо обдуманым.

Волнуясь, как всякий правонарушитель перед первым преступлением, я азартно принялся рубить молодое деревце. Скоро оно

рухнуло на землю почти без шума. В несколько мгновений я очистил ствол от веток и сбросил их в пропасть. Затем тщательно собрал щепки и замаскировал пенек мхом.

Уничтожив все следы своего преступления, я сунул ствол каштана и устье провала: он скользнул по наклонной плоскости и исчез в глубине.

Я последовал за ним, держась за веревку. Спустившись на дно колодца, я обнаружил там свое деревце, взвалил его на плечо и двинулся, сгибаясь под тяжестью, к открытому мной в прошлый раз подземному коридору.

Идти по узкому, извилистому проходу с длинным шестом на плече было тяжело и неудобно. Я продвигался вверх с трудом, как муравей, который тащит соломинку втрое длиннее себя. Одной рукой я поддерживал шест, в другой держал фонарь. Вдруг на одном из поворотов я замер от неожиданности, увидев перед собой... крысу. Зверек тоже застыл на месте, загнипнотизированный, по-видимому, светом моего фонаря. Тем, кому хорошо известно, что подземная фауна Франции представлена только насекомыми и некоторыми видами простейших, должно быть понятно мое крайнее изумление. Подумать только, я, может быть, открыл неизвестный доселе науке вид грызунов, обитающих в вечном мраке подземных пещер и лабиринтов! С жадным любопытством рассматривал я крысу и успел заметить, что усы и брови у нее необычайной длины. Неужели она была слепой, как знаменитая *Neotoma*, лишенная зрения крыса, населяющая Мамонтову пещеру в Америке? Заполучить такой редкий экземпляр было бы неслыханной удачей! Но как это сделать? В одной руке у меня фонарь, другая по-прежнему поддерживает лежащее на плече деревце. Я медленно отпускаю шест, он скользит назад по моей согнутой спине, я срываю с головы кепку и с силой бросаю ее в крысу. Удар попал в цель, и зверек скатывается с камня, на котором сидел, прямо к моим ногам. Но в ту же секунду шест, соскользнувший с моего плеча, основательно ударяет меня по поянице, с грохотом катится обратно вниз по наклонному коридору и останавливается только в большом зале, у подножия каменной осыпи.

Потирая ушибленные места, я подбираю кепку, но зверек мой исчез бесследно. Больше мне никогда не пришлось встретить пещерной крысы, и всю жизнь я жалел, что в тот раз не сумел изловить ее.

Огорченный неудачей, я отправился на поиски своего шеста, пролетевшего за несколько мгновений весь проделанный мной долгий и трудный подъем.

Со времен этого давнего приключения мне приходилось проделывать под землей множество непредвиденных физических упражнений. Однажды я даже катался на коньках по льду замерзшего подземного озера. Но никогда не забыть мне трудов по перетаскиванию тяжелого и длинного шеста по извилистым подземным переходам при слабом свете плохонького ацетиленового фонаря.

Наконец, после бесчисленных поворотов, толчков, усилий и волнений, я достиг последнего колодца, и мой шест, ловко перекинутый через зиявшее устье провала, должен был послужить мне мостиком для перехода. Мостик был, по правде говоря, не очень-то надежным, он изрядно прогибался, но все же оказался достаточно прочным, чтобы выдержать мой небольшой вес.

Переправляться через провал, сидя верхом на шесте, было рискованно: он был слишком тонок и я легко мог перевернуться. Пришлось прибегнуть к так называемому тирольскому способу, хорошо знакомому всем альпинистам: обхватив шест руками и ногами, повиснуть на нем спиной вниз и передвигаться подобно южноамериканским ленивцам. Нельзя сказать, чтобы я бестрепетно предался этому необычному способу передвижения вниз головой над зияющей пустотой неизвестной глубины. Сознаюсь, я был чрезвычайно взволнован, проделывая такой опасный гимнастический трюк в полном одиночестве. Мой фонарь, оставленный мной на краю провала, был единственным свидетелем этого смертельного акробатического номера и единственной моей моральной поддержкой. Он мог также стать единственным свидетелем моего падения в бездну...

Но я был молод, так же ловок, как неосторожен, и опасная переправа завершилась благополучно. Добравшись до противоположного края колодца, я достал из кармана свечу, зажег ее и, бросив взгляд на оставленный фонарь и хрупкий мостик, который еще покачивался после моей переправы, двинулся дальше по коридору, сулившему мне новые волнующие открытия.

Ужасное разочарование ожидало меня. На первом же повороте подземный коридор закончился глухим тупиком, без единой щели или отдушины.

Удар был неожиданным и тяжелым. Но так как терять мужество не следует ни при каких обстоятельствах, особенно под землей, где неожиданности и разочарования подстерегают исследователя на каждом шагу и где мне суждено было впоследствии испытать величайшие радости научных открытий, способных компенсировать любые усилия исследователя, — я повернул обратно, предварительно начертав кончиком ножа на мягком глиняном полу слова, которые Ростан вложил в уста своего героя

Сирано:

Вдвойне прекрасно то, что бесполезно!

Подземные музеи доисторического искусства

В наше время научно-технического прогресса, когда непрерывный поток изобретений и открытий ориентирует умы людей на будущее, целая плеяда искателей и исследователей со страстным любопытством старается проникнуть взором в бесконечно далекое от нас прошлое человечества.

Эти искатели — археологи, точнее — археологи, занятые изучением доисторических эпох.

«Не утрачивайте ничего из прошлого! — писал Анатоль Франс. — Только зная прошлое, можно построить будущее». А Ламартин добавил: «На прахе умерших покоится родина».

Никогда еще доисторическая археология не вызывала к себе такого пристального и горячего интереса, как в наше время; никогда еще не было такой активности в этой области науки, такого количества экспедиций, направляющихся во все уголки земного шара в поисках исчезнувших цивилизаций или мест обитания первых людей на Земле.

Франция одной из первых проявила горячий интерес к своему доисторическому прошлому. Археолог и антиквар Буше де Перт еще в 1846 году опубликовал солидный научный труд под заглавием «Допотопный человек», положив тем самым начало новой отрасли естественных наук — доисторической археологии.

А на сегодняшний день Франция и Испания имеют право считать свои страны если не колыбелью всего человечества (когда-либо удастся установить), то во всяком случае колыбелью первобытного искусства.

Никакое произведение античного искусства не может идти в сравнение в смысле древности, а иной раз и художественной ценности с доисторической живописью и гравюрами, украшающими стены франко-испанских пиренейских пещер, возраст которых восходит к легендарным эпохам и насчитывает сотни веков существования. Внимание археологов всего мира приковано к замечательным произведениям первобытного искусства, которые наши исследователи время от времени обнаруживают в пещерах Дордони, Пиренеев и прилегающих областей.

Название «пещеры с росписью» было дано спелеологами тем пещерам, где обнаружены доисторические рисунки, гравюры, рельефы и скульптуры, в отличие от пещер, служивших лишь жилищем первобытным людям. В таких пещерах археологи, произведя раскопки, находят во множестве древние очаги и всевозможные предметы домашнего обихода наших отдаленных пред-

ков, сделанные из камня и кости.

Пещеры, содержащие остатки материальной культуры первобытного человека, весьма многочисленны, они имеются почти во всех странах мира. Пещеры же «с росписью», наоборот, чрезвычайно редки. Самые широкоизвестные расположены на территории двух стран: Франции и Испании.

Расскажем хотя бы вкратце о том, как были открыты эти знаменитые пещеры и какие выдающиеся произведения доисторического искусства в них имеются.

Прежде чем отправиться в путешествие во тьму веков и мрак подземных пещер, напомним читателю, что произведения доисторического искусства, о которых пойдет речь, представляют собой в подавляющей своей части изображения животных. Лишь изредка можно встретить среди них человеческий силуэт. Напомним также, что рисунки и скульптуры создавались древними художниками для разного рода магических обрядов и церемоний, способствовавших, по верованиям первобытных людей, удачной охоте. Охотничьи племена ориньякской и мадленской эпох были творцами этих произведений искусства, возраст которых исчисляется 15–20 тысячелетиями.

Доисторические произведения искусства впервые обнаружены в 1879 году в испанской пещере Альтамира, близ Сантандера, в Кантабрийских Пиренеях.

Это сенсационное открытие было сделано семилетней девочкой, которая обратила внимание своего отца, археолога де-Сантуола, на бизонов, изображенных на потолке пещеры.

Событие произошло в те времена, когда доисторическая археология, совсем молодая еще наука, лишь делала свои первые робкие шаги. Поэтому сообщение де-Сантуола о находке было встречено его коллегами весьма недоверчиво и вызвало ожесточенную полемику в научном мире.

Однако в 1895 году другой ученый, Эмиль Ривьер, в свою очередь, обнаружил изображения животных, выгравированные на каменных стенах пещеры Ла-Мут близ Эйзиви (департамент Дордонь). Рисунки находились в узкой боковой галерее, вход в которую был забит доверху отложениями разных пород. Когда в ходе раскопок, производимых Ривьерой в пещере, эти отложения убрали, за ними открылся проход. Отложения, заполнявшие вход в галерею, относились к отдаленной геологической эпохе, что исключало всякую возможность фальсификации или ошибочной датировки изображений. Было совершенно ясно, что рисунки, обнаруженные в галерее по ту сторону земляной пробки, закупорившей вход, должны быть отнесены к той же эпохе.

Благодаря этому открытию отпали последние сомнения в подлинности найденных на стенах пещеры Альтамира изображений. Было доказано, что доисторические рисунки и гравюры могли сохраниться на стенах и потолке пещер, подобно тому как сохранились до наших дней мелкие гравюры на кости и скульптуры, вырезанные из мамонтовых бивней и оленьих рогов, найденные при раскопках в тех же пещерах.

В пещере Альтамира, где юная Мария де-Сантуола первая заметила на потолке силуэт бизона, отдельные изображения животных разбросаны по нескольким галереям. Но в одном из подземных залов, который известный археолог аббат Брэйль назвал Сикстинской капеллой доисторического искусства, потолок украшает изумительная фреска длиной целых пятнадцать метров. Двадцать пять изображений животных, расположенных в невероятном беспорядке, но выполненных с величайшим мастерством, образуют эту фреску, где мы видим бизонов и лошадей, кабанов и ланей.

Все животные, особенно бизоны, изображены с удивительным реализмом и необычайной экспрессией. Одни застыли в угрожающих позах; другие стремительно мчатся в атаку, низко опустив рога; третьи мычат, вытянув шею, а четвертый спокойно лежит, словно корова на пастбище, повернув голову с очень точно схваченным выражением.

Вперемешку с полными жизни бизонами мы видим на фреске ланей и лошадей, нарисованных с замечательной естественностью и непринужденностью. Чуть дальше — силуэты двух кабанов, тоже делающие честь великому анималисту, автору этой изумительной композиции. О кабанах следует сказать особо. Один мчится галопом, другой идет шагом. Этот последний примечателен тем, что у него не четыре, а целых восемь ног! Присмотревшись внимательно, мы догадываемся, что художник хотел дать иллюзию движения животного, нечто вроде хронографии отдельных фаз ходьбы. Этот шагающий кабан пещеры Альтамира как бы предвосхищает — за двести веков! — некоторые модные течения современной живописи.

Животные пещеры Альтамира написаны черной или красной краской; большинство из них — в два цвета. Кроме того, на стенах этой великолепной испанской пещеры мы видим множество более или менее таинственных знаков: линии и черточки, красные пятнышки, несколько отпечатков рук и два-три человекообразных силуэта, нарисованных примитивно и неумело, как все изображения людей этой эпохи.

Любуясь чудесными фресками пещеры Альтамира, мы уже не удивляемся больше скептицизму и сомнениям ученых-археоло-

гов при открытии пещеры в 1879 году. Изображения здесь настолько совершенны, мастерство древних художников так высоко, что можно вполне понять извинить долгие колебания, недоверие и страстные споры, которые вызвали эти шедевры первобытного искусства у археологов, пока их подлинность не была установлена со всей научной точностью и неопровержимостью.

Рисунки, найденные в пещере Ла-Мут, далеко не так совершенны и поэтому вызвали меньше сомнений. Обстоятельства же, при которых они были обнаружены в подземной галерее, закупоренной отложениями доисторических времен, убедительно свидетельствовали об их подлинности.

Узкая галерея пещеры Ла-Мут включает в себе силуэты животных, выгравированные кремневыми резцами на каменных стенах; лишь некоторые изображения сделаны охрой.

Вслед за этими двумя капитальными открытиями археологи стали открывать одну за другой пещеры с доисторическими рисунками.

В Пер-нон-Пера (департамент Жиронда) археолог из Бордо по фамилии ДаловЪІ начиная с 1881 года производил раскопки в небольшой пещере, где им была найдена хорошо сохранившаяся стоянка ориньякской эпохи. Еще в 1889 году Дало заметил на каменных стенах пещеры какие-то линии и черточки, сделанные, несомненно, рукой человека, но, поглощенный своей работой, не обратил на них внимания. Однако в 1896 году, узнав о сенсационных открытиях в пещерах Альтамира и Ла-Мут, Дало стал внимательно рассматривать эти линии и увидел, что они изображают силуэты животных. Рисунки были намного древнее тех, которые украшали стены пещер Альтамира и Ла-Мут, и относились к более раннему периоду палеолита — ориньякской эпохе. На всех гравюрах Пер-нон-Пера животные изображены в полный профиль: одна передняя нога, одна задняя, один рог, одно ухо, один глаз.

В 1897 году Феликс РеньовЪІ, посетив пещеру МарсулавЪІ (Верхняя Гаронна), где производил раскопки его коллега Ко-ДурбавЪІн, заметил на стенах этой маленькой пещеры гравюры и рисунки, на которые до него никто не обращал внимания. А между тем в пещере Марсула более ста изображений, и среди них — человеческие фигуры в масках, очень интересно трактованные, и несколько многоцветных рисунков очень больших размеров, в частности силуэт лошади и великолепный бизон, выполненный в манере пуантилизма.

В 1901 году трое ученых: доктор КапитавЪІн, аббат Брэйль и учитель ПейронивЪІ нашли доисторические рисунки в пещере КомбаревЪІлль, близ ЭйзивЪІ (департамент Дордонь). Эйзи с это-

го времени становится подлинной сокровищницей доисторического искусства. В одном-единственном извилистом коридоре пещеры Комбарелль, длиной в 230 метров, ученые насчитали 116 изображений лошадей, 35 бизонов, 19 медведей, 14 северных оленей, 13 мамонтов, 9 каменных баранов, 5 оленей, 4 лани, 5 львов, 4 волка, лисицу, носорога и целых сорок человеческих силуэтов, схематичных и неумело нарисованных.

В Фон-де-Гом (департамент Дордонь), где пещера имеет всего сто двадцать метров в длину, те же ученые обнаружили более двухсот изображений животных, преимущественно бизонов.

В этой пещере, в противоположность гроту Комбарелль, подавляющее большинство изображений сделано красками, а не гравировано.

На следующий год Пейрони, которому суждено было стать первооткрывателем многих замечательных пещер с росписью, открывает пещеру БернифавТль — опять-таки близ Эйзи! — и в ней двадцать шесть изображений мамонтов, лошадей, бизонов и северных оленей.

Открытия следуют одно за другим в таком количестве, что невольно возникает вопрос каким образом все эти рисунки и гравюры оставались до того времени никем не замеченными?

Кроме рисунков и гравюр, в пещерах находят глиняные скульптуры, барельефы и горельефы, относящиеся к той же эпохе, что и рисунки. Неподалеку от Эйзи, под навесом скалы Кап-Блан (Белый мыс), хорошо сохранился горельеф с пятью лошадьми и двумя бизонами; в пещере Коммари — несколько горельефов с изображением лошадей, бизонов, пиренейских каменных баранов и медведей.

В 1906 году археолог МолавТр обнаружил в пещере НиовТ (департамент Арьеж) превосходные и очень четкие рисунки, сделанные черной краской на светлом камне стен. Лошади и бизоны, олени и лани украшали стены подземного зала, расположенного в восьмистах метрах от входа. Кроме того, в пещере Нио впервые найдены рисунки, начертанные в мягкой глине пола.

В то время как Молар открывает доисторические рисунки в пещере Нио, Феликс Реньо исследует пещеру ГаргавТ (Верхние Пиренеи). Рисунки, которые он там обнаружил, более древние и относятся к самому началу ориньякской эпохи. Кроме рисунков, на стенах пещеры Гарга можно увидеть около двухсот отпечатков человеческих рук. Отпечатки делались следующим образом: рука с расставленными пальцами прикладывалась ладонью к стене, а пространство вокруг нее покрывало черной или красной краской. Таким образом отпечаток получался более светлым, чем окружающий его черный или красный фон. Одна странная особенность

присуща почти всем отпечаткам: фаланги некоторых пальцев отрезаны, а иногда на руке не хватает целого пальца. Это, несомненно, ритуальные ампутации (в знак траура, по обету и т. п.). Отпечатки таких изуродованных рук встречаются во многих пещерах, в пещере Гарга они, пожалуй, самые четкие.

Испания подарила миру первую и одну из самых богатых изображениями пещеру с росписью; было бы странно, если бы в этой стране оказалась единственной. Действительно, открытия испанских пещер заставили долго себя ждать и были сделаны в той же местности, что знаменитая Альтамира. В обнаруженных здесь пещерах с росписью мы видим те же рисунки, те же фрески, тех же животных, что и во Франции, за исключением мамонта и северного оленя, которые никогда переваливали через Пиренеи. Зато в испанских пещерах встречаются изображения слонов и антилоп, отсутствующие по ту сторону Пиренейского хребта.

К 1910 году число открытых пещер с росписью достигло сорока. До самого начала первой мировой войны 1914 года находки не прекращались.

В Пиренеях, точнее, в департаменте Арьеж, чрезвычайно богатом остатками доисторического прошлого, археолог граф Бегуэн со своими тремя сыновьями открыл пещеру Тук д'Одубевьер (1912) и пещеру Трех Братьев (1914). Каждая из этих пещер представляет собой настоящий музей первобытного искусства. Стены их украшены сотнями гравюр и рисунков. Среди них особенно примечательна фигура пляшущего колдуна в ритуальной одежде и маске, а главное, статуи двух бизонов, вылепленных из глины, — первый известный в археологии образчик доисторической скульптуры.

Открытие этих двух пещер в канун войны 1914 года было настоящей сенсацией.

После окончания войны поиски и раскопки возобновились. В 1922 году археологи Лемозивьер и Давивьер открыли в Кабреревьер (департамент Ло) обширную, до того времени неизвестную пещеру, стены которой были обильно украшены изображениями мамонтов, лошадей, медведей, бизонов и северных оленей. Среди них — несколько силуэтов людей и множество рук, нарисованных черной и красной краской. В 1923 году автору этих строк посчастливилось открыть в департаменте Верхняя Гаронна пещеру, получившую название Монтеспан, а через десять лет — пещеру Лабастивьер в Верхних Пиренеях.[3]

В 1940 году трое подростков обнаружили в Монтиньяке-на-Везере (департамент Дордонь) всемирно известную ныне пещеру Ласковьер. Большое количество рисунков и гравюр, украшающих стены этой пещеры, изумляют и восхищают археологов своей

превосходной сохранностью и поразительной свежестью красок, не говоря уже о совершенстве выполнения. Вызывают удивление и размеры рисунков: изображенный на одной из стен бык имеет 5,4 метра в длину. Это самое крупное из известных в настоящее время наскальных изображений.

В той же пещере Ласко мы видим очень редкую для первобытного искусства композицию: битву человека с бизоном. Бизон с распороты брюхом мчится, низко нагнув голову и выставив рога, на человека, который падает навзничь, раскинув руки крестом.

Пещера Ласко необычайно богата произведениями древних художников. Это настоящий апофеоз доисторического искусства.

Пещера ЛабовЪм-ЛатровЪн (департамент Гар) также была открыта подростками, учениками одного из местных колледжей, которые сумел проникнуть в неисследованные коридоры и галереи этой обширной пещеры. Силуэты животных, украшающие ее, выполнены весьма примитивным способом: первобытный художник, макая два или три пальца в красную глину, нарисовал ее на потолке пещеры слонов, носорогов, оленей и странное пресмыкающееся длиной в три метра.

Заканчивая свой далеко не полный и беглый обзор франко-испанских пещер с росписью, мы еще раз напоминаем, что единственной целью автора было рассказать в самых общих чертах о главнейших открытиях в этой области, расположив их в хронологическом порядке и показать, что Франция и Испания обладают самыми древними и самыми убедительными доказательствами артистичности первобытного человека на заре его существования.

Самые древние в мире статую

В августе 1922 года, во время экспедиции по исследованию подземных пещер в Пиренеях, продолжавшейся несколько лет, поиски привели меня в деревню Монтеспан, расположенную на склоне крутого холма, увенчанного развалинами феодального замка.

Эти живописные развалины, вознесенные высоко над водами Гаронны, уже издали бросаются путешественнику в глаза. Исторические события, которые они приводят на память, тоже достаточно красочны и увлекательны. Знатная семья сеньоров Монтеспан, владевшая на протяжении нескольких веков окрестными землями, оставила яркий след в истории Франции благодаря супруге одного из именитых сеньор госпоже де Монтеспан, завладевшей сердцем короля-солнца Людовика XIV.

Неподалеку от замка находится вход в пещеру Монтеспан, где мне удалось сделать замечательное научное открытие.

Приехав в деревню Монтеспан и осмотрев развалины исторического замка, я поднялся на склон соседней горы, где открывался вход в пещеру, считавшуюся у местного населения неприступной.

У подножия этой горы я обнаружил расселину в скале, из которой, весело журча, выбегал ручей. Жители деревни уверяли меня, что, если лето выдалось сухое и жаркое, можно проникнуть через расселину в подземный коридор, идя вброд вверх по течению ручья. Однако через 60 метров каменный свод опускается до уровня воды в ручье, и пещера заканчивается непроходимым сифоном.

Так оно и оказалось на самом деле. Раздевшись и спрятав одежду в кустах, я проскользнул в входное отверстие, достаточно широкое, чтобы в него мог протиснуться взрослый человек, и очутился в горизонтальном подземном коридоре высотой в 2–3 метра и шириной от 3 до 4 метров. Держа в руке зажженную свечу, я побрел в глубь коридора, вверх по течению ручья, катившего свои холодные, прозрачные воды по глинисто-песчаному ложу.

Метров через сорок коридор свернул под прямым углом вправо, и свод, внезапно снизившись, заставил меня согнуться почти пополам. Пройдя еще метров двадцать в таком неудобном для ходьбы положении, по грудь в воде, я вынужден был остановиться: каменный свод передо мной уходил под воду.

Очувтившись в этом малообнадеживающем тупике, я, вместо того чтобы повернуть вспять и поскорее выбраться на поверхность, принялся вспоминать свои предыдущие подземные экспедиции. Настойчивость и упорство, которые я всегда проявлял во

время подземных исследований, не позволяли мне и на сей раз признать себя побежденным и удалиться. Стоя согнувшись в ледяной воде, я предался всякого рода размышлениям.

Геологическое строение пещеры подсказывало, что подземные воды промыли себе в известняковых породах горы ложе, по которому течет водный поток. Тесный коридор, в котором я находился, был устьем этого потока, его выходом на земную поверхность.

Однако геологам хорошо известно, что в конце ледниковой эпохи климат этих мест был очень холодным, но сухим и напоминал тот, который мы наблюдаем теперь в современной Лапландии. Следовательно, в начале четвертичного периода подземный поток должен был пересохнуть и исчезнуть на довольно длительное время, и глубокая, разветвленная пещера могла послужить приютом для какого-нибудь племени троглодитов, первобытных людей каменного века.

Перебрав в уме все эти предположения, на первый взгляд весьма туманные, но столь заманчивые для человека, занимающегося изучением доисторических эпох, я решил продолжить свой путь в недрах горы, вверх по течению не исследованного доселе подземного потока.

Стоя по плечи в ледяной воде и приготовившись нырнуть под затопленный свод, я, конечно, отдавал себе, ясный отчет в той смертельной опасности, которой подвергался, отваживаясь в одиночку на столь рискованный эксперимент.

Несколько мрачных гипотез рисовались моему воображению: каменистый коридор, заполненный по самые своды водой, мог тянуться так долго, что у меня не хватило бы дыхания на обратный путь; я мог удариться о каменную стену или попасть в углубление, не имеющее выхода; мог вынырнуть в воздушном кармане с отравленным воздухом; мог сорваться вместе с потоком в пропасть, запутаться в куче гниющего хвороста, принесенного подземными водами с поверхности, или завязнуть в жидкой глине...

Представив себе одну за другой эти ожидавшие меня малоутешительные перспективы, я все же отважился ринуться в неведомое, чтобы форсировать, если это только в моих силах, преграду, которую коварный союз воды и камня, казалось, делал непреодолимой.

Воткнув свечу в расселину каменной стены, под самым потолком, я набрал полную грудь воздуха, которого должно было хватить для двухминутного погружения (мой привычный, не раз проверенный на практике рекорд), и нырнул, вытянув вперед правую руку, а левой придерживаясь за нависший надо мной каменный свод и ощупывая пальцами все его изгибы и шероховатости, ибо я был слеп, и глаза мои, как у всякого слепого, нахо-

дились на кончиках пальцев. К тому же мне надо было не только со всей возможной быстротой продвигаться вперед но и помнить об обратном пути. И вот в то время, как я продвигался таким образом ощупью под водой, вверх по ее течению, спеша пройти как можно дальше, голова моя вдруг вынырнула из воды, и я смог вздохнуть.

Где я нахожусь? Я не имел об этом ни малейшего представления: вокруг был крошечный мрак. Однако сомнений не было: я преодолел водный барьер. Немедленно повернувшись, я нырнул обратно, потому что самое опасное в таких обстоятельствах — это потерять направление. Возвратившись в устье сифона, где слабое пламя моей свечи по-прежнему отражалось в черной воде, я с торжеством взглянул на каменный свод, никем до того не форсированный, который только что открыл мне свою тайну. И, невзирая на ничтожный, чисто спортивный результат этой первой попытки, я уже предвкушал трудности и радости будущего исследования, мечтал, чтобы оно было долгим и плодотворным.

На следующий день я снова был у входа в пещеру Монтеспан. Однако на сей раз я запасся простым, но удобным и легким снаряжением.

Снова раздевшись догола, как накануне, я спрятал в кустарник одежду и вошел в русло подземного ручья, держа в одной руке зажженную свечу, а другой придерживая мою водонепроницаемую резиновую каску, внутри которой были спрятаны спички и несколько запасных свечей. С помощью этого простого, но надежно изолированного футляр я мог после каждого погружения или падения в воду снова зажечь мою свечу.

Добравшись до сифона, я, не теряя времени, нырнул под каменный свод, стараясь держаться того же направления, что и вчера, и достигнуть воздушной прослойки между каменным сводом и водой. Благополучно вынырнув в намеченном месте, я очутился по ту сторону сифона, погруженный в воду до подбородка. Стряхнув воду с резиновой каски, я извлек из нее спички и, сдерживая дрожь нетерпения (и холода!), зажег свечу. В ее колеблющемся свете было видно, что впереди насколько хватает глаз, то есть на несколько метров, каменный свод тянется почти параллельно поверхности воды, с тоненькой воздушной прослойкой между ними.

Мое предвидение оправдалось: я находился в русле неведомого подземного потока.

Стараясь держать голову так, чтобы ноздри все время находились над водой, я медленно двинулся вперед. Пройдя метров сто, я достиг глинистой отмели у входа в обширный подземный зал, где я смог немного прийти в себя от пережитых волнений, но —

увы! — не от холода, сковавшего мое тело за время пребывания в ледяной воде.

Каменный свод в этом подземном зале поднимался на высоту до 10–12 метров, и ручей пересекал его, наполовину скрытый под огромными каменными глыбами, когда-то упавшими с потолка.

Миновав подземный зал, украшенный целыми каскадами великолепных сталактитов, я снова вошел в ложе ручья, чтобы продолжать мое одинокое исследование. Хотя и привыкший уже к трудностям, встречавшимся мне раньше в других пещерах, я никогда не испытывал еще до такой степени, как здесь, чувство одиночества, стеснения и страха, которое внушают эти подземные лабиринты, где самый незначительный случай — например, потеря спичек или неправильно выбранное направление — может обернуться смертельной опасностью...

Обогнув огромную каменную колонну, подножие которой омывалось водами подземного ручья, я очутился перед новым сифоном довольно зловещего вида. Вода у его входа была глубока, и каменный свод, из-под которого она вытекала, щетинился острыми черными сталактитами. С тяжелым сердцем нырнул я в этот второй сифон, показавшийся мне значительно более длинным, чем первый. Двойная водная преграда сомкнулась позади меня в подземной глубине, препятствуя отныне моему возвращению на поверхность земли, и чувство одиночества и отрешенности овладело мной с новой силой. И как было не поддаться этой щемящей тревоге, которая росла в груди и из смутного беспокойства неуклонно превращалась в смятение и ужас...

К счастью для дальнейшего успеха исследования, место, где я предавался мрачным размышлениям, уже готовый отступить и обратиться в паническое бегство, чрезвычайно мало располагало к раздумью. Сознывая, что отступление чревато такими же опасностями, как и дальнейшее продвижение вперед, подгоняемый в равной мере страхом и жгучим холодом, я счел за благо выбрать последнее. Мне пришлось долго ползти по воде в узкой каменной галерее, где с низкого потолка непрерывно струилась и капала вода, гасившая ежеминутно мою свечу. С большим трудом, то и дело ударяясь руками и плечами о шероховатые выступы каменных стен, я миновал эту нескончаемую галерею и очутился в новом подземном зале, гораздо более грандиозном, чем первый. По неопишуемому хаосу загромождавших зал каменных глыб можно было догадаться о размерах и мощи землетрясений и обвалов, происходивших здесь в незапамятные времена.

Выбравшись из воды, я принялся яростно проделывать всевозможные гимнастические упражнения, чтобы хоть немного согреться и восстановить кровообращение после длительной ледя-

ной ванны.

Итак, мои догадки о существовании в недрах грота Монтеспан сквозного подземного потока полностью подтвердились. Куда же приведут меня нескончаемые коридоры и обширные залы, где подземный ручей течет то тихий и безмолвный, то бурный и шумливый?

Проверив свой запас свечей и найдя его достаточным для дальнейшего исследования, я снова пустился в путь, пробираясь среди нагромождения валунов, через которые приходилось перелезать с немалыми усилиями. Пройдя с трудом этот огромный зал, я снова вошел в воды ручья и побрел вверх по течению длинной однообразной галереей... Временами галерея суживалась, и я с трудом протискивался между толстыми известковыми колоннами, каждый раз надеясь, что это конец подземелья. Но слабый свет моей свечи озарял новую перспективу подземного коридора, и я снова пускался в путь. Я брел то по воде, то по глинистым отмелям, влажным и вязким, где следы мои отпечатывались явно и могли служить вехами при возвращении. Уже давно я потерял всякое представление о времени и пройденном расстоянии. Вдруг коридор резко сузился, и я вынужден был остановиться. Правда, уже за несколько минут до этого каменный свод коридора начал снижаться почти касаясь воды, и мне пришлось снова передвигаться ползком.

Я мучился уже несколько часов — и все лишь для того чтобы найти в конце своего пути непроходимую щель, без малейшей надежды узнать происхождение и истоки подземного ручья.

К счастью, мое разочарование длилось недолго. Просунув руку и голову в узкую расселину, в которой исчезал мой ручей, я вдруг испустил торжествующий крик, обративший в беспорядочное бегство обитателей небольшого водоема, заполненного илом и гниющими ветками. Это была целая колония головастиков, которые жили здесь, по-видимому, никем не тревожимые. Я был первым человеком, нарушившим покой этих маленьких созданий, которые возвестили мне, что где-то совсем близко от того места, где я находился, подземный поток покидает дневной свет, поля и леса и уходит под землю, и, следовательно, я добросовестно прошел вверх по его течению весь долгий и трудный путь в недрах горы.

Присутствие головастиков в недоступных мне верховьях подземного ручья служило верным признаком того, что выход на поверхность близок, потому что эти земноводные никогда не забираются глубоко под землю. В последующие дни я удостоверился, что действительно лишь несколько метров отделяли водоем с головастиками от того места, где ручей скрывается под зем-

лей. Как я и предполагал, вход этот представлял собой узкую промоину в скале, через которую человеку невозможно протиснуться.

Итак, я прошел всю гору насквозь, и лишь в самом конце пути столкнулся с непреодолимой преградой, помешавшей моему выходу на поверхность. Волей-неволей пришлось мне пуститься в обратный путь, снова погрузившись во мрак подземелья и ледяную воду ручья; и следовать за ним на этот раз вниз по течению, что немного облегчало мою задачу. И хотя усталость давала чувствовать себя все сильнее, обратный путь прошел без особых происшествий, не считая нескольких минут мучительных сомнений, овладевавших мною, когда подземный коридор раздваивался и нужно было решать, какое из двух разветвлений выбрать. Первый, наиболее опасный сифон мне удалось преодолеть лишь со второй попытки. Нырнув в первый раз, я уклонился в сторону более, чем следовало, и потерял верное направление.

Я вошел в пещеру Монтеспан днем, при ярком свете солнца, а выбрался оттуда, продрогнув до костей, лишь глубокой ночью. Целых пять часов понадобилось для того, чтобы преодолеть под землей расстояние в три километра (как было измерено позже).

В последующие дни я провел подряд несколько дополнительных исследований грота Монтеспан, обнаружил новые подземные залы и верхний этаж — целый лабиринт узких галерей с низкими сводами. Меня не покидала надежда найти следы пребывания в пещере доисторических людей. Множество признаков указывало на то, что жители верхнего палеолита населяли эту пещеру в те времена, когда водный поток не протекал по ней и вход в пещеру был свободен.

Начавшиеся в скором времени осенние дожди резко подняли уровень воды в подземном ручье, и дальнейшее исследование пещеры стало невозможным. Пришлось скрепя сердце отложить эту работу до следующего года. Как выяснилось впоследствии, доступ в пещеру Монтеспан возможен только в августе и сентябре, хотя и в эти месяцы связан с трудностями, о которых я только что рассказал. Все остальное время года подземные галереи заполнены водой по самые своды почти на всем своем протяжении.

Единственным моим научным трофеем в первый год исследования пещеры Монтеспан был зуб бизона.

Находка этого ископаемого зуба укрепила мою уверенность в том, что пещера Монтеспан была населена в доисторические времена людьми, охотившимися на бизонов. С нетерпением ждал я лета, чтобы возобновить свои поиски.

Наконец долгожданный август наступил, и я с восторгом увидел вновь развалины старого замка, деревню, прилепившуюся у

его подножия, и близлежащую гору, недра которой скрывали загадочную пещеру, названную мною именем Монтеспан.

Вместе со мной в деревню приехал один из моих товарищей, Анри ГодевЪн, большой любитель подземных экскурсий и выдающийся пловец.

Лето 1923 года выдалось исключительно сухое и жаркое. Уровень воды в подземном ручье оказался значительно ниже, чем в предыдущем году. Вода нигде не доходила до вершины каменной арки, образующей свод первого сифона. Между сводом и водной поверхностью оставалось несколько сантиметров пространства, что позволило нам пройти сифон, держа голову над водой и не погасив наших свечей.

Годен, только что вернувшийся из Бельгии, где он побывал в пещере Хан, а до того спускавшийся в пропасть Падирак, уверял меня, стуча зубами, что необычность этой экскурсии по горло в ледяной воде вполне стоит всех чудес, заключенных в обследованных им знаменитых пещерах.

Мы продолжали продвигаться вперед и добрались до огромной каменной колонны, основание которой омывали воды подземного ручья. Вид у этой колонны был такой, словно она советовала исследователю не идти дальше, если тому дорога жизнь. И действительно, пройдя несколько метров, мы увидели второй внушительного вида сифон, который я с такими мучительными трудностями преодолевал в прошлом году, — настоящий подземный бастион, защищавший подступы к длинному подземному коридору. Покинув здесь ложе ручья и его арктические объятия, мы свернули в сторону и углубились в боковую галерею длиной метров двести, с сухим каменным полом.

Именно здесь, в этой ничем не примечательной с виду галерее, мне суждено было сделать то сенсационное открытие, которое полностью вознаградило меня за тяжкие труды, страдания и проявленное упорство.

Галерея, размеры которой не превышают 4 метров в высоту и 5 метров в ширину, в начале своем представляет поистине волшебное зрелище. Стены и потолок обильно украшены известковыми натечками и сверкающими сталактитами. Что касается пола, то он тоже состоит из весьма живописных натечков, волнистая или гофрированная бахрома которых образует естественную лестницу, где каждая ступенька имеет форму чаши и заполнена прозрачайшей водой. В другом месте целые цветники из мелких зерен и кристаллов великолепного желтого цвета напоминают подводные колонии звездчатых кораллов (мадрепор).

Внезапно все это волшебство форм и красок исчезает. Крутой поворот — и мы попадаем в сумрачный, лишенный украшений

каменистый коридор с земляным полом.

Мы медленно брели друг за другом по этому коридору, где единственным звуком было шлепанье наших босых ног по влажной глине пола. Потолок постепенно снижался, и последние тридцать метров нам пришлось проползти на животе.

Достигнув конца галереи, мы повернули обратно и скоро выбрались из узкого лаза. Когда потолок над нами снова поднялся настолько, что мы смогли встать и выпрямиться, я остановился в том месте, где галерея расширялась. По некоторым признакам, это место показалось мне подходящим для предварительных раскопок. Вооружившись лопаткой, которую я всегда ношу с собой во время подземных экспедиций, я опустил на колени и стал копать твердую, слежавшуюся глину. Мой спутник смотрел скептическим взором на мои усилия, вероятно спрашивая себя, надолго ли задержит нас в этом малопривлекательном месте внезапно вспыхнувшая во мне страсть к земляным работам. После каждого удара лопатой мне приходилось освобождать рукой ее лезвие от налипшей глины. Вдруг мои пальцы нащупали в глине какой-то твердый предмет. Еще прежде, чем я высвободил этот предмет из облепившей его вязкой массы, пальцы уже сигнализировали мне, что я держу в руках один из тех обточенных кремней, которые вызывают лишь презрительную улыбку у профанов, но зажигают яркий огонь надежды в сердце археолога. Этот простой камень, шероховатый и грубый с виду, но, несомненно, обработанный рукой первобытного человека и бывший у него в употреблении, неопровержимо доказывал, что люди каменного века посещали эту пещеру, а возможно, и жили в ней.

Мысли, одна другой дерзновеннее, вихрем закружились в моей голове. И с новой силой поразило меня сходство пещеры Монтеспан с другими пиренейскими пещерами, богатыми ископаемыми останками доисторических времен.

Археологи утверждают, правда, что первобытные люди, как правило, выбирали для своих жилищ неглубокие пещеры или «вестибюли» подземных лабиринтов, избегая забираться в их глубину из-за царившего там мрака, а также из боязни встретиться с хищниками. Между тем те же археологи давно заметили, что наскальные изображения — рисунки и гравюры первобытных художников на каменных стенах пещер — почти всегда находят в самых отдаленных, труднодоступных галереях и подземных залах.

Объясняется это, по-видимому, тем, что магические или религиозные запреты предписывали художникам создавать свои произведения вдали от дневного света и, главное, от глаз непосвященных. Повинуясь этому непреложному условию тайны и уеди-

нения, художники каменного века отыскивали удаленные от входа подземные залы и галереи и расписывали их стены изображениями, которые рассказывают нам о странных и загадочных обрядах и церемониях, совершавшихся там.

Вот почему находка под землей, в нескольких сотнях метров от выхода на поверхность, одного лишь обточенного кремня приобретает такое большое значение в глазах археолога. Зажав в руке это несомненное доказательство того, что первобытные люди бывали здесь, я поднялся на ноги и, приблизив огонь моей свечи к стенам пещеры, стал внимательно осматривать их, ожидая увидеть наскальные рисунки, которые, как я был теперь уверен, обязательно должны были здесь находиться.

Тем временем Годен, заинтригованный моей находкой, завладел лопаткой и, в свою очередь, энергично принялся копать. Я же сделал два шага в сторону — и вдруг остановился, потрясенный до глубины души внезапно возникшей из темноты статуей медведя, которую до той минуты не замечал из-за недостаточности освещения. Свет свечи в подземных лабиринтах не сильнее блеска светлячка во мраке июльской ночи.

Ошеломленный и взволнованный, смотрел я на примитивный слепок из глины, переживший столько тысячелетий, на это произведение неизвестного скульптора каменного века, которое впоследствии знаменитейшие и компетентнейшие ученые современности признали за самую древнюю статую в мире...

Услышав мои восторженные призывы, Годен поспешил ко мне, но его неискушенный глаз видел лишь бесформенный ком глины там, где я указывал ему явно заметные формы могучего животного. А я, двигаясь в глубь галереи, уже показывал моему спутнику другие произведения первобытного искусства — рельефные изображения лошадей, глиняные статуи трех львов, гравированные на стенах изображения других животных...

Наконец, побежденный очевидностью, Годен вынужден был сдаться, и в течение целого часа одна замечательная находка следовала за другой, сопровождаемая нашими громкими и вполне понятными восклицаниями изумления и восторга. Со всех сторон перед нашими глазами возникали статуи и изображения зверей, таинственные знаки и эмблемы — волнующая и чудесная панорама давно исчезнувшей древней жизни...

День, сверх всяких ожиданий, оказался на редкость удачным.

В моем выпачканном глиной блокноте для заметок, который я часто брал с собой под землю, пещера Монтеспан фигурировала в 1922 году под номером 63. Несколько строчек, которые я посвятил ее описанию после моего первого подземного странствия сквозь гору, заканчивались вопросом: «Что сулит мне эта пещера?»

Прошел год — и на следующий день после нашего открытия большая пресса сообщила о сенсационной находке всему миру. Потом для детального осмотра пещеры и последующих отчетов в научно-технических и массовых иллюстрированных журналах на место спешно прибыли французские и иностранные ученые, репортеры и фотографы. Их мощные быстроходные машины заполонили тесные улочки тихой деревушки Монтеспан, жители которой были потрясены небывалым оживлением, царившим в их захолустье.

Затем последовало официальное признание исключительной научной ценности находки. Пещера Монтеспан была включена в список национальных исторических памятников Франции. Пришли награды и похвалы от самых высоких инстанций, включая сюда Академию спорта. Последнее явилось для меня полной неожиданностью, которая, однако, искренне порадовала всех тех, кто не отделяет культуру духовную от культуры физической.

Безвестный до того дня археолог, считавшийся в здешних краях чем-то вроде маньяка, искателя кладов, — я переносил как умел неожиданно свалившуюся на меня славу. Когда же волнения наконец улеглись и газетная шумиха утихла, я достал мой старый, потрепанный блокнот и под последней строчкой записи — вопросом, который я задал себе в прошлом году: «Что сулит мне эта пещера?» — приклеил фотографию из крупного иллюстрированного журнала с подписью: «Самые древние в мире статуи».

Сразу же после открытия древних статуй в пещере Монтеспан сельский учитель из соседней деревни, пожелавший во что бы то ни стало увидеть своими глазами мои замечательные находки, но боявшийся форсировать сифон, вооружился заступом и выкопал во входном коридоре пещеры глубокую траншею для подземного ручья, чтобы увеличить выход воды на поверхность и снизить ее уровень под землей.

Этот труд, продолженный моим братом Марциалом и группой товарищей, уже через три дня принес свои положительные результаты. В сифоне, между каменным сводом и поверхностью воды, образовалась воздушная прослойка высотой около 40 сантиметров, что позволяло посетителям пройти это препятствие, ни разу не окунувшись с головой. Отныне желающие осмотреть чудесные реликвии седой старины отделялись на своем двухсотметровом пути к ним лишь очистительным купанием в холодной воде. Благодаря этому элементарному благоустройству пещера стала доступной для ученых. Разоблачившись, они храбро принимали ледяную ванну и, руководимые мной, добирались до галереи первобытных скульптур и рисунков и лично знакомились с ними.

Читатель уже дважды сопровождал меня под землей: во время первого, чисто спелеологического исследования пещеры Монтеспан в 1922 году и в день сенсационного открытия в 1923 году. Спустимся еще раз в эту всемирно знаменитую отныне пещеру и рассмотрим заключенные в ней сокровища первобытного искусства.

Наскальные изображения и глиняные скульптуры пещеры Монтеспан относятся к началу мадленской эпохи, следовательно, насчитывают около 20 тысяч лет существования. В пещере — около пятидесяти изображений различных животных, в том числе исчезнувших ныне с лица нашей планеты или переселившихся в страны с более теплым климатом. Изображения награвированы на стенах пещеры глубокими штрихами, с помощью кремневых зубил или резцов. Что же касается глиняных скульптур, то они представлены примерно тридцатью образцами, начиная от настоящих статуй высотой в один метр и выше и кончая маленькими горельефами, сильно попорченными водой, стекающей со стен и потолка. Скульптуры эти — самая ценная часть находки. До их открытия единственными известными науке образчиками скульптуры этой доисторической эпохи были две глиняные статуэтки бизонов, найденные в 1912 году известными французскими археологами графом Бегуэном и его сыновьями в пещере Тук д'Одубер (департамент Арьеж).

Говоря о своих открытиях в пещере Монтеспан, я упомянул, что на мысль о возможности этих открытий меня натолкнули воспоминания о некоторых исследованных мною раньше пещерах. Большая пиренейская пещера Тук д'Одубер принадлежит к их числу. Посещение ее глубоко поразило меня и многому научило. Живописное путешествие в пещере Тук д'Одубер, включающее поездку в лодке по подземной реке подъем на верхние этажи с помощью веревочных лестниц, продвижении ползком по узким переходам и туннелям, открыло мне глаза на многие незаметные на первый взгляд детали, научило тщательному, кропотливому поиску, умению улавливать и замечать мельчайшие факты и признаки, которые ничего не говорят глазу непосвященного.

Сходство между пещерами Тук д'Одубер и Монтеспан поразительно. Оно сразу бросается в глаза. Особенно примечательно, что только в этих двух пещерах найдены на сегодняшний день во Франции доисторические скульптуры из глины.

Но вернемся в пещеру Монтеспан.

Покинув русло подземного ручья в том месте, где циклопическая каменная колонна преграждает ему путь (читатель уже знаком с этой колонной), мы сворачиваем в галерею с произведениями искусства мадленской эпохи. На стенах видны изображения

главных представителей фауны этой эпохи: мамонта, лошади, бизона, оленя, кулана, каменного барана, пиренейской серны, гиены.

Изображения этих животных изумляют нас высоким мастерством выполнения и поразительным реализмом — качества, присущие большинству произведений доисторических художников, которые были, как правило, замечательными анималистами.

Но, не говоря уже об этих качествах изображений, неподражаемых и ни с чем не сравнимых, которыми глаз не устает восхищаться, следует отметить здесь некоторые детали, поражающие своей оригинальностью и таинственными мотивами, вдохновлявшими великих безвестных художников пещеры Монтепан.

Так, на шее у одной из лошадей глубокими штрихами резца изображена левая человеческая рука с вытянутыми и широко расставленными пальцами. Другое изображение лошади высечено рядом шероховатым выступом стены таким образом, что выступ этот образует гриву лошади. А голова пиренейской серны, очень выразительна нарисована вокруг маленького, вкрапленного в скалу, овального камешка, который изображает глаз животного.

Две лошадиные головы, обращенные друг к другу мордами, так не похожи одна на другую, что намерение художника изобразить две различные породы лошадей не вызывает сомнений.

В самом деле, у одной из лошадей массивная голова, толстые, выпяченные губы, раздутые ноздри и густая, длинная грива, между тем как у другой — головка тонкая и изящная, а грива короткая и редкая.

На теле некоторых животных изображены раны, глубоко вонзившиеся дротики и стрелы, а также непонятные, загадочные знаки. Так, у одного бизона холка украшена глубоко врезанным овалом, а у кулана на том же месте высечен знак в форме латинской буквы V.

Изображение гиены на потолке тупичка, которым заканчивается галерея и куда можно забраться только ползком, имеет всего пять сантиметров в длину. Это, нам думается, самая маленькая из известных науке доисторических наскальных гравюр.

И, наконец, среди обширной коллекции современной пещерному человеку фауны мы находим любопытный человеческий профиль: круглая голова, крупный нос, огромный, тоже круглый, глаз и короткая борода.

Все эти наскальные изображения представляют, разумеется, большой интерес и ценность в глазах ученых, поскольку каждое открытие такой пещеры — редкое и знаменательное событие в археологической науке. Но главной и особой достопримечатель-

ностью пещеры Монтеспан являются ее уникальные глиняные скульптуры.

Галерея, украшенная бегло перечисленными нами выше доисторическими рисунками, круто поворачивает вправо, — и вы останавливаетесь как вкопанные, увидев, что весь пол пещеры загроможден объемистыми глыбами глины. Приглядевшись к ним внимательно, вы скоро убеждаетесь, что все эти глыбы — фрагменты полуразрушенных глиняных скульптур, выстроившихся вдоль стен пещеры.

Три скульптуры, стоящие гуськом, в затылок друг другу, изображают трех львов. Первый — крупный зверь 1,7 метра в длину и 70 см в высоту — словно движется прямо на вас. Мощная фигура хищника, выполненная горельефом из пластической сырой глины, кое-где обрушилась от собственной тяжести. В отвалившихся кусках, лежащих грудой на земляном полу, можно еще разглядеть формы зверя. Голова, упавшая между передними лапами, деформирована больше, чем все остальное, ее можно узнать только по контуру, еле заметному на стене. Шея, плечи, грудь и передние лапы сохранились, устояв против разрушений времени. Лепка задних лап и крупа отвалилась, но на стене также видны их контуры и особенно ясно очертания одной из лап и кончика хвоста.

Благодаря сохранившимся в целости частям горельефа, а также общего силуэта его, различаемого на стене, нетрудно узнать в этой скульптуре хищного зверя кошачьей породы: могучие лапы, низко расположенные коленные суставы, широкая грудь, вытянутое, гибкое тело. И, наконец, последняя деталь: кисточка на кончике хвоста, позволяющая безошибочно определить, что скульптура изображает именно льва.

За этим первым львом находились еще два хищника поменьше ростом, изображенные также стоя и следующие в том же направлении. К сожалению, очертания их подверглись еще большему разрушению, чем фигура первого льва.

Наше беглое и поверхностное описание этой уникальной скульптурной группы дает, разумеется, весьма несовершенное представление о ней, особенно если не учитывать при этом окружающей скульптуры мрачной и торжественной обстановки. Быть может, не стоило бы дальше задерживаться на описании этого произведения первобытного искусства, если бы оно не было уникальным и если бы некоторые бросающиеся в глаза особенности его не представляли большого научного интереса.

Так, шея и грудь первого льва буквально изрешечены ударами копий или дротиков. Это наводит на мысль, что и данная статуя и другие, возможно, были частично разрушены сразу же после их

создания.

В дальнейшем мы попробуем дать объяснение этому непонятному и намеренному разрушению скульптур, потому что в пещере Монтеспан встречаются и другие подобные примеры.

За группой львов подземная галерея расширяется, образуя маленький зал с низким потолком, тот самый, где я нашел под земляным полом первый обточенный кремь и благодаря ему обнаружил то, что не мог заметить раньше из-за недостаточности освещения.

Этот подземный зал, носящий ныне название «зала Медведя», представляет собой самую примечательную часть пещеры Монтеспан.

В радиусе примерно десяти метров на земляном полу зала вышашается целая группа скульптур, настоящий подземный музей первобытного искусства, центральной фигурой которого является безголовая статуя пещерного медведя.

Этот медведь, лежащий в позе Большого Сфинкса из ГизеvЪI, имеет 1,5 метра в длину и 60 сантиметров в высоту. Так же, как и фигуры львов, он повернут передней частью к входящему в зал. Но это не горельеф, опирающийся на стену и не отделимый от нее, а настоящая объемная статуя, отделенная от стены расстоянием около метра и водруженная на небольшой постамент, по-видимому специально устроенный для этой цели.

У статуи — плотные, массивные формы, характерные для зверя, которого она изображает. Круп — мощный и закругленный, задние лапы поджаты и скрыты под брюхом, правая передняя лапа вытянута вперед; все пять когтистых пальцев видны отчетливо. Загривок выпуклый и могучий, очень характерный для медведя. И самое интересное — у медведя нет головы, и, по-видимому, он никогда ее не имел, потому что на шее не видно следов разлома, как мы наблюдали это у статуи льва. Глина на этом месте так же сглажена, как и на остальной поверхности туловища.

Статуя медведя изрешечена ударами копий, оставивших многочисленные круглые дырки на наиболее уязвимых у живого медведя местах. Но благодаря своей массивности и прочному постаменту скульптура устояла под ударами, и туловище медведя осталось целым. Струи воды, стекающие с потолка, покрыли скульптуру тонкой, очень твердой известковой корочкой, которая самым неопровержимым образом доказывает древний возраст этого замечательного произведения первобытного искусства.

И, наконец, самое поразительное: между передними лапами статуи лежит череп настоящего медведя, пропорциональный размерам статуи. Эта деталь подсказала археологам очень интерес-

ные соображения. Медвежий череп был первоначально укреплен на шее статуи с помощью деревянного шпенька (след этого шпенька виден достаточно отчетливо), но потом отвалился от нее, когда шпенек сгнил и рассыпался в прах под действием времени и сырости.

Таким образом, медведь пещеры Монтеспан представлял собой статую из глины, украшенную окровавленной головой настоящего медведя. Чтобы понять смысл этого необычайного и устрашающего соединения, нужно представить себе мрачные и жестокие магические обряды, которые происходили в те отдаленные времена в этой пещере, скрытой глубоко в недрах горы.

Позади медведя, на расстоянии примерно метра, на земляном полу виден профиль лошади; холка ее с длинной развевающейся гривой также украшена загадочными знаками. Весь пол «зала Медведя» представляет собой серию горельефов 30–50 сантиметров в длину, возвышающихся над землей на высоту 10–15 сантиметров. Большая часть горельефов, к сожалению, безнадежно испорчена водой, которая временами заливала галерею. Определить, кого изображают горельефы, было бы невозможно, если бы некоторые из них, счастливо избежавшие разрушительного действия подземных вод, не указывали, что речь идет о табуне диких лошадей, многие из которых, как большинство изображений пещеры Монтеспан, покрыты загадочными знаками.

В двух или трех уголках и закоулках пещеры можно заметить на земляном полу неглубокие ямы с отвесными стенками. Это карьеры, откуда первобытные скульпторы брали глину, служившую им материалом для изготовления статуи медведя и других животных, заполняющих подземный зал. На стенках одной из таких ям отчетливо видны следы каменных орудий, с помощью которых выкопана яма.

Заканчивая описание памятников первобытного искусства, найденных в пещере Монтеспан, нельзя не упомянуть о некоторых других археологических находках, сделанных в этой же пещере. Речь идет о мелких поделках из глины и множестве признаков, свидетельствующих о большей, чем мы привыкли думать, сложности мышления у людей мадленской эпохи. Все эти находки, разумеется, стали предметом самого пристального и кропотливого изучения со стороны ученых.

Стены и пол пещеры Монтеспан, обмазанные во многих местах глиной, показывают, как много применений этой глине уже находили первобытные люди. Трещины в каменных стенах подземной галереи заделаны глиной самым тщательным образом, а затем пробиты во многих местах круглыми дырочками. Аккуратно вылепленные из глины шарики размером с кулак лежат неболь-

шими кучками вдоль стен, на карнизах и закраинах. Глиняные пластины, прилепленные к стенам, а иногда и потолку, проткнуты кое-где либо пальцами, либо остриями палок. Контур одной из таких прилепленных к стенам плашек воспроизводит голову лошади, видимую в профиль. Такой способ изображения больше нигде, сколь мне известно, не встречается.

Также впервые найдены в этой пещере глиняные шарики, прилепленные к стенам. Одним из них, сплюснутым словно сургучная печать, прикреплен к стене кремень, красиво обточенный в виде двустороннего скребка. Все сооружение покрывает сверху тонкая известковая корочка.

На другой стене мы видим нечто вроде ниши, слепленной из глины высотой около 40 сантиметров, также покрытой известковой пленкой. На глине ясно видны отпечатки пальцев, ее лепивших. Рядом с нишей на той же стене — глиняный слепок, напоминающий по форме гнездо ласточки.

Над большой группой львов в углублении каменной стены длиной в несколько метров, тщательно заделанном глиной, а затем продырявленном круглыми отверстиями, воткнут красивый шпатель из хорошо отполированной кости, изогнутый соответствующим образом, — настоящий резец скульптора, без сомнения служивший древнему художнику при работе над статуями.

Маленькая ниша в дальнем углу «зала Медведя», формой своей напоминающая кропильницу, по-видимому, служила тайником или хранилищем инструментов. Запустив в нее руку, я обнаружил, что она полна обточенных и отшлифованных кремней.

В глубине конечного тупичка на стене видна целая серия глубоко врезанных в камень расходящихся лучами черточек; прямо под ними на полу, лежат кучкой маленькие сталактиты, похожие на карандаши.

На каждом шагу мы убеждаемся, что люди мадленской эпохи умели пользоваться мягкой глиной для самых разнообразных поделок, рисовали на ней пальцами сложные переплетения линий, проделывали в глине отверстия, втыкали в нее свои орудия труда, прятали их в глиняных нишах. Все эти мелкие поделки, назначение которых нам в ряде случаев непонятно, местами попорчены медведями, точившими свои когти о каменные стены. В пещере Монтеспан мы действительно находим многочисленные медвежьи следы и рядом с ними — отпечатки босых человеческих ног.

Непосредственное соседство человеческих и медвежьих следов указывает, что пещерному человеку приходилось с оружием в руках оспаривать у грозных хищников право на жизнь в этой

глубокой пещере.

Нельзя подумать без содрогания о страшных битвах, разыгравшихся здесь, в крошечном мраке подземелья; нельзя не подивиться мужеству наших далеких предков, которые осмеливались, вооруженные лишь деревянными копьями и дротиками с кремневыми наконечниками, проникать в логовища могучих и свирепых хищников, вступать в единоборство с ними.

Чудесной сохранностью столь любопытных и поучительных остатков далекого прошлого мы обязаны тому, что пещера Монтеспан, после того как в нее проникли подземные воды, до самого, последнего времени практически оставалась недоступной для людей, и ни одно живое существо не могло добраться до нее.

Среди многих других остатков этой отдаленной эпохи отпечатки человеческих рук и ног, пожалуй, производят наибольшее впечатление. Никогда не забуду чувства, испытанного мною при виде этих волнующих реликвий далекого прошлого, найденных неповрежденными после более чем двухсот веков во мраке и уединении подземного лабиринта.

Такие минуты с избытком вознаграждают исследователя за все трудности, опасности и бесчисленные разочарования, которые сопровождают работу тех, кто предпринимает попытку вырвать у прошлого загадки и тайны нашего происхождения.

Выше мы упоминали, что уже спустя месяц после открытия сокровищ пещеры Монтеспан объединенные усилия моих товарищей по работе значительно облегчили и упростили доступ к этим сокровищам.

Начиная с этого момента, галерею первобытного искусства, ныне официально объявленную историческим памятником и находящуюся под охраной государства, смогли посетить крупнейшие ученые-археологи, которых я имел честь сопровождать при посещении и осмотре пещеры Монтеспан со всеми ее уникальными экспонатами.

Кропотливый осмотр и углубленное изучение рисунков и скульптур, украшающих пещеру, привело ученых к единодушному мнению, что она была когда-то святилищем, священным гротом, где жрецы и колдуны охотничьих племен эпохи позднего палеолита совершали различные магические и ритуальные обряды, церемонии и таинства. Сравнительная этнография знает аналогичные примеры из жизни некоторых современных отсталых народностей, живущих и поныне на уровне развития первобытного человека. А деятельность всякого рода знахарей, прорицателей и гадалщиц, занимающихся этим ремеслом в современных, даже наиболее цивилизованных странах, — не более как пережиток отдаленных от нас тысячелетиями древних эпох.

Что же касается многочисленных мелких поделок из глины, встречающихся в некоторых местах прославленной пещеры, как-то: ниши, валики, шары, луночки и т. п., то секрет их назначения в жизни людей мадленской эпохи еще не раскрыт. Но мы уверены, что недалек тот день, когда все тайны пещеры Монтеспан будут раскрыты, все загадки разгаданы. А это произойдет лишь тогда, когда мы сможем сопоставить их с аналогичными находками, сделанными в других пещерах, и таким путем найти ключ к разгадке тайны.

Пещера Монтеспан представляет собой поле деятельности для чрезвычайно увлекательных научных трудов. Уникальные произведения древних мастеров, сохранившиеся в ней, уже позволили археологам сделать ряд ценнейших научных выводов, благодаря которым эта пещера может быть причислена к самым известным и знаменитым подземным «музеям» первобытного изобразительного искусства.

Священная пещера Лабастид

В апреле 1932 года, десять лет спустя после открытия пещеры Монтеспан, поиски и исследования подземных пещер, которые я из года в год веду в Пиренеях, привели меня к границе департаментов Верхняя Гаронна и Верхние Пиренеи, на край пустынного плато ЛаннемезавЪн, заросшего папоротником, утесником и вереском. С высоты этого конуса из наносных пород, образовавшегося в ту отдаленную геологическую эпоху, когда Пиренеи были несравненно выше, чем теперь, открывается величественная панорама протяжением более 200 километров. Всюду куда хватает глаз, видны цепи гор все еще довольно внушительной высоты, среди которых выделяются такие гиганты, как Пик дю МидивЪИ, покрытый вечными снегами, пирамида МонтегювЪИ, крутые склоны АрбизовЪИна, а за ними, у самого горизонта, — зубчатые гребни пограничных гор и вершины испанских Пиренеев, увенчанные белыми шапками льда.

На первом плане видны невысокие, в большинстве своем безымянные, вершины пиренейских предгорий, густо заросшие буквым и еловым лесом. Именно здесь, в начале долины Ор, неподалеку от места, где воды Несты сливаются с водами Гаронны, в отвесной скале, омываемой бурными струями Несты, находится вход в пещеру ЛортэвЪИ, прославленную на весь мир плодотворными раскопками известного археолога Эдуарда ПьевЪИтта, открывшего в 1873 году в этой пещере интереснейшую стоянку первобытного человека.

Оставив в стороне эту запечатленную в анналах археологии, но уже досконально обследованную к тому времени пещеру, я направился к группе малоизвестных и почти не исследованных пещер, расположенных между долинами Несты и Адура, в гористой и лесистой местное БаронивЪИ, которую местные жители называют «краем сорока пещер».

По указанию моего друга Леона ДюкавЪИсса, большого знатока этих мест, я начал свои исследования с обширных и глубоких пещер ЛабастивЪИд, неподалеку от деревушки того же названия, укрывшейся в воронкообразной котловине площадью около ста гектаров, окруженной всех сторон ландами Ланнемезана и невысокими вершинами пиренейских предгорий. Многочисленные родники, стекающие с гор в эту котловину, сливаясь, образуют бурный ручей, питающий влагой тучные окрестные луга. Миновав деревню, ручей сбегает на дно котловины узким извилистым оврагом, который заканчивается зияющим отверстием в скале — входом в пещеру, называемую Ла Спуг. Воды ручья с шумом низ-

вергаются в это отверстие и исчезают в нем.

Этот подземный ручей снова появляется на свет двумя километрами дальше, близ селения ЭспавЪррос, пройдя сквозь гору, препятствовавшую его дальнейшему пути по поверхности земли, — обычное, часто наблюдаемое явление в Пиренеях, где существует великое множество подобных гидрогеологических феноменов.

Наличие подземного туннеля между селениями Лабастид и Эспаррос не вызывало сомнений, но исследование этого туннеля считалось невозможным, поскольку проникнуть в него со стороны Эспарроса нельзя; расселина же, где ручей уходит под землю, слишком узка, чтобы в нее мог пройти взрослый человек. Еще в 1897 году известный исследователь пещер Арман ВиревЪИ приезжал в Лабастид и согласился с тем, что исследование этого подземного потока неосуществимо.

Будучи хорошо тренированным по части погружения в холодные воды подземелий и имея уже достаточный опыт форсирования подземных водных преград, я без колебания решил спуститься под землю вместе с бурными водами ручья Лабастид.

Добравшись до места, где ручей уходит под землю, я разделся догола, поскольку плавать и двигаться ползком под землей в одежде неудобно и даже опасно (она стесняет движения, сохраняет влажность и цепляется за все выступы и шероховатости), и протиснулся головой вперед в узкую расселину, куда с грохотом низвергались воды ручья Лабастид.

Дело было в начале апреля — время малоподходящее для подобного купания. Вода в ручье была ледяная, и уровень ее высок.

Некоторое время я полз, извиваясь, как червяк, и протискиваясь с отчаянными усилиями между поверхностью воды и скалистым сводом. Ложе ручья подо мной устилала вязкая и дурно пахнущая тина, спина и плечи то и дело задевали за неровности и острые выступы низкого пола. Наконец после мучительных физических усилий и непрестанной тревоги за мою ацетиленовую лампу, которую все время грозила задуть сильная встречная струя воздуха, я с облегчением заметил, что узкий лаз, где я продвигался с таким трудом, оглушенный грохотом низвергавшейся воды, постепенно расширяется. Скоро я уже смог встать на четвереньки, а затем выпрямиться в просторном подземном зале, который я пересек со всей возможной быстротой, горя нетерпением продолжить свое исследование.

Вслед за водами подземного ручья я углубился в извилистый коридор с низким сводом, однако, пройдя метров двести, вынужден был остановиться. Неожиданное и грозное препятствие возникло на моем пути, преграждая дорогу дальнейшему иссле-

дованию. Пламя ацетиленовой лампы, которую я держал в руке, вдруг замигало и стало гаснуть; одновременно я почувствовал резкий приступ удушья. Подземную галерею наполнял отравленный воздух — страшный и коварный враг спелеолога. Я успел разглядеть в полумраке впереди себя огромную кучу гниющих листьев, травы и веток, которую подземный ручей принес сюда с поверхности во время осеннего паводка. Эти органические вещества, разлагаясь, отравляли воздух в галерее и делали невозможным продвижение вперед. Пришлось спешно повернуть вспять и отложить исследование пещеры до того времени, когда воды нового паводка смоют препятствие и воздух в подземном коридоре очистится.

Выбравшись без особых происшествий на поверхность, я, не одеваясь, направился к входу в другую пещеру, черневшему неподалеку от расселины, из которой я только что вылез.

Проникнуть в эту новую пещеру можно лишь через подобие колодца с вертикальными стенками. Только возле одной из них имеется крутая каменная осыпь, по которой я с немалыми трудами спустился на глубину примерно тридцати метров. Здесь передо мной открылась высокая арка, образующая почти театральный вход в пещеру, скрытый в глубине каменного колодца.

Дневной свет кончается здесь сразу, и я, войдя под арку и сделав несколько шагов в глубину пещеры, едва не свалился в новый колодец, разверзшийся у моих ног в полу подземного коридора, почти во всю его ширину. Пришлось обойти его по узкому карнизу, вдоль одной из стен.

Моя ацетиленовая лампа в этот день горела из рук вон плохо и едва освещала мне путь. Только большой опыт и привычка к подземным исследованиям помогли мне продвигаться при таком освещении по обширной пещере, где судьба готовила для меня счастливую находку.

В просторном подземном коридоре свет моей лампы едва раздвигал окружающий мрак, и я решил придерживаться все время одной стены, чтобы не заблудиться на обратном пути.

Перебравшись по каменному карнизу через колодец, предательски зиявший у самого входа, я вступил в наклонный коридор, полого поднимавшийся вверх. Коридор вскоре привел меня в подземный зал с горизонтальным полом, загроможденным глыбами камня и толстыми сталактитами. Между ними кое-где попадались кости животных, глиняные черепки и фрагменты человеческих скелетов — несомненные следы стоянки первобытного человека, а может быть, одного из тех убогих неолитических либо галльских погребений, которые часто встречаются в пиренейских пещерах.

Проходя по коридорам и залам, я не забывал осматривать их стены, как я всегда делаю во время подземных исследований, надеясь обнаружить наскальные изображения. Но на стенах пещеры — неровных и слоистых — не видно было нигде поверхности, пригодной для рисунков, которые к тому же встречаются под землей не так уж часто.

Перелезая через преграждавшие мне путь каменные выступы и валуны, я прошел по длинному коридору, где ноги вязли в липкой, влажной глине, и примерно в 330 метрах от входа очутился в маленьком продолговатом зале, заканчивавшемся тупиком. Низкий свод, плотный, словно утоптаный земляной пол напомнили мне чем-то «зал Медведя» в пещере Монтеспан. Но в скольких пещерах, которые я исследовал с, тех пор, у меня возникало вдруг подобное воспоминание — предчувствие (увы, редко подтверждавшееся!), что я на пороге выдающегося открытия! Однако на сей раз предчувствие не обмануло меня, и мое упорство было вознаграждено по заслугам.

Согнувшись в три погибели и едва не вывихнув шею, я при слабом свете немилосердно коптившей лампы принялся осматривать стены и потолок подземного зала. И вдруг с невыразимым волнением заметил как раз над своей головой глубоко врезанные в камень свода штрихи, вид которых никогда не обманывает тех, кто долго отыскивал, открывал, расшифровывал и изучал произведения первобытного искусства на стенах подземных пещер. Но глаза мои были слишком близко от потолка, и я не мог уяснить себе значение этих врезанных в камень штрихов. Я лихорадочно встряхнул лампу и, пользуясь вспышкой ее света, улегся навзничь на земляной пол и бросил взгляд на потолок.

И внезапно передо мной возникла — в пугающей близости! — голова рычащего льва, выполненная с удивительным мастерством.

Голова эта — более крупная, чем в натуре, — поражает своей необычайной, глубоко волнующей выразительностью. Собранная в складки кожа на лбу и на морде, яростно оскаленная пасть и злобно прищуренный глаз придают голове хищника необыкновенно свирепое выражение, которое еще усиливают торчащие из пасти огромные — восемь сантиметров в длину — острые клыки.

Великий безвестный художник доисторической эпохи, вооруженный лишь острым осколком кремня, создал этот шедевр первобытного изобразительного искусства на неровном каменном своде низкого зала, воспроизведя с величайшим реализмом и убедительностью страшное видение, вынесенное им из смертельной схватки с одним из самых злобных и могучих хищников той эпохи — пещерным львом.

Такие находки щедро вознаграждают археолога за годы поисков, за километры, пройденные под землей иной раз с величайшими трудностями. Как передать неизъяснимое чувство, охватывающее исследователя в ту минуту, когда он, один в глубине подземного лабиринта, вдруг оказывается лицом к лицу с неопровержимым свидетельством артистичности, уже свойственной человеку в такую отдаленную от нас эпоху, перед которой древнейшие произведения египетского искусства кажутся созданными лишь вчера!

И как не почувствовать волнение, впервые увидев вновь, столько тысячелетий спустя, облик страшного хищника, населявшего в те бесконечно далекие времена леса и степи нашей нынешней родины! Изображение, сделанное современником, видевшим своими глазами грозного зверя, отважно вступавшим с ним в неравный бой.

За долгие годы исследования и изучения подземных пещер в Пиренеях такая удача, такое счастье выпадали на мою долю только дважды: в 1923 году в пещере Монтеспан (я рассказал об этом открытии в предыдущей главе) и в 1930 году в пещере Алкерди (испанская Наварра), где я обнаружил на стенах превосходные изображения бизонов и северных оленей.

Пещера Лабастид была новой пещерой с наскальными изображениями, открытой мною в недрах Пиренейских гор. Многие такие пещеры «с росписью» причислены к таковым только потому, что на их стенах обнаружены два-три нарисованных или награвированных изображения. Я же, проходя по пещере Лабастид, словно присутствовал на вернисаже богатейшего Салона первобытной живописи, где демонстрировалось искусство двух интереснейших и древнейших эпох: искусство мадленской эпохи и предшествовавшей ей эпохи ориньякской. Искусство обеих этих эпох представлено в пещере Лабастид прекрасно, сохранившимися изображениями, время создания которых восходит — по самым скромным, строго проверенным научным подсчетам — к пятнадцатому а то и к двадцатому тысячелетию до нашей эры.

Оторвав наконец восхищенный взгляд от «рычащего льва», я поднялся на ноги, твердо уверенный, что найду в этой пещере и другие изображения. И действительно, одна из стен и часть потолка подземного зала представляли собой необычайное переплетение рисунков всевозможных размеров, награвированных либо глубокими штрихами шириной в два пальца, либо очень тонкими, еле заметными линиями, видимыми только в боковом свете лампы, И хотя на каменных стенах пещеры можно было различить иной раз целых семь разных животных, напластованных друг на друга (такое наложение одних рисунков на другие —

факт, широко известный в археологии: древние художники часто рисовали поверх уже имеющихся на стене изображений, словно не замечая или игнорируя их), я, несмотря на трудность расшифровки этих спутанных и переплетенных силуэтов, с первого взгляда различил длинный фриз, где восемь или десять лошадей, величиной в 1,5–2 метра каждая, либо обращены друг к другу мордами, либо следуют друг за дружкой. Эти лошади, как и многие другие, которых я обнаружил позже в различных местах пещеры Лабастид, чрезвычайно похожи между собой и, видимо, принадлежали к одной и той же породе. У них коренастое туловище, короткая массивная голова, взъерошенная, наподобие щетки, грива и очень длинный развевающийся хвост.

На фризе с лошадьми можно различить контуры бизонов, северных оленей и некоторых других животных, не поддающихся определению, а также множество загадочных черточек и знаков.

Особо следует отметить голову человека, очень четко и детально выписанную, — явление весьма редкое среди рисунков, которые оставили нам в наследство наши далекие предки. Эта голова, награвированная в небольшом углублении стены, в центре фриза с лошадьми, изображена в фас и выглядывает из каменной ниши словно из слухового окошка. Лицо у человека совершенно круглое и очень странное: вместо глаз два глубоко награвированных круга, очень широкий нос с расширенными, словно раздувающимися ноздрями, будто вырубленная ударом топора прямая линия рта и острая бородка. Как-то неприятно думать, что рисунок этот — портрет одного из тех людей, которые оставили нам такие высокие и совершенные образцы своего искусства. Но вероятнее всего — и это подтверждается аналогичными находками, сделанными и других пещерах, — мы имеем перед собой не лицо человека, а ритуальную маску колдуна. Такие маски можно видеть и ныне у современных отсталых народностей. Обведенные кругами глаза и широкие звериные ноздри поразительно напоминают знаменитое изображение колдуна из пещеры Трех Братьев (департамент Арьеж) и одновременно маски «дук-дук», привезенные современными путешественниками с Новой Гвинеи.

Другой рисунок в пещере Лабастид изображает голого человека в маске, с наклоненной фигурой, согнутыми коленями и широко раскинутыми в стороны руками. Это поза ритуального танца, которую мы находим у колдуна, также нагого и замаскированного, из пещеры Трех Братьев, у «просителей» из пещеры Альтамира, у человеческих фигур из гротов КомбаревЪлль и МарсулавЪI.

Такой же одинокий и обнаженный, как пещерный человек, который, впрочем, никогда не отваживался, конечно, забираться в одиночку так далеко под землю, я стоял неподвижно перед

этими чудесными изображениями, почти физически ощущая вереницу тысячелетий, отделявшую меня от эпохи, когда они были созданы, и от всех тайн, которые они скрывали.

Однако пора было подумать о возвращении. Много часов прошло с того момента, когда я проник в пещеру, и пламя моей лампы сигнализировало о том, что горючее в ней на исходе. Я двинулся обратно почти ощупью, держась рукой за стену, которая должна была вывести меня на свет, и уже прикидывая в уме, когда я смогу вернуться в эту пещеру, чтобы завершить ее обследование и найти на ее стенах новые рисунки и гравюры.

Добравшись до выхода, я увидел, что солнце стоит уже совсем низко над горизонтом. Но едва я приготовился сбегать вниз по крутому склону к соседней пещере, где, как, вероятно, помнит читатель, я оставил в кустах свою одежду, как вдруг, к ужасу своему, обнаружил, что в овраге, пустынном в момент моего появления в этих местах, теперь паслось стадо овец, охраняемое молчаливой пастушкой с задумчивым лицом. Сообразив, что вид мой напоминает чемпиона по плаванию, а тело вымазано глиной и покрыто ссадинами и царапинами, я, чтобы не напугать до смерти смуглую хранительницу овечьего стада (которая, вероятно, приняла бы меня за дьявола, выскочившего прямо из преисподней), вынужден был спрятаться в кустарнике и дожидаться сумерек, когда пастушка и ее белые овцы выбрались наконец из оврага и направились к деревне.

Два дня спустя я вернулся в Лабастид в сопровождении моей жены. Вдвоем, в пятнадцать сеансов (некоторые из них, весьма продолжительные, вызвали беспокойство у жителей деревни, пришедших однажды под вечер ожидать нас у входа в пещеру), мы описали, зарисовали и сфотографировали наскальные рисунки, рассеянные на всем протяжении пещеры Лабастид. С компасом в руках мы сняли план пещеры, однако не успели завершить полностью ее исследование. В пещере Лабастид существуют вертикальные колодцы, которые ведут в нижние этажи, расположенные глубоко под землей. Спустившись с помощью веревки в некоторые из этих колодцев, мы обнаружили на дне их русло того самого подземного потока, который исчезает в расселине близ деревни Лабастид и снова выходит на поверхность земли у селения Эспаррос.

Детальное обследование верхнего этажа пещеры (единственного, который посещали первобытные люди) позволило нам найти на отдельных каменных глыбах, на стенах и на сводах изображения лошадей, северных оленей, бизонов, пещерных медведей и пещерных львов, каменных баранов, кабанов и даже одной птицы (по-видимому, дрофы). Однако явное преобладание среди

этих изображений силуэтов лошадей побудило меня назвать «гротом Лошадей» эту обширную безымянную пещеру, чтобы отличать ее впредь от всех соседних, носящих общее имя пещер Лабастид.

Некоторые рисунки в «гроте Лошадей» относятся к ориньякской эпохе. Они более примитивны и несовершенны, потому что древнее на несколько тысячелетий. Но подавляющая часть изображений выполнена художниками следующей за ориньякской — мадленской эпохи, того легендарного периода в предыстории, который недаром называют эпохой расцвета первобытного искусства.

В двухстах метрах от входа огромная каменная глыба, упавшая когда-то с высокого свода, частично загораживает проход по центральному коридору. На ровной поверхности ее видна большая фигура лошади, награвированная штрихом и окрашенная в красный цвет; только грива и копыта у нее черные. Это единственный образец первобытной живописи, имеющийся в «гроте Лошадей». Кстати, надо отметить, что произведения первобытной живописи еще более редки, чем гравированные рисунки. Лишь немногие из красок, которыми пользовались древние художники, выдержали «испытание временем», продолжавшееся тысячелетия. Лошадь очень велика: голова ее находится на высоте трех метров над уровнем пола.

В конечной части пещеры на плотно утрамбованном земляном полу возвышается плоская глиняная насыпь. На этой насыпи выложены два ровных круга из соприкасающихся друг с другом камней, напоминающие кромлехи.[4] В центре кругов лежат угли, обуглившиеся кости, челюсти и зубы лошадей, обточенные человеческими руками кремни. Здесь же найдены костяные наконечники копий и дротиков и несколько плиток известняка, украшенных изящными силуэтами лошадей, северных оленей и бизонов. Плитки лежали на полу, повернутые рисунком к земле, по-видимому в соответствии с определенным магическим ритуалом, потому что археологи наблюдали аналогичные случаи и в некоторых других пещерах.

Многое можно рассказать о замечательных находках в «гроте Лошадей», об их оригинальности и загадочности. Снова встает вопрос о том, что же означают все эти рисунки, с какой целью они созданы? Почему рисунки находятся в самых удаленных и труднодоступных частях пещер и, несомненно, выполнены первобытными художниками ценой больших трудностей, в самых неудобных, иной раз совершенно невыносимых позах? Ныне, когда благодаря трудам наших знаменитых археологов теория «магии» одержала явную и убедительную победу над сугубо надуман-

ной теорией «искусства для искусства», никого не удивляет больше, что рисунки, гравюры и скульптуры древних художников скрыты в самых отдаленных частях некоторых весьма немногочисленных пещер, как не удивляют нас больше странные, долгое время остававшиеся загадочными человеческие силуэты, где лица скрыты масками, а тела — ритуальными одеждами. Их присутствие посреди многочисленных изображений животных вполне объяснимо: колдун на месте среди шабаша.

В пещере Лабастид, как и в гроте Монтеспан, находилось святилище, священная пещера людей мадленской эпохи. Когда-то, в седой древности, здесь, глубоко под землей, происходили мрачные и торжественные магические церемонии и ритуальные обряды, которые, пережив тысячелетия, сохранились в неприкосновенности у аборигенов Австралии, папуасов Новой Гвинеи и некоторых других народов.

Открытие священной пещеры Лабастид существенно пополняет список пиренейских пещер «с росписью». Я счастлив, что сумел обнаружить ее художественные сокровища, которые, несомненно, послужат новым, увлекательным полем деятельности для современной археологической науки.

Находка этих бесценных сокровищ целиком вознаградила меня за долгие и многочисленные исследования и поиски, за утомительный труд и опасности, которым я подвергался.

В логове колдуна

Спелеологам, занимающимся подземными исследованиями и поисками, хорошо известно, что открытия под землей совершаются не по заданию и не в заранее указанном месте. Отправляясь в очередную подземную экспедицию, бессмысленно заявлять во всеуслышание, что вас непременно ждет там выдающаяся находка. Спелеолог должен быть готов к долгим, зачастую бесплодным поискам, и тогда однажды, по счастливой случайности, но совершенно неожиданно, когда об этом меньше всего думаешь, упорство, терпение и тяжкий труд под землей будут вознаграждены каким-нибудь замечательным открытием.

В редчайших случаях, которые можно рассматривать лишь как исключение, какая-нибудь предварительная гипотеза, умозаключение или, еще того меньше, предчувствие направляют поиски спелеолога по верному пути и приводят его с первого же захода к открытию.

Такое исключение, такая удача случилась со мной всего один раз на протяжении всей моей довольно-таки долгой карьеры спелеолога.

Я действительно отправился однажды утром из дому, заявив что в этот день должен сделать открытие, и даже предсказав характер этого открытия.

Более тысячи пещер довелось мне обследовать, и только в отношении одной-единственной мое «предчувствие» (или предвидение) не обмануло меня. Этот факт достаточно убедительно доказывает, что дело идет лишь о чистой случайности, о том исключении, которое, как известно, только подтверждает правило.

Как бы там ни было, изложим события так, как они развивались в то мартовское утро 1933 года, когда я бодро катил на велосипеде по долине Сала, пиренейского притока Гаронны, направляясь к деревушке ПейовЪір, цели моего путешествия.

Добравшись до места, я оставил велосипед у стены сарая и стал расспрашивать вышедшего мне навстречу местного жителя о расположенной по соседству с деревней пещере, которую я в этот день собирался обследовать. Крестьянин хорошо знал пещеру и указал мне издали вход в нее, объяснив довольно толково и точно, как до нее добираться. Он хотел даже сам проводить меня туда, чтобы поставить у входа капкан на лис и барсуков, обитающих в этой пещере, которые, по его словам, совершали грабительские набеги на деревенские курятники и посеы. Но, вспомнив, что его ждет другая, более срочная работа, он отказался от своего намерения и отпустил меня одного. На прощание он всучил мне

древний, заржавленный капкан и поручил поставить его у входа в пещеру. В качестве приманки я должен был положить в капкан куриное яйцо.

Из вежливости я согласился выполнить его поручение, но сделал это весьма неохотно, зная, как долго и жестоко мучаются животные, попавшие в эти варварские ловушки. Кроме того, меня всю жизнь преследовало воспоминание, как однажды, продвигаясь ползком по узкому лазу близ входа в одну пещеру, я нечаянно зацепил за пружину одного такого зверского приспособления и его страшные железные челюсти с зловещим скрежетом сомкнулись в нескольких сантиметрах от моего лица!

Итак, я отправился через поля, закинув за спину рюкзак и держа в одной руке капкан, а в другой насиженное куриное яйцо, которое лисы якобы предпочитают свежему.

Дойдя до оврага, я увидел на дне его, как и предполагал, совершенно пересохшее каменистое русло реки ГуарревЪж. Я поднялся немного вверх по этому руслу, изобилующему ледниковыми котлами, и скоро заметил на правом берегу, под высоким ясенем, черневший в скалистом склоне вход в пещеру Пейор. Это был узкий, малопривлекательный лаз, но, как мне рассказывали, он служит входом в довольно обширную пещеру.

Прежде чем отправиться под землю, я решил устроить небольшой привал, поскольку проделал с утра изрядный путь на велосипеде, а время завтрака давно наступило. К тому же никогда не мешает посидеть в тишине и привести в порядок свои мысли, перед тем как спуститься в земные недра. Присев на большой камень в самом русле реки, которая в нескольких местах, словно играя в прятки, уходит таким образом под землю, я развязал свой рюкзак и принялся завтракать.

Пещеру Пейор я знаю только по маленькому, темнеющему прямо передо мной входному отверстию. Но я только что прочел описание этой пещеры, сделанное одним известным энтомологом. В своей статье он рассказывает, что заметил в нескольких местах на своде пещеры круглые красные пятнышки, которые его чрезвычайно заинтриговали. Такие красные пятна иногда встречаются на потолке и стенах пещер и хорошо известны археологам. На сводах соседних пещер Нио, Одубер и Трех Братьев, украшенных всемирно известными доисторическими фресками, тоже имеются кое-где круглые пятнышки, нарисованные красной и желтой охрой. Но отчего же энтомолог ограничился тем, что сообщил в своей статье о наличии таких пятнышек в пещере Пейор и не стал искать других следов посещения этой пещеры первобытными людьми, например доисторических рисунков и гравюр на ее стенах?

За два дня, прошедших после того, как я ознакомился со статьей, во мне созрело твердое убеждение, что на стенах пещеры Пейор должны существовать доисторические наскальные изображения, которые я непременно должен найти.

Не желая подражать охотнику, мечтавшему о шкуре еще не убитого медведя, я поспешил закончить свой завтрак и стал готовиться к спуску под землю. Но сначала надо было установить порученный моим заботам капкан. Лисам и барсукам нечего было опасаться, что они когда-нибудь попадут в эту ловушку, потому что я поставил капкан на самом видном месте из боязни, как бы какой-нибудь коллега-спелеолог не сделался жертвой адского механизма.

Покончив с установкой капкана, я опустился на четвереньки и протиснулся во входное отверстие пещеры Пейор.

Низкий вестибюль пещеры открывался сразу же за входом. Я поднялся на ноги и увидел прямо перед собой глубокую траншею, а рядом с ней кучу свежерыкопанной земли. Кто-то незадолго до меня производил здесь археологические раскопки. Это «открытие» значительно охладило мой пыл и мою уверенность в успехе.

Археолог, производивший здесь совсем недавно фундаментальные раскопки, не преминул, конечно, детально исследовать пещеру и, по-видимому, не нашел ничего стоящего, раз никакой публикации или статьи по этому поводу в соответствующих научных журналах не появлялось.

Я машинально нагнулся над грудой выброшенной из траншеи земли, тщетно отыскивая глазами какие-нибудь древние остатки, но не смог обнаружить даже крошечного обломка кремня, даже небольшого глиняного черепка.

Раскопки, очевидно, оказались безрезультатными. Археологу не досталось ничего за все его труды, и, значит, пещера Пейор не была обитаема людьми в первобытные времена.

Действительно, входной зал с его низким и щербатым сводом не внушал больших надежд. Пещера была явно непригодна для жилья. В ней царила крошечная тьма, пол был наклонный, потолок низкий. Кому могло прийти в голову избрать в качестве жилища это мрачное и неудобное место, когда по соседству имелось множество пещер вместительных и удобных, с хорошо освещенным вестибюлем и горизонтальным полом.

Разочарование было жестоким. Но археологи знают, что нельзя рассуждать о предметах доисторических с точки зрения современного человека. Нам чрезвычайно трудно представить себе психику и ход мыслей первобытных людей, их реакцию на те или иные факты и события. К тому же, если пещера Пейор и не служила постоянным жилищем для наших далеких предков, они могли

посещать эпизодически ее наиболее удаленные от входа части, где, как известно, обычно находят произведения доисторического искусства.

Ободренный этими соображениями, я с возродившейся надеждой пересек входной зал и вступил в коридор, уходящий в глубь горы.

Я шел медленно и внимательно осматривал каменные стены, надеясь обнаружить на них ожидаемые произведения первобытного искусства.

Вдруг до моих ушей донесся слабый, тонкий писк. Видно, где-то под сводами гнездилась колония летучих мышей. Летучие мыши! Вот один из самых любимых мною объектов изучения под землей, моя страсть, мое увлечение! Я так долго изучал жизнь и повадки этих любопытнейших созданий, что умею различать по их полету или по голосам, к какой из двадцати с лишним пород, встречающихся во Франции, они принадлежат.

Я стою неподвижно, внимательно вслушиваясь и стараясь догадаться — до того, как увижу, — кто это пищит там, под темными сводами: подковоносы, рыжие вечерницы или нетопыри-карлики, обычные обитатели пиренейских пещер.

Но странно: писк доносится как будто из узкого бокового прохода. Я немедленно лезу туда, озадаченный и недоумевающий. Нет, никогда я не слышал, чтобы летучие мыши издавали подобные звуки! К тому же писк, вернее, слабое повизгивание раздается не с потолка, а с пола пещеры. Я продвигаюсь теперь на четвереньках под низким сводом и скоро убеждаюсь, что ко мне со дна небольшой расселины долетает слабый, приглушенный визг семейства новорожденных лисят или барсучат.

Проползаю еще два-три метра по каменной трубе и наконец различаю в конце ее гнездо из сухих листьев и мха, в котором с очаровательной неловкостью копошатся крохотные, как видно только что появившиеся на свет, лисята. Мать, вероятно, убежала, зачуяв мое приближение.

Каменный лаз так узок, что я не могу добраться до самого гнезда. Да и зачем мне это? Довольствуюсь тем, что наблюдаю с расстояния около двух метров прелестную маленькую семейку, продолжающую жалобно попискивать и повизгивать. Хотелось бы подольше полюбоваться редким зрелищем лисьей интимной семейной жизни, но поза моя настолько неудобна, что я не в силах больше лежать, вытянувшись во всю длину, головой вниз, стиснутый между каменными стенами так, что едва дышу. К тому же я с ужасом констатирую, что на меня напала целая армия блох, ринувшихся на мой запах из лисьего логова. Поспешно отступаю — все так же ползком — и возвращаюсь обратно в центральный

коридор.

После этой зоологической интермедии я снова принимаюсь за поиски наскальных изображений и медленно дефилирую вдоль каменных стен. Увы, поверхность их везде неровная, изобилующая выступами, углублениями и расселинами, совершенно не подходящая для наскальной живописи. На минуту внимание мое привлечено насекомым из семейства жесткокрылых, которого, по-видимому, напугал свет моей лампы. Но скорее всего этот подземный житель слеп или, точнее, лишен органов зрения, бесполезных в вечном абсолютном мраке, где проводят жизнь обитатели пещер. Как видно, другие чувства заменяют им зрение, потому что насекомое, проворное и робкое, тут же скрывается в зияющей в стене щели.

Но что такое виднеется там, на темном камне свода? Направляю вверх свет моей лампы и ясно различаю круглое красное пятнышко величиной с орех. Я не могу дотянуться до него рукой и потрогать, но мне кажется бесспорным, что это пятно нарисовано. К тому же немного дальше я вижу другое такое же пятно, и, так как свод здесь ниже, я могу исследовать его более тщательно. Ярко-красный цвет пятна, пожалуй, говорит о том, что этот знак нарисован человеческой рукой. Однако, когда я стараюсь определить, каким способом начертал древний художник свою загадочную метку на каменном своде, я вдруг обнаруживаю, что знак — увы! — не нарисован рукой человека и то, что я принял за мазок краски, в действительности лишь круглый подтек, окружающий вкрапленную в камень свода железистую конкрецию.

Красные пятнышки одно за другим возникают перед моими глазами на каменном своде, но все они оказываются на поверку естественного происхождения. Волнение, охватившее меня при виде первого красного пятна, когда сердце екнуло, предчувствуя крупную археологическую находку, скоро уступает место горькому разочарованию: ни на своде, ни на стенах не видно ничего, кроме обманчивых красных пятен. Только неразумная надежда, быстро превратившаяся в желание, а затем в уверенность, могла ввести меня в такое печальное заблуждение. Теперь я ясно различаю на стенах пещеры другие подтеки, следы более или менее ярких желтых или красных железистых конкреций.

Итак, пещера Пейор — как, впрочем, множество других обследованных мною ранее пещер — не подарила мне ни одного произведения первобытного искусства. Из тысячи с лишним пещер, в которых мне довелось побывать, только пять порадовали меня подобными находками. Пять из тысячи — процент, как видите, совершенно ничтожный (речь идет, разумеется, только о тех пещерах «с росписью», которые я открыл лично).

Продолжим поэтому исследование пещеры Пейор и постараемся не впадать в уныние. Я снова пускаюсь в путь, сосредоточив теперь свое внимание не на стенах пещеры, а на земляном полу, где я стараюсь отыскать следы подбитых гвоздями ботинок моих предшественников. Но, завернув за угол коридора, я внезапно замечаю на земле, в нескольких метрах впереди, предмет, необычный для такого места. Ускоряю шаг и, к величайшему своему удивлению, вижу на полу сачок для ловли бабочек, коробку спичек и носовой платок. Все три предмета уже успели покрыться плесенью; это доказывает, что они лежат здесь давно. Кисея на сачке истлела, спички непригодны к употреблению, платок с меткой Ж. А. тоже сильно попорчен.

Кто потерял эти вещи в подземном коридоре? При каких обстоятельствах, вследствие какого испуга и поспешного бегства оставил здесь свой сачок, спички и носовой платок безвестный охотник за насекомыми? Какая-то маленькая подземная трагедия, несомненно, разыгралась здесь, но я никогда не узнаю ни ее причин, ни последствий. И мне сразу приходит на память странная находка, сделанная мной в большой пещере СабавЪIr (департамент Аръеж), где я обнаружил посреди одного из подземных залов треногу от фотоаппарата. Было бы неудивительно, если бы я нашел эту треногу в сложенном виде — она могла незаметно выпасть на ходу из рюкзака или вещевого мешка. Но нет: тренога была расставлена и стояла в боевой позиции перед изящной сталактитовой колонной. Спелеолог-фотограф собрался, по всей видимости, сфотографировать эту колонну, но вдруг по какой-то таинственной причине (трудно предположить, что это была простая рассеянность) стремительно кинулся прочь, бросив треногу на месте. Что мне оставалось делать? Я сложил треногу (она складывалась легко, металл не успел еще заржаветь), положил в свой рюкзак и... пользовался ею довольно долго, поскольку мне так и не удалось узнать, кто был незадачливый фотограф, бросивший свое достояние под землей, и вернуть ему треногу.

Но почему же и энтомолог и фотограф составили в пещере один — сачок, а другой — треногу? Только они сами могли бы ответить на этот вопрос. Не исключено, что оба поддались внезапной, безрассудной панике, вызванной каким-нибудь необъяснимым, пугающим шумом, как, например, падение камня, обвал потолка, устрашающий рев внезапного паводка или просто полет большой стаи летучих мышей. Усиленные во сто крат гулким подземным эхом, звуки эти способны напугать неискушенного человека. Я уже не говорю о множестве вовсе не понятных шумов, глухих стуков и таинственных посвистываний, которые иногда отчетливо слышит наше ухо под землей, где слуховые обманы — явление

обычное и достаточно частое.

Я сам неоднократно становился жертвой подобного слухового обмана. Помню, как однажды в глубине большой пещеры, которую я исследовал, мне вдруг явственно послышался колокольный звон. Ни о какой слуховой галлюцинации, вызванной паникой, не могло быть и речи: я был совершенно спокоен и сохранял полный контроль над собой. И тем не менее я ясно слышал, как три колокола с совершенно разными тональностями трезвонили напропалую что было сил. Я мог даже различить если не мелодию, то во всяком случае определенный ритм в этом таинственном перезвоне. Подавляя непроизвольно возникавшее в душе чувство мистического страха, я все же решительно двинулся по направлению к загадочной подземной колокольне и скоро увидел, что причиной поразивших меня звуков были всего-навсего... три пустые банки из-под консервов, в которые падали, громко и мелодично звеня, водяные капли с высокого свода. На некотором расстоянии благодаря тому же подземному эху иллюзия колокольного звона была полной. Однако, если бы я не подошел вплотную к источнику шума, как мог бы я догадаться, что три обыкновенные жестянки послужили причиной столь необычного слухового обмана?

Многочисленные легенды, поверья, таинственные, фантастические и страшные рассказы, которыми изобилует фольклор подземных пещер, бесспорно обязаны своим происхождением именно подобным слуховым обманам, только оставшимися нераскрытыми.

Бросив последний взгляд на сачок для бабочек, я проследовал дальше, но скоро вынужден был встать на четвереньки, а затем лечь плашмя на землю и ползти под резко снизившимся сводом. Узкий и грязный наклонный лаз привел меня после долгого спуска к маленькому озерку, вернее, болотцу, где я барахтался некоторое время, уверенный, что добрался до тупика, которым заканчивается пещера. Но разве может спелеолог быть когда-нибудь уверенным, что он действительно достиг конца пещеры?

В каждом подземном лабиринте столько темных закоулков, узких расселин, извилистых лазов, более или менее замаскированных отдушин, о которых и заподозрить нельзя без долгого и тщательного исследования. Именно таким методическим исследованием я и занялся в моем болотистом тупичке и скоро заметил в одной из каменных стен на высоте человеческого роста нечто вроде слухового окошка, к сожалению, слишком узкого, чтобы в него можно было протиснуться.

С каким удовлетворением достал я тогда из рюкзака молоток, который я заставляю себя всякий раз брать под землю и который

столько раз проклинал во время передвижения ползком из-за его тяжести. Но в эту минуту я был просто счастлив иметь его под рукой, чтобы расширить обнаруженную отдушину.

Энергично принимаюсь за эту тяжелую и трудоемкую работу. Отверстие, которое мне предстоит расширить, к счастью, зияет в решетке из сталактитов, более хрупких и легче поддающихся дроблению, чем сложенные известняком стены.

Скоро я с радостью убеждаюсь, что брешь в стене увеличивается и за ней перед моими нетерпеливыми и жадными глазами открывается перспектива довольно просторного подземного коридора, уходящего вдаль под невидимым во мраке сводом.

Еще несколько сокрушительных ударов молотком, от которых разлетаются во все стороны осколки кристаллических сталактитов, — и я, извиваясь словно червяк, вползаю в образовавшийся лаз, минуя его и оказываюсь в неизвестном продолжении пещеры Пейор.

Момент, когда спелеолог входит в только что открытый им подземный коридор или зал, где до него не ступала еще человеческая нога, всегда бывает торжественным. Любую мечту, любую надежду может позволить себе в эту минуту исследователь, как бы ни был он выдержан или даже скептически настроен (впрочем, скептиков среди спелеологов, насколько мне известно, не существует!). Душу его неудержимо влечет неизвестность и страстная жажда открытия. И ни один исследователь, ни один открыватель новых путей, в какой бы области он их ни искал, не в силах противиться этому влечению, этому зову, этой страсти к открытиям и к неизвестности.

Итак, вперед по этому неведомому коридору, где я — первый смертный, шаги которого отдаются гулким эхом в каменных сводах! Куда приведет он меня? К каким дантовским пейзажам? К каким новым находкам и открытиям?

Взволнованный этими мыслями, я быстро двинулся по новому коридору. Все мои чувства были напряжены до предела. Скоро я обнаружил, что иду руслом подземного ручья, который, извиваясь, бежал вниз по наклонному коридору с характерным ступенчатым полом. Это было добрым признаком, ибо с того момента, когда вы отыщете под землей путь воды, можно быть уверенным, что в конце концов она приведет вас к другим водным потокам и обширным подземным лабиринтам.

Но пока я, шагая по щиколотку в воде, прикидывал в уме свои шансы, надеясь проникнуть глубоко под землю, а неумная фантазия рисовала перспективы одна другой заманчивей, внезапно свод коридора резко снизился и в нескольких метрах впереди опустился до уровня ручья, который, журча и булькая, исчез под

ним. Это был практически конец пещеры. Дальше могла проникнуть только вода, скрывшаяся в узкой каменной щели, сквозь которую человеку никак не пройти.

Но что это поблескивает там, на скользком глинистом берегу ручья, где я остановился в довольно-таки неудобной позе? Из вязкой глины торчат края какого-то круглого сосуда, по всей видимости обыкновенного стеклянного стакана. Нагибаюсь и рассматриваю его внимательно. Так и есть! Передо мной стеклянная баночка, наполовину заполненная молочного цвета жидкостью, в которой плавают три мертвые многоножки.

Вот тебе и раз! А я-то вообразил, что я первый человек, проникший в эту часть пещеры, скрытую до сегодняшнего дня от человеческих глаз! Но, оказывается, какой-то энтомолог ухитрился побывать здесь раньше меня и установить свою ловушку для насекомых, наполненную жидкостью, которая должна сохранить их в целостности до его возвращения.

Однако каким же путем проник сюда этот охотник за насекомыми? Конечно, не через отдушину, которую я только что расширил с таким трудом. Вот что интересует меня в самой высокой степени и, должен признаться, изрядно ущемляет мое самолюбие.

Пускаюсь в обратный путь и, не дойдя нескольких шагов до проделанного мной отверстия, со смущением убеждаюсь, что у подземного коридора есть ответвление. Сворачиваю в него, взбираюсь на каменный выступ, спускаюсь с другой стороны и оказываюсь в маленьком зале с болотистым полом. Приглядевшись, обнаруживаю, что нахожусь и том самом болотце, откуда начал свой «путь в неизвестное». Прямо передо мной чернеет отдушина, которую я расширил только что с таким трудом.

Значит, энтомолог, которого я так снисходительно пожалел за то, что он бросил свой сачок у входа в пещеру, оказался догадливей меня, первым обнаружил продолжение пещеры Пейор и не ломился при этом, как я, в открытую настежь дверь!

Пристыженный и огорченный, я плетусь к выходу, размышляя о своем тщеславии спелеолога-одиночки, который вообразил себя первооткрывателем и азартно долбил молотком стену, тогда как рядом, в нескольких шагах от него, открывался просторный проход. Этот эпизод напомнил мне анекдот о человеке, который никак не мог выйти из комнаты и чуть не надорвался, высаживая плечом дверь, но так и не сообразил, что она открывается не наружу, а внутрь помещения.

Проходя мимо сачка для бабочек, я бросаю на него сердитый взгляд и тороплюсь к выходу, мрачно посматривая на красные пятнышки под потолком.

Нет, пещера Пейор решительно неблагосклонна ко мне, и я вынужден отказаться от всех надежд и иллюзий, с которыми вступил сюда утром.

Все же, размышляю я, не следует поддаваться чувству разочарования и считать, что эта пещера станет для меня безразличной только потому, что я не нашел в ней то, что надеялся найти. Истинный любитель подземных исследований никогда не падает духом и не отчаивается. Поэтому я еще раз заглядываю по дороге в тесный лаз, чтобы послушать писк лисят в их норе и снова попытаться достать зверьков. Но усилия мои тщетны: лаз слишком узок. Тогда я принимаюсь изучать ступенчатый пол центрального коридора, образованный известковыми отложениями; в каждой ступеньке — углубление, где поблескивает вода — крошечный, кристально чистый водоем.

Наконец я добираюсь до входного зала, где еще раз осматриваю траншею и кучу земли, вырытую неизвестным археологом, который, так же как и я, ничем не был вознагражден за свой тяжелый труд.

Этот неизвестный археолог был, вероятно, не менее меня разочарован и огорчен своей неудачей. Присев на краю вырытой им траншеи я констатирую, что мой неведомый коллега приложил неизмеримо больше усилий, чтобы раскопать эту неподатливую землю, чем я, прошедший пещеру Пейор из конца в конец.

Не помню, говорил ли я, что на протяжении всего пути туда и обратно я, по своей всегдашней привычке, не переставал осматривать каменные стены, надеясь, несмотря ни на что, увидеть на их поверхности гравированные или рисованные изображения. Только стены и потолок входного зала не были подвергнуты осмотру. Мне показалось, что они явно непригодны для наскальных рисунков. Кроме того, археологам известно, что произведения первобытного искусства не встречаются обычно так близко от входа.

Все же для очистки совести я решаю осмотреть детально стены и главное, потолок входного зала — занятие не из приятных или удобных, поскольку свод пещеры неровен и очень низок. Мне приходится передвигаться на четвереньках по мокрому и грязному полу и с риском вывихнуть себе шею осматривать потолок метр за метром.

Не испытывая ни малейшего энтузиазма, я ползу, подобно крабу то на одном боку, то на другом, освещая лампой шероховатые каменные своды, и вдруг замираю на месте, едва дыша от волнения. На темном камне отчетливо проступает тонкое и сложное переплетение линий, явно начертанных человеческой рукой. Изумлению моему нет предела. Никогда еще среди многочислен-

ных наскальных изображений, которые мне приходилось видеть во всех пещерах «с росписью», не встречалось подобного рисунка — фантастического сплетения линий, геометрических фигур и каких-то кабалистических знаков, четко высеченных на камне и образующих загадочную фреску в целый метр длиной.

Немного подальше я обнаруживаю гирлянду грубо нарисованных пятиконечных звезд, которые во всех книгах по магии носят название «печати царя Соломона», а рядом с ними — диск или колесо с шестнадцатью расходящимися лучами. Тут же, в нескольких шагах, нарисованы другие таинственные и непонятные эмблемы и знаки.

Тщательно осмотрев потолок, я нахожу на нем три изображения животных: рыбу овальной, вернее, ромбовидной формы, четвероногое существо, напоминающее лисицу, и другое, похожее на оленя с ветвистыми рогами.

Все эти изображения предстали передо мной одно за другим на протяжении двух или трех минут. Я был совершенно ошеломлен. Эти кабалистические рисунки, разумеется, не имели никакого отношения к искусству людей ориньякской или мадленской эпохи, охотников на мамонтов, бизонов и северных оленей. Рисунки пещеры Пейор можно отнести разве что (самое раннее!) к веку бронзы, когда люди уже знали и умели рисовать пятиконечную звезду, солнечный диск и силуэт рыбы.

Эти знаки и эмблемы много веков были на вооружении у разных колдунов и магов, а некоторые употребляются и теперь в современной магии. Таким образом, поле для предположений и догадок о происхождении фигур и знаков, начертанных на сводах пещеры Пейор, чрезвычайно обширно.

Лично я считаю, что рисунки эти свидетельствуют о магических церемониях и обрядах, происходивших в пещере Пейор либо в эпоху позднего неолита, либо в годы раннего средневековья. Эти церемонии и обряды совершались колдунами, которые собирались здесь, в укромном месте, под таинственными и темными каменными сводами.

Мы знаем — народные предания донесли до наших дней эти рассказы, — что шабаши и другие колдовские действия с участием ведьм, чернокнижников и колдунов на протяжении многих веков устраивались в чащах дремучих лесов, на вершинах некоторых гор и в подземных пещерах. Известно также, что даже в наши дни среди жителей глухих, отдаленных местностей все еще широко распространена вера в разного рода колдунов и колдуний, знахарей и гадалок, в дурной глаз, порчу и другие виды магии и колдовства.

Загадочные знаки и эмблемы пещеры Пейор — очень сложные и едва ли поддающиеся расшифровке — по всей вероятности, содержат заклинания, заговоры, заклятия и другие магические формулы, употреблявшиеся колдунами, которые приходили в эту пещеру для свершения своих зловещих и жутких обрядов.

Быть может, какой-нибудь колдун или знахарь захотел запечатлеть на камне имена и символы различных демонов и других темных сил, которых он вызывал и призывал, прося у них содействия в своих черных делах.

А быть может, таинственные письмена начертаны участниками одною из колдовских сборищ, изобразивших на стенах свои личные символы и знаки?

Во всяком случае, ко всему, что касается значения начертанных знаков и нарисованных животных, следует подходить чрезвычайно осторожно. Магия — такая область, где все смутно, таинственно и утаено от посторонних глаз. Поэтому рисункам пещеры Пейор могут быть даны самые разные толкования и объяснения.

Тот, кто склонен находить во всех памятниках старины приметы древнего культа Солнца, не преминет обратить внимание на круг или диск с шестнадцатью лучами. Возможно, что круг этот действительно изображает солнце. Такое толкование может послужить основой для стройной теории, тем более что по соседству с кругом нарисована рыба, которая присутствует во многих мифах о дневном светиле, особенно в тех, где речь идет о пребывании Солнца ночью в водах океана (и, значит, рыба пещеры Пейор — морская рыба).

Что же в таком случае означают символические изображения лисицы и оленя? Никакого удовлетворительного объяснения мы привести не можем и предпочитаем хранить по этому поводу осторожное молчание, предоставив специалистам по колдовству и магии высказать свое просвещенное мнение.

Заканчивая рассказ об исследовании пещеры Пейор и находках, которые там были сделаны, я хочу напомнить читателям, что я предвидел эти находки и даже объявил о них заранее своим домашним. Однако должен признаться, что я совсем не догадывался, какого характера будут находки. Прочитав упомянутую в начале статью энтомолога, я предположил, что красные пятна на потолке сделаны рукой первобытного человека, и рассчитывал найти в пещере Пейор наскальные изображения животных ориньякской или мадленской эпохи.

Но красные пятна оказались обычными подтеками железистых конкреций, вкрапленных в каменные своды пещеры, а открытие загадочных рисунков на потолке входного зала сделано вопреки

всем мот предварительным умозаключениям.

Как бы то ни было, магические знаки пещеры Пейор — находка более редкая, чем даже фрески времен палеолита. Науке в настоящее время известно множество таких фресок, и ученые уже разгадали значение большинства из них. Доисторические изображения животных как мы теперь знаем, имеют своим источником ту же магию, только первобытную: магию охоты, искупительной жертвы или заклятия.

Что же касается кабалистических знаков пещеры Пейор, то и датировка, равно как смысл и значение еще требуют детального изучения и расшифровки.

Быть может, прочитав рассказ о том, как эти рисунки были найдены, — рассказ, имевший целью лишь показать читателю работу спелеолога под землей, — какой-нибудь энтузиаст, любитель запутанных загадок, отправится в пещеру Пейор и попытается расшифровать украшающие ее своды графические ребусы и криптограммы.

По следам пещерного человека

*Земля дает нам больше знаний,
чем все книги.*

Сент-Экзюпери, «Земля людей»

Долина реки Сесс, расположенная у границы департаментов Од и ЭрвѢ, в самом сердце Черных Гор, представляет собой, подобно многим другим каньонам пиренейского известнякового плато, глубокое узкое ущелье, где эта река, в значительной степени утратившая свое бывшее полноводье, появляется на свет лишь несколько месяцев в году.

На протяжении десятка километров она вообще течет под землей, и название Сесс (Сесс — от французского глагола *cesser* — прекращаться, останавливаться), вероятно, было дано ей именно из-за этого внезапного исчезновения с поверхности земли.

Кроме этой особенности, впрочем не представляющей собой ничего исключительного в краю, где горы сложены карстовыми породами, а реки и ручьи вечно играют таким образом в прятки, величественное ущелье Сесс известно необычайным количеством пещер и подземных лабиринтов. Входы в них чернеют то тут, то там на скалистых, обрывистых стенах каньона. Их так много, что вид этих зияющих пустот и провалов, расположенных в несколько этажей на отвесных стенах ущелья, производит скорее мрачное, чем живописное впечатление. Но зато какой это рай для спелеологов! Вот уж действительно подлинное царство пещер, которых здесь, как утверждают местные жители, более четырехсот.

Одна из этих пещер, посещаемая с давних пор и чаще, чем все остальные, известна под несколькими именами (обычное явление в спелеологической топонимике). Это пещера ФозавѢн, или АльдевѢн, величественный вход в которую открывается на южном берегу каньона.

Надписи, начертанные на ее стенах и датированные 1640 и 1660 годами, говорят о том, что пещеру Альден уже в XVII веке посещали люди.

Около 1900 года пещера Альден приобрела новую известность, став местом добычи органических фосфатов. Фосфаты содержались в иле, устилавшем толстым слоем пол пещеры и изобилующем невероятным количеством органических останков. Здания промышленного предприятия, построенные на вершине известнякового плато, в нескольких сотнях метров от края каньона, сообщались с пещерой через искусственный колодец глубиной

около сорока метров, пробитый в горе.

В результате этих разработок пещера Альден на протяжении примерно трех километров была «вычищена» до дна шахтерами, количество которых достигало 50 человек.

Своды пещеры по большей части высоки, но некоторые второстепенные боковые галереи были забиты фосфатной породой до самого потолка.

В 1927 году шахтеры выбирали породу из такой боковой, целиком заполненной галереи. Внезапно завал кончился, и перед рабочими открылся просторный коридор с горизонтальным полом. Случай сам по себе довольно обычный: уже не раз в пещере Альден открывали таким образом неизвестные продолжения ее галерей, закупоренные завалами породы. Но на этот раз удивление шахтеров вызвало другое: на глинистом полу коридора виднелись отчетливые следы босых человеческих ног. Какие-то люди прошли по этому коридору до того, как он был открыт шахтерами. Но как они попали в плотно закупоренный коридор и каким образом из него выбрались?

Заинтригованные этой загадкой, шахтеры во главе со старшим мастером быстро прошли из конца в конец открытый ими коридор, но так и не получили ответа на взволновавший их вопрос. В полном недоумении они констатировали, что коридор заканчивается каменным тупиком, без малейшего намека на выход.

Высказав по этому поводу множество разнообразных предположений, одно нелепее другого, шахтеры отказались от мысли расшифровать поразившую их загадку и вернулись к своему повседневному тяжелому труду.

Однако старший мастер, по имени Антонио, которому загадочные следы не давали покоя, в один из последующих дней вернулся во вновь открытую галерею и разглядел на ее стенах выцарапанные по камню черточки и линии. При ближайшем рассмотрении эти штрихи оказались примитивными силуэтам каких-то животных.

Известие об этой находке, которой честный Антонио не придал большого значения, могло бы остаться незамеченным, если бы не один местный археолог, господин Герре. Проведав о находке старшего мастера, он отправился в пещеру Альден и осмотрел рисунки, в которых можно было лишь с трудом узнать изображения пещерных медведей.

И тем не менее, несмотря на очень точную и обстоятельную публикацию, сделанную упомянутым археологом, подлинно доисторические рисунки пещеры Альден, награвированные на ее стенах с помощью кремневых резцов 15–20 тысяч лет назад охотниками мадленской эпохи, едва не остались незамеченными и

тогда не заняли бы подобного им места в списках памятников доисторического искусства.

Что же касается отпечатков босых ног, вполне отчетливых, раз их сразу же заметили шахтеры, то они, к несчастью, были тут же затоптаны и стерты грубыми, подбитыми гвоздями башмаками рудокопов, которые, разумеется, и не подозревали об исключительной научной ценности этих отпечатков. Потеря огромная и непоправимая, поскольку такие археологические находки чрезвычайно редки.

Прошло несколько лет — залежи фосфатов в пещере Альден иссякли, добыча их прекратилась, подземные коридоры и залы опустели. Только несколько энтузиастов-археологов продолжали здесь свою работу. Время от времени они находили в разных местах пещеры знаменитые каменные молотки ашельской эпохи — самое древнее, известное нам оружие первобытного человека.

Двадцать один год спустя после того дня, когда шахтеры расчистили вход в галерею с доисторическими рисунками, один мой знакомый спелеолог, смелый исследователь пещер, отправился в пещеру Альден в сопровождении бывшего старшего мастера Антонио, который обещал показать ему в одном месте подземной галереи странную отдушину. По словам Антонио, при южном ветре из отдушины тянуло сильным сквозняком, а когда ветер менялся и переходил на северный, она с силой всасывала в себя воздух.

Строго говоря, смена направления воздушных потоков в подземных отдушинах и скважинах не имеет никакого отношения к перемене ветра на поверхности земли. Но спелеолога в данном случае прельщала мысль исследовать эту загадочную отдушину с воздушной струей, обещавшую неизвестное продолжение пещеры Альден. Однако отдушина, о которой идет речь, оказалась слишком узкой и абсолютно непроходимой. Любитель пещер, призвав на помощь Антонио и еще двух человек, приложил немало усилий, чтобы расширить отверстие. Вооружившись железной штангой, они расшатали и сдвинули с места большой камень, закупоривавший, словно пробка, узкий лаз.

Камень удалось сдвинуть в сторону на целый метр; спелеолог протиснулся головой вниз в расширенную скважину и констатировал, что под ней открывается вертикальный колодец, в который он тут же спустился с помощью капроновой лестницы. Через тридцать метров он достиг дна колодца и углубился в открывшийся перед ним горизонтальный коридор величественных пропорций, по которому прошел из конца в конец более двух километров.

Удачливый спелеолог открыл и исследовал таким образом в пещере Альден, известной и посещаемой людьми начиная с середины XVII века, нижний этаж, о котором до того момента не подозревал никто, даже шахтеры и горные инженеры, разведывавшие и разрабатывавшие здесь минеральные богатства в течение полувека.

Выбравшись из пещеры, спелеолог тут же послал мне письмо, приглашая немедленно приехать. «Мне нужна ваша помощь и ваш опыт», — писал он в этом письме, к которому были приложены два не очень четких фотоснимка. Снимки эти заставили меня бросить все дела и, вскочив в первый поезд, помчаться на зов моего товарища.

Он ждал меня на станции Лезиньян-Корбьер, стоя рядом со своим выдавшим виды вездеходом «симса». Я был счастлив вновь увидеть стройную и подтянутую фигуру аббата Доменика КатавЂІ, в синем берете и кожаных гетрах под короткой сутаной.

Я всегда рад встрече с этим добрым товарищем, одним из наиболее энергичных и отважных пиренейских спелеологов, храбрость которого равна лишь его простоте и скромности — качества довольно-таки редкие среди моих коллег по профессии.

Это он только что форсировал отдушину в пещере Альден, спустился в вертикальный колодец и первым проник в неведомый никому нижний этаж пещеры, который он непременно хотел показать мне и другому своему товарищу, тулузскому спелеологу Луи Мероку.

Обследование нижнего этажа пещеры Альден в обществе двух опытных и знающих спелеологов обещало много интересного и неожиданного...

Мы проезжали через деревеньки, дремлющие в июльском зное, мимо виноградников, залитых солнцем, под неумолчный звон цикад. Затем наша «симса», рокоча мотором, стала взбираться на южные склоны Черных Гор и, миновав деревушку Фозан, свернула на неровную, всю в ухабах и выбоинах, проселочную дорогу. Проехав по ней километра два, аббат остановил вездеход близ полуразрушенных строений бывшего промышленного предприятия «Органические фосфаты пещеры Фозан» (которую мы будем называть по-прежнему пещерой Альден).

Вокруг простиралось каменистое карстовое плато с малорослой, чахлой растительностью. Оставив в тени строений нашу «симсу», мы направились к входу в пещеру Альден, вернее, к каньону реки Сесс, маленькому Колорадо, отвесные стены которого словно продырявлены множеством входов, лазов, отдушин и порталов пещер.

Вид у этого ущелья действительно любопытный. Никогда в жизни не видел я такого количества пещер, так близко расположенных друг к другу. Тривиальное сравнение каменных стен каньона с ломтем швейцарского сыра невольно приходит на ум.

Аббат объяснил нам, что противоположный берег, простиравшийся перед нашими глазами, — не самый богатый пещерами. Он уверял, что та стена каньона, на вершине которой мы стоим, еще более «дырявая»: настоящая каменная шумовка.

Пока мы любовались отвесными каменными стенами каньона, я вдруг заметил на самом дне его, в пересохшем русле Сесс, какое-то животное, бежавшее неторопливой рысцой по галечным отмелям. Присмотревшись, я узнал лисицу. Это был красивый, рослый зверь. Лиса, разумеется, прекрасно видела и слышала нас, но, зная расстояние, которое нас разделяло, чувствовала себя в полной безопасности. Не спеша и с большим достоинством она удалилась в заросли можжевельника и мастикового дерева, не обратив ни малейшего внимания на наши крики, свистки и отчаянную жестикуляцию, имевшие целью спугнуть ее.

Не так-то часто удается встретить в наших краях лисицу среди бела дня. Под впечатлением этой встречи со зверем, изобиловавшим когда-то в пиренейских предгорьях, мы стали спускаться вниз по очень крутой, осыпающейся под ногами тропинке, к подножию каменной стены каньона, где находится вход в пещеру Альден, невидимый сверху. Руководимые нашим чичероне, мы скоро достигли входа в пещеру — величественной арки, перед которой возвышалась огромная куча земли и камней, выброшенных шахтерами в те времена, когда в пещере добывали фосфаты.

Обходя эту пирамиду, воздвигнутую человеческими руками, Луи Мерок внимательно обследовал ее склоны и был вознагражден за свои труды находкой великолепно сохранившегося каменного молотка ашелльской эпохи.

Ободренные и возбужденные этой находкой, мы вошли под каменную арку и углубились в недра земли.

Мы шли медленно, по привычке осматривая по пути своды, стены и пол пещеры. В некоторых залах еще можно было различить надписи, датированные 1640 и 1660 годами. Всюду виднелись следы работы шахтеров, основательно «вычистивших» пещеру от залежей фосфатов. Внезапно свод поднялся вертикально на большую высоту; в зените его мы увидели большое отверстие, сквозь которое в пещеру проникали лучи дневного света. Перед нами был выход из шахты; здесь добытую породу поднимали на поверхность. Мы находились как раз под зданиями заводика, построенного на плоскогорье, где мы оставили нашу «симсу».

Чуть подалее потолок коридора снова поднялся на высоту 15–18 метров, и мы были оглушены писком и щебетом, доносившимися из-под темного свода. Там гнездилась большая колония летучих мышей, насчитывавшая, по моим соображениям, до 6–8 тысяч особей. По их характерному писку, напоминающему пронзительные крики маленьких попугайчиков, я распознал в них *minopterus* *Ires*, обычных обитателей пиренейских пещер. Догадка моя полностью подтвердилась находкой новорожденного малыша, свалившегося из-под свода и трепыхавшегося с жалобным писком на куче гуано, устилавшего пол пещеры.

В глубине одного из коридоров, везде очень сухого, мы увидели небольшой водоем с твердыми известковыми стенками, который питает стекающая с потолка тонкая струйка воды. Именно здесь несколько месяцев назад наш друг Катала, желая напиться, встал на колени, чтобы зачерпнуть ладонями прозрачную воду. Утолив жажду, он уже собирался подняться, как вдруг внимание его привлекло небольшое темное пятно, выделявшееся на светлом дне водоема. Вооружившись ножом, а затем портативной киркой, без которой не отправляется под землю ни один уважающий себя спелеолог, Катала трудился целый час, чтобы высвободить из твердого кальцита, в котором он был замурован и почти скрыт, бронзовый женский браслет в полной сохранности — изящное украшение тонкой, превосходной работы. Возраст этого браслета определяется примерно в три тысячи лет.

Даже не будучи коллекционером, нельзя не понять радости любителя искусства, обнаружившего среди бумажного хлама ценную гравюру, филателиста — нашедшего редкую марку, или энтомолога — накрывшего наконец сачком прекрасную бабочку, которой нет в его коллекции. Но как передать восторг и счастье спелеолога-одиночки, пробирающегося ползком, с расцарапанными ладонями и коленями, по узким подземным лазам, во мраке, по грязи и в холоде, — и затем терпеливо высвобождающего из векового плена известковых отложений женское украшение, пролежавшее три тысячи лет в глубине пещеры, за километр от дневного света!

Почему хозяйка этого украшения очутилась так глубоко под землей? Что привлекло ее в недра горы?

По всей видимости, единственной целью ее рискованного путешествия был источник, скрытый глубоко под землей, с его ледяной и кристально чистой водой. Быть может, она пришла сюда, чтобы набрать этой чудесной воды в какой-нибудь примитивный глиняный сосуд? Быть может, омыв лицо и руки в источнике, она нечаянно уронила туда браслет? А быть может, браслет этот был приношением, даром благодарности, умиловительной или

искупительной жертвой нимфе источника или какому-нибудь другому подземному божеству? Культ источников — один из самых древних и наиболее широко распространенных среди первобытного человечества культов.

Гипотез и вопросов можно выдвинуть много; ответить на них с исчерпывающей ясностью и определенностью невозможно. Но воображение, очарованное изяществом и совершенной формой находки, подсказывает нам одно за другим самые романтические предположения.

Прошли годы, и темноволосая девушка с черными глазами (блондинок с голубыми глазами в те времена не было) прожила жизнь, состарилась и умерла; ее похоронили в каком-нибудь погребальной гроте по соседству. А три тысячи лет спустя, в 1948 году нашей эры аббат Катала явился, подобно волшебнику, чтобы разрушить чары тысячелетнего плена, в котором пребывал ее бронзовый браслет. И явился он как раз вовремя, когда браслет уже почти исчез навсегда от человеческих глаз под отложениями извести.

Освободив браслет из плена, Катала тщательно очистил его и вернул к жизни после сна, продолжавшегося три тысячи лет. Невозможно даже представить себе, где будет этот браслет еще через три тысячи лет!

Сегодня мы оперируем только тысячелетиями.

Машина времени Уэллса в нашем распоряжении, и нам достаточно свернуть в другой коридор этой поистине волшебной пещеры Альден, чтобы погрузиться еще глубже во тьму тысячелетий, созерцая на каменных стенах изображения пещерных медведей, награвированные кремневыми резцами 15 или 20 тысячелетий тому назад.

Изображения эти далеко не самые совершенные из образцов доисторического искусства. Они примитивны и к тому же весьма немногочисленны. Только одно из них не выцарапано на камне резцом, а нарисовано красной охрой. Это лучшее из имеющихся в пещере Альден изображений. Первобытный художник-анималист превосходно передал характерный силуэт древнего хищника, без сомнения, бурого пещерного медведя (*ursus arctos*).

Не задерживаясь перед этими давно известными произведениями, мы устремляемся вслед за аббатом Катала к другой достопримечательности пещеры Альден — расширенной им отдушине в центральном коридоре. Отсюда должна начаться еще неведомая нам и потому самая волнующая часть сегодняшнего подземного похода.

С любопытством и известным опасением Мерок склоняется над отверстием, из которого тянет сырым, промозглым воздухом под-

земелья. Опасения его не лишены основания: как при его гигантском росте и могучем телосложении протиснуться в эту узкую, извилистую щель, напоминающую замочную скважину?

Аббат Катала лезет в отдушину первым, ногами вперед, лежа на боку. Он комментирует свои движения и перемены позиций Мерову, который выслушивает его очень внимательно, а затем, в свою очередь, втискивается в отдушину, скрупулезно соблюдая все наставления аббата. Я вижу, как он с отчаянными усилиями, извиваясь и кряхтя, исчезает в щели. Через несколько минут я слышу его приглушенное восклицание: узкая часть лаза пройдена благополучно!

Последним вползаю в отдушину я и присоединяюсь к своим товарищам. Мы надежно прикрепляем к выступу скалы капроновую лестницу, которая поможет нам спуститься по вертикальному колодцу в нижний этаж пещеры Альден.

Спуск этот, осложненный необходимостью тащить на себе наше довольно-таки громоздкое подземное снаряжение — дополнительные связки веревок, вещевые мешки и фотоаппараты, — осуществляется без особых происшествий, и скоро мы все трое стоим у подножия лестницы, в коридоре, только что открытом нашим другом. Этим открытием аббат Катала доказал свою исключительную проницательность и смелость и еще раз блестяще продемонстрировал, как важно для спелеолога умение ползать и забираться во все подземные закоулки и лазы. В большой пещере никогда нельзя быть уверенным, что она уже исследована до конца.

Итак, мы приступаем к обследованию, ради которого примчались сюда на зов Доменика Катала.

Коридор, где мы находимся, по размерам своим весьма скромнен и вначале не представляет ничего примечательного. Нижний этаж пещеры Альден, так же как и верхний, не украшен ни сталактитами, ни сталагмитами и выглядит вполне заурядно. Но все внимание наш приковано к полу пещеры. Этот земляной пол, так же как и каменные стены, окрашен в однообразный темный цвет и присыпан черной марганцевой пылью, придающей довольно мрачный и унылый вид подземелью, где, по-видимому, нет ни одного живого существа, даже самого маленького пещерного насекомого. Кое-где на полу, еще более усиливая ощущение мертвящей пустынности, разбросаны кости пещерных медведей, очень хрупкие, как, впрочем, все кости, долго находившиеся на воздухе. Больше всего здесь медвежьих клыков; остальные части скелета редки и почти все раздроблены.

Скоро мы находим объяснение этой непонятной аномалии. Оно подсказано нам находкой черных шариков величиной при-

мерно с куриное яйцо. Шарик в изобилии лежат на полу подземного коридора то кучками, то отдельно.

Эти шарик, черные от марганцевой пыли, но белые по природе своей, — не что иное, как копролиты, или окаменелый помет гиен.

Так вот почему среди останков пещерных медведей целыми сохранились только их зубы! Гиена — единственное плотоядное животное, челюсти которого способны раздробить и разжевать кости других животных, даже большого роста. Зубы у нее очень мощные, а желудок прекрасно переваривает подобную пищу. Только известь, содержащаяся в костях, не усваивается кишечником гиены и выбрасывается наружу в виде белых шариков. Такие шарик, состоящие из чистой извести, в большом количестве встречаются в пещерах, которые когда-то служили логовищем этим хищникам.

Гиены, обитавшие некогда в пещере Альден, раздробили и съели большую часть костей пещерных медведей. Уцелели только медвежьи зубы, которые ввиду их исключительной твердости не смогли раздробить даже могучие челюсти гиен. Вот почему мы через каждые три-четыре шага останавливаемся и подбираем с пола чудовищные клыки и коренные зубы косматых хищников, посещавших пещеру Альден в незапамятные времена или удалявшихся сюда, чтобы умереть.

Копролиты гиен встречаются в некоторых пещерах целыми пластами, устилающими пол. Но обычно они наполовину скрыты под отложениями глины или известковыми натекми. В пещере Альден все обстоит иначе: никакие отложения не прикрывают белых шариков, кроме припудрившей их марганцевой пыли. Это позволило нам рассмотреть и даже сфотографировать копролиты, оставленные гиенами 15 или 20 тысячелетий назад, как будто это произошло только вчера.

Такая исключительная сохранность убедительно доказывает, что открытая аббатом Катала подземная галерея оставалась нетронутой в течение тысячелетий и нас ждут здесь находки еще более необычайные и удивительные. И действительно, мы скоро увидели на каменных стенах характерные царапины и борозды — следы страшных когтей пещерных медведей, точивших о стены свои когти. Царапины эти хорошо известны археологам; они встречаются во многих пещерах, но, пожалуй, нигде не попадают в таком количестве и такие четкие, как здесь.

Мы знаем, что в те далекие времена пещерные медведи посещали обширные и глубокие пещеры, забираясь далеко под землю самыми извилистыми и труднодоступными путями. Зачем, с какой целью они это делали? И как они ориентировались в своих

путешествиях по подземным лабиринтам, где царит вечный, абсолютный мрак?

На все эти вопросы принято обычно отвечать, что речь идет об отдельных хищниках, сбившихся с пути и заблудившихся в подземных коридорах и галереях. Находки, сделанные в пещере Альден, довольно убедительно опровергают это ходячее мнение. Пещерные медведи настолько уверенно чувствовали себя под землей, что и не думали сбиваться с пути в подземных лабиринтах, а наоборот, устраивали свои берлоги в самых удаленных от дневного света частях пещер. Мы своими глазами видели на земляном полу пещеры Альден круглые углубления диаметром до двух метров и глубиной до одного метра, несомненно вырытые медведями, чтобы спать здесь и производить свое потомство.

Подобно собакам, волкам, шакалам, лисицам, барсукам и другим землероющим животным, медведи устраивают в земле настоящие гнезда, вырытые с помощью когтей. Круглую форму гнезду придают кругообразные движения зверя, который долго ворочается в своем логове, пока не найдет удобное положение для сна. Достаточно вспомнить, как укладываются спать, свернувшись клубком, собаки.

На стенках некоторых медвежьих логовищ в пещере Альден видны следы когтей, но большей частью они гладкие, хорошо отполированные косматыми тушами хищников.

Так, подбирая медвежьих клыки, осматривая копролиты гиен и берлоги пещерных медведей, мы прошли по подземной галерее около полукилометра. Внезапно огромный глинистый холм высотой в 12–15 метров встает на нашем пути и преграждает дорогу.

Этим крутым земляным откосом, по-видимому, заканчивается пещера. Но аббат Катала обращает наше внимание на то, что он не без юмора называет «тобогганом хищников». Действительно, глинистый скат испещрен сверху донизу бесчисленными, глубоко отпечатанными в мягкой глине следами медведей и гиен. Нет сомнения, что хищники взбирались на этот холм и скатывались с него вниз. Следы так отчетливы, что легко распознать и проследить глубокие борозды, оставленные огромными звериными тушами, а внизу, у подножия откоса, — комья глины, которые увлекли за собой при скатывании когтистые лапы хищников.

Попробуем вообразить себе адский шум, производимый этими колоссами, когда они в глубоком мраке подземелья, фыркая и сопя, скользили вниз по мягкому глинистому склону, оглашая ревом гулкие своды подземного коридора. Странное и пугающее времяпрепровождение, не правда ли? Но вполне достойное и той суровой эпохи и места, где оно происходило.

Однако пещера Альден не заканчивается здесь, нет! Поднявшись вслед за аббатом по «тобогану» до половины его высоты (всячески стараясь не повредить при этом драгоценные следы, оставленные на нем хищниками), мы сворачиваем вправо, огибаем скалистый выступ и попадаем в узкий горизонтальный коридор с низким сводом, где мы сначала ползем на животе, а потом передвигаемся на четвереньках. До нас здесь пробирались когда-то только медведи, о чем свидетельствуют оставленные ими следы.

Продвинувшись таким неудобным способом метров на сорок, мы добираемся до небольшого круглого зала, глинистые стены которого исцарапаны медвежьими когтями так густо, как мне еще не приходилось видеть. Глубоких борозд и царапин здесь, пожалуй, даже слишком много; они сплошной сеткой покрывают стены на целых два метра в высоту!

Но Катала отрывает нас от созерцания этого впечатляющего зрелища. Можно подумать, что он знает волшебное «Сезам, откройся!» этой необыкновенной пещеры, потому что показывает нам новое, неожиданное продолжение ее, хорошо замаскированное выступом скалы, и мы вслед за ним проникаем в величественных размеров коридор, загроможденный исполинскими глыбами камней, упавшими с высокого свода.

Чем бы ни был вызван этот грандиозный камнепад — работой подземных вод или небывалой силы землетрясением, но хаос здесь поистине дантовский. С бесконечными предосторожностями пробираемся мы среди неустойчивых нагромождений каменных обломков, поглядывая с опаской на темный свод, по которому змеятся угрожающие трещины. Местами пол словно проваливается под нашими ногами. Мы шагаем через узкие трещины или осторожно огибаем бездонные расселины. Взгляд наш теряется во тьме вертикальных колодцев, которые разверзаются у наших ног. Они, несомненно, ведут в новый нижний этаж пещеры Альден, гидрогеологическое формирование которой еще не закончено.

Надо непременно вернуться как-нибудь еще раз в эту часть пещеры и попытаться проникнуть в ее необследованный нижний этаж, где должен протекать водный поток, который, возможно, окажется подземным руслом исчезающей с поверхности земли реки Сесс.

Но сегодня это гидрологическое исследование не входит в нашу программу, и мы с Мероком, который пользуется каждой остановкой, чтобы сделать заметки в своем походном блокноте, устремляемся вперед, вслед за аббатом Катала. Он торопит нас, предупреждая, что мы приближаемся к цели нашего подземного путе-

шествия.

Мы поворачиваем обратно и, пройдя мимо стены, исцарапанной медведями, и минуя многочисленные боковые ответвления центрального коридора, где глинистые стены также носят на себе следы медвежьих когтей, а на полу видны круглые ямы их логовищ, вступаем (в который раз!) в новую, внушительных размеров подземную галерею. Поистине пещера Альден — это целый подземный мир!

В молчании проходим мы гектометр за гектометром вслед за нашим проводником. Но вот аббат Катала замедляет шаг и, нагнувшись, напряженно всматривается в твердый глинистый пол коридора. Он останавливается, словно в нерешительности, делает шаг вперед, возвращается, снова останавливается, не отрывая взгляда от земляного пола и, наконец, отстранившись и вытянув руку, указывает пальцем на землю.

— Вот они, — говорит он просто, и эти слова, так страстно ожидаемые нами, словно пригвозждают нас к земле, безмолвных и оцепенелых.

Нет, наш товарищ не ошибся и не зря сорвал нас с места своим сенсационным сообщением! Да и можно ли ошибиться, увидав подобное?

Перед нами, четко выделяясь на глинистом полу, ясно видны отпечатки босых человеческих ног...

Три недели тому назад Доменик Катала, пробираясь в одиночестве по вновь открытым коридорам и подземным залам нижнего этажа пещеры Альден, остановился как вкопанный перед этими следами ног наших далеких предков. Отчетливо понимая всю важность для науки сделанного им выдающегося открытия, он обратился к нам, своим товарищам по работе, коллегам-археологам, с призывом приехать и своими глазами увидеть его замечательную находку. Нам остается только поблагодарить его от всего сердца за то волнение и радость, которые мы испытали, и за высокую честь первыми рассматривать и изучать зримые и осязаемые следы доисторических людей.

Такие находки действительно очень редки. В настоящее время во Франции известны только четыре пещеры, где найдены отпечатки человеческих ног: пещеры ОдубевЪІр, КабреревЪІ, НиовЪІ и Монтеспан.

Однако следует отметить, что во всех этих пещерах отпечатки ног весьма малочисленны, нечетки и наполовину затоптаны.

Только благодаря счастливому, исключительно благоприятному стечению обстоятельств каждая из названных пещер в течение тысячелетий оставалась абсолютно недоступной и как бы запечатанной. Только поэтому и сохранились там до наших дней

столь хрупкие и непрочные реликвии доисторических времен, как оттиснутые на влажной глине следы босых ног первобытных людей.

В 1912 году известный французский археолог граф Бегуэн и его сыновья обнаружили в пещере Одубер, куда до них не проникал ни один человек, следы босых ног по соседству со знаменитыми глиняными статуями бизонов, являющимися самой большой достопримечательностью этой величественной пещеры.

Десять лет спустя, в 1922 году, в неизвестной до того времени пещере Кабрере (департамент Ло) археолог ЛемозивЪІ нашел на глинистом полу несколько полустертых человеческих следов. Такие же неясные и нечеткие следы я обнаружил через год в открытой мною пещере Монтеспан.

В 1949 году в пещере Нио (департамент Аръеж) найдены человеческие следы, размеры и отличительные особенности которых аналогичны тем, которые были обнаружены в первых трех пещерах.

Но ни в одной из названных пещер нет такого обилия, а главное, четкости следов, какие мы увидели в тот знаменательный день в пещере Альден.

Мы стоим в небольшом зале, где на глинистой почве пола отчетлив видны глубокие и четкие следы босых человеческих ног. Свет наши лампы выхватывает их один за другим из мрака этого таинственного зала, который мы, не стовариваясь, называем «залом Шагов».

Следы идут прямо на нас, словно возникая из тьмы тысячелетий. Волнующая, захватывающая дух встреча людей XX века с их первобытными предками, современниками мамонтов, пещерных львов и медведей, живших на Земле двести веков назад!

Осторожно и почти благоговейно приближаемся мы к этим драгоценным отпечаткам. Однако после нескольких мгновений трепетного, сосредоточенного молчания темперамент археолога берет верх над прочими нашими чувствами, и мы приступаем к методическому осмотру изучению следов.

Уже первые наблюдения показывают, что перед нами пять следов пяти людей разного роста, которые прошли по подземному коридору всего один раз — туда и обратно. Это опять-таки чрезвычайно счастливое обстоятельство. Если бы следов и хождений было больше, они были бы запутаны и затоптаны так, что мы не смогли бы разобраться в них с полной ясностью и различить, кто, куда и когда шел. Шаги первобытных посетителей пещеры Альден почти везде отпечатаны отдельно, изолированно друг от друга, кроме одного места, где предательски вязкая почва вынудила людей двигаться гуськом по болотистому полу. Они

проложили здесь хорошо утоптанную тропинку, где ноги их вязли по щиколотку во влажной глине. Впоследствии пропитанная водой, насыщенной известью, глина пересохла и окаменела. Однако видимые здесь следы, хотя и глубокие, настолько деформированы, что не представляют никакого анатомического интереса. Во всяком случае, эта окаменевшая тропинка свидетельствует о древности видимых на ней следов, которые, без сомнения, принадлежат первобытным людям.

Итак, пять человек оставили на глинистом полу пещеры Альден свои четкие и изолированные следы. Это позволяет нам заняться первоочередным делом: измерить величину каждого следа и определить, кому он принадлежал. Вынимаем из карманов складные метры и карандаши и приступаем к работе. Первые же замеры подтверждают, что перед нами следы, оставленные пятью людьми. Длина их ступней равна 0,25, 0,23, 0,22, 0,20 и 0,18 метра, что соответствует (в переводе на современные размеры обуви) 38, 34, 33, 30 и 27-му номерам.

38-й размер не равен среднему размеру ноги современного взрослого мужчины-европейца, который обычно носит ботинки 40—42-го размеров. А точный антропологический закон гласит, что длина ступни взрослого человека равна 15 % его роста. Применяв эту шкалу к самому крупному следу пещеры Альден, получаем рост весьма небольшой: 162 сантиметра.

Что же касается остальных следов меньших размеров, то они, по-видимому, принадлежат женщинам или детям (к которым, кстати говоря, приведенная выше шкала не применима). В частности, размеры 30-й и 27-й характерны (в среднем) для детей восьми и шести лет.

Замер следов, обнаруженных в пещерах Одубер, Нио, Кабрере и Монтеспан дает такие же или очень близкие цифры.

Следы первобытных людей в пещере Альден свидетельствуют о том, что люди эти были небольшого, вернее, даже маленького роста. Однако подобный вывод может вызвать удивление разве что у профанов с их весьма устарелым и ошибочным представлением о доисторических людях, как о великанах огромной физической силы, по сравнению с которыми современное человечество выглядит малорослым и тщедушным.

Это ошибочное представление давно отвергнуто и опровергнуто после того, как были найдены во множестве доисторические погребения со скелетами первобытных людей. Изучение этих скелетов показывает, что уже тогда, в ориньякскую и мадленскую эпохи, люди разных племен существенно отличались между собой по росту. И если рост кроманьонцев в среднем равен 180–190 сантиметрам, то рост людей племени Шанселада или ЛогеривЪІ

колеблется между 155 и 162 сантиметрами.

Быть может, форма человеческих ступней, запечатленных на полу пещеры Альден, даст нам новые интересные детали и сведения?

Что особенно бросается в глаза при внимательном рассмотрении этих четких и многочисленных следов?

Ноги первобытных людей, оставивших свои следы в мягкой глине, были широкими и плоскими: подошва отпечаталась целиком. Большой палец ноги тоже широк, оттиск его почти правильной круглой формы. Такие широкие и плоские, словно растоптанные, ступни можно увидеть и поныне у людей, которые всю жизнь ходят босиком, а также у тех, кому приходится часто совершать пешком длительные переходы, например у представителей кочевых племен.

Строение остальных четырех пальцев ноги доисторических людей почти не отличается от нашего. Между подошвой и пальцами ноги виден глиняный валик, доказывающий, что у людей мадленской эпохи пальцы ног были уже изогнуты, как у нас.

В общем, со времен пещерного человека заметных изменений в строении человеческой ступни не произошло. И это еще раз доказывает, что для эволюции 15–20 тысяч лет существенного значения не имеют. Известный антрополог Марселин Буль в своей книге «Ископаемые люди» совершенно справедливо утверждает: «Люди эпохи Северного Оленя принадлежат уже физически и психически к современному человечеству».

В подтверждение сказанному добавим, что ни в следах пещеры Альден, ни в следах из других пещер большой палец не отделен от остальных и, следовательно, уже в те времена был лишен хватательных функций.

Теперь несколько слов о походке наших доисторических предков. Все так же с метром в руках мы констатируем, что троглодиты пещеры Альден делали очень короткие шаги: длина их в среднем 50 сантиметров. Такие короткие шаги объясняются тремя причинами: во-первых, маленьким ростом ходяков, во-вторых, влажным и скользким глинистым полом, по которому они шли, и, в-третьих, полумраком, окружавшим их, ибо осветительные средства, имевшиеся в распоряжении троглодитов, были, разумеется, весьма примитивными, что вынуждало их к осторожности.

Несколько деталей, весьма красноречивых и убедительных (поскольку они отпечатаны, словно фотографии, на мягкой глине), иллюстрируют неудобства и трудности, которые испытывали древние пешеходы при ходьбе по предательски скользкой глине. Время от времени на полу попадаются широкие полосы, отмечающие место, где идущий поскользнулся и нога его, вернее, пятка

проехалась по глинистому полу. Размер одной из таких «глиссад» более 50 сантиметров, то есть равен длине шага.

Как жаль, что ни один из поскользнувшихся не упал! Тогда бы мы увидели на полу «зала Шагов» не только следы ног, но и отпечаток руки первобытного человека, с широко раскрытой ладонью, чтобы амортизировать падение. Но, к великому нашему сожалению, древние посетители пещеры Альден крепко стояли на ногах и потому не оставили нам отпечатков своих рук.

А то, что они боялись упасть и всеми силами старались избежать этого, видно хотя бы из того, что в наиболее скользких местах люди шли на цыпочках, не касаясь пяткой пола и цепляясь за землю согнутыми пальцами ноги. Отпечатки следов рассказывают обо всем этом достаточно отчетливо.

Медленно, с бесконечными предосторожностями продвигаемся мы вперед, стараясь не стереть хоть черточку драгоценных следов, изучаем, измеряем, фотографируем...

К счастью, ископаемая глина, устилающая пол пещеры Альден, настолько затвердела за тысячелетия со времени прохождения здесь первобытных людей, что превратилась в камень, и наши грубые, подбитые гвоздями башмаки почти не оставляют следов в «зале Шагов».

Фотографировать следы в условиях подземелья очень трудно. Но это совершенно необходимо. И мы трудимся изо всех сил, разместившись на некотором расстоянии друг от друга, чтобы не мешать соседу. Густое облако дыма от магниевых вспышек заволакивает «зал Шагов» и изолирует нас, изрядно мешая работе.

Двигаясь ощупью в магниевом дыму с фотоаппаратом в руках, я снимаю следы в различных ракурсах и вдруг замираю на месте и принимаюсь лихорадочно расшифровывать возникшую передо мной на полу пещеры загадочную картинку. Это маленькая история без слов, которая заслуживает, чтобы ее рассказали.

Один из пяти первобытных пешеходов — ребенок — шел, опираясь на палку. Вдруг палка выскользнула у него из рук и упала в грязь, отпечатавшись на ней во всю длину, параллельно шагам своего хозяина. Ребенок нагнулся, чтобы поднять палку; колено он при этом согнул, пятку поднял, и тяжесть тела перенес на пальцы правой ноги. Но мягкая глина поддалась под напором тяжести, пальцы ноги скользнули по полу, инстинктивно цепляясь за глину, чтобы удержать равновесие. И ребенок не упал. Правой рукой он поднял палку, в то время как левая нога его торопливо шагнула вперед на 20 сантиметров. Равновесие было восстановлено, и малыш продолжал путь.

Этот маленький инцидент четко запечатлен на глинистом полу пещеры и через тысячелетия дошел до нас в полной неприкос-

новенности.

Затаив дыхание мы идем дальше по следам... Новая находка приковывает мое внимание: посреди зала темнеет ямка с прямыми стенками. Она напоминает ямки, обнаруженные мною когда-то в пещере Монтеспан, недалеко от глиняной статуи медведя. Там ямки служили древним художникам карьерами для добычи глины, из которой они лепили свои статуи. Но в гроте Монтеспан таких ямок несколько, и на стенках их ясно видны следы каменных орудий, которыми они были выкопаны. В пещере Альден мы нашли только одну похожую ямку; правда, на стенах ее не было никаких следов работы человека, но рядом валялись два острых обломка большой кости, послужившие, вероятно, примитивными орудиями для копки.

При виде этой ямки в душе моей вспыхивает надежда, что первобытные люди пещеры Альден добывали здесь глину для своих скульптур, а быть может, создавали и наскальные изображения. Бросив работу над следами, я устремляюсь к стенам зала, думая обнаружить там произведения первобытного искусства. Но логические построения и выводы в археологии не всегда оправдываются. Сколько ни разглядывал я стены «зала Шагов», я нигде не нашел на них ни черточки, ни линии, ни пятнышка краски, сделанного рукой человека.

И хотя мне не удалось обнаружить на стенах пещеры Альден доисторических изображений, все же прошедшие здесь двести веков назад люди оставили, кроме отпечатков ног, другие зримые и весьма убедительные следы своего посещения, которых я, кстати сказать, нигде до того времени в пещерах не встречал.

По соседству с человеческими следами на сером камне стен «зала Шагов» через равные промежутки чернеют какие-то пятна. Расположены все они примерно на высоте одного метра и сделаны, как показал впоследствии анализ, древесным углем. Несомненно, что в этих местах троглодиты сбивали нагар с факелов, которыми освещали свой путь во мраке подземелья. Древесный уголь, как известно, — это почти чистый углерод; способность его сохраняться до бесконечности хорошо знают археологи, которые повсеместно находят при раскопках остатки древесного угля в самых древних очагах первобытного человека.

Следовательно, древние пешеходы шли по пещере Альден с факелами, и когда эти факелы начинали чадить и гаснуть, они постукивали ими об стену, сбивая нагар и стряхивая пепел. У подножия стен под черными пятнами доисторической сажи мы нашли крохотные кусочки угля, падавшие с факелов во время этой операции. Кусочки угля сохранились настолько хорошо, что мы смогли впоследствии, рассматривая их под микроскопом,

установить, что первобытные люди делали свои факелы из можжевельника, смолистая древесина которого очень подходит для такой цели.

Благодаря микроскопическим кусочкам угля мы сумели также установить с исчерпывающей точностью, что «возраст» человеческих следов в пещере Альден действительно восходит к очень отдаленной эпохе палеолита. А это было чрезвычайно важно выяснить. За отсутствием наскальных изображений, орудий труда и других предметов хозяйственного обихода из кремня, кости или оленьего рога, подтверждающих давность обнаруженных нами человеческих следов, можно было допустить, что люди, оставившие следы в «зале Шагов» пещеры Альден, жили в эпоху неолита, бронзового или даже железного века, то есть на много тысячелетий позже. Маленький кусочек древесного угля внес в этот вопрос полную ясность, устранив все сомнения и возражения.

В километре от «зала Шагов», на глинистом откосе, названном нами «Тобогганом хищников», я нашел еще один кусочек угля, лежавший внутри отпечатка, оставленного лапой гиены, и наполовину раздавленный этой лапой. Отсюда сам собой напрашивается двойной вывод. Первое: кусочек угля упал с факела, следовательно, по этому откосу проходил человек. И второе: затем через какое-то время по откосу спускалась гиена, наступила на кусочек угля, раздавила его и частично втоптала в глину. Из этого следует, что человек прошел по «Тобоггану хищников» раньше гиены, и, значит, дело происходило во времена палеолита (в мадленскую, а возможно, и в ориньякскую эпоху), поскольку пещерная гиена (*Hyena spelosa*) исчезла в этих краях примерно пятнадцать тысячелетий тому назад.

Но вернемся снова в «зал Шагов». Миновав ямку для добычи глины, мы проходим еще несколько метров и убеждаемся, что дальше следы исчезают. Почва под ногами становится мягкой, кое-где пропитанной водой. Никаких следов на ней, разумеется, не сохранилось. Наши ботинки вязнут по щиколотку в жидкой грязи. Затем потолок постепенно снижается, и мы вынуждены согнуться, встать на четвереньки, а затем ползти на животе по липкой грязи под низким сводом.

Мы медленно продвигаемся таким способом вперед, но — увы! — не можем обнаружить ни одного человеческого следа.

Наконец мы выбираемся в относительно сухую и более просторную часть туннеля, где состояние глинистого пола и общий вид пещеры напоминают «зал Шагов». И тут у входа в узкий лаз, куда можно проникнуть только лежа на животе, я снова вижу утерянные нами следы, и какие следы! Как и мы, первобытные люди передвигались по этому лазу ползком!

С понятным волнением рассматриваем мы отчетливо видные на глине следы человеческих ладоней, пальцев рук и ног, локтей и колен. Нет никакого сомнения, что руки и ноги у древних пешеходов были обнажены, поскольку колени и локти были голые. Но на глине видны также длинные, непрекращающиеся полосы, оставленные туловищами ползущих, и на этих полосах — тончайшие бороздки и черточки, которые могут быть только отпечатками меховой одежды троглодитов. Наши предки носили, по-видимому, нечто вроде туники из шкуры медведя, волка или северного оленя.

Конечно, археологи догадывались об этом и раньше; суровый климат ледниковой эпохи наталкивал ученых на мысль о меховой одежде у наших предков. Но, насколько мне известно, мы здесь впервые получили зримое подтверждение этой догадки.

Выбравшись из туннеля, где когда-то проползли первобытные путешественники, к сожалению, слишком тесного, чтобы можно было сфотографировать их следы, мы снова очутились в просторном подземном коридоре. Но здесь следы наших предков снова исчезли, и на этот раз окончательно. Пол коридора, сухой и каменистый, был кое-где покрыт известковыми натеками. Мы прошли еще немного вперед и наткнулись на груды гигантских каменных глыб, загромождавших коридор до самого свода. Здесь наше путешествие в доисторическое прошлое закончилось.

Разумеется, мы испробовали все способы, пытаясь отыскать в каменном завале хоть узкий проход, который позволил бы нам пробраться сквозь нагромождение камней или обогнуть его и отыскать позади продолжение подземного коридора. Но препятствие оказалось абсолютно непреодолимым.

Выползая ногами вперед из тесного тупика, где я надеялся найти лазейку, я вдруг увидел совсем близко от моего лица важнейшее вещественное доказательство, являющееся как бы последним, завершающим звеном наших исследований. Оно разрешало все наши недоумения и давало ответ на вопрос, который вертелся в голове у каждого из нас с момента начала нашей подземной эпопеи: каким путем хищники и люди проникали в нижний этаж пещеры Альден?

Ответ здесь, перед моими глазами, убедительный и недвусмысленный, словно вывеска: «Выход из пещеры».

Этот ответ — раковинка улитки, обыкновенной улитки, которая приползла сюда, несомненно, с поверхности земли, пробравшись сквозь просветы между камнями завала и доказав тем самым, что лишь считанные метры отделяют нас от дневного света.

Мы отчетливо понимали, что люди и животные доисторических времен не могли попасть в нижний этаж пещеры тем же

путем, что и мы. Ведь нам пришлось сначала расширять отдушину в галерее верхнего этажа, а затем спускаться по капроновой лестнице в вертикальный колодец глубиной 30 метров.

Короче говоря, мы обнаружили первоначальный вход в пещеру Альден. Когда-то, видимо еще в доисторические времена, произошел этот циклопический обвал свода у самого входа в пещеру, преградивший доступ в нее и замурававший ее вместе с драгоценными следами, которые благодаря этой счастливой и редчайшей случайности сохранились в неприкосновенности до наших дней.

В этом смысле сходство пещеры Альден с другими пещерами, содержащими подобные следы, поразительно.

Спелеологам так и не удалось обнаружить первоначальный вход в пещеру Одубер, хотя доказано, что люди мадленской эпохи не могли проникнуть в нее теперешним путем. Братьям Бегуэн пришлось долго плыть в резиновой лодке по подземной реке, затем взбираться по крутому каменному откосу и расширять молотком и долотом непроходимую для человека скважину.

В пещере Кабрере спелеологи также вынуждены были пробираться ползком по узким, извилистым туннелям и преодолевать всякого рода препятствия, чтобы попасть наконец в тот коридор, где были обнаружены следы первобытных людей. Между тем во времена доисторические у пещеры Кабрере был просторный и удобный выход на склоне холма, также заваленный произошедшим впоследствии обвалом.

И, наконец, в пещере Монтеспан мне пришлось добираться до «зала Медведя», идя против течения подземного ручья, и форсировать два сифона, преграждавшие путь всем моим предшественникам. Первобытные же посетители пещеры проникали туда в те времена, когда подземного ручья не существовало.

Последний вопрос, который неизбежно встает перед всяким, кто ознакомился с этой волнующей и необычайной историей: зачем первобытные люди забрались так глубоко под землю и что они там делали?

На этот вопрос, к сожалению, ответить невозможно, и вряд ли кто сумеет в будущем приподнять покров, окутывающий тайну следов пещеры Альден.

Если судить только по уцелевшим отпечаткам ног, можно предположить (и мы сами первое время так думали), что пять таинственных существ, прошедших взад и вперед по «залу Шагов», остановились и повернули вспять в том самом месте, где аббат Катала обнаружил их первые следы, то есть в 250 метрах от первоначального, ныне заваленного входа в пещеру.

Однако кусочек древесного угля, найденный на «Тобоггане хищников», опровергает это предположение. Он убедительно доказывает, что наши далекие предки, отважные и любознательные не менее диких зверей, проникали под землю на целый километр и, вероятно, знали нижний этаж пещеры во всю его длину.

Кто были они, эти доисторические спелеологи? Вероятнее всего, семья, состоявшая из отца, матери и троих детей.

Зачем они забрались так далеко под землю? Отсутствие на стенах пещеры наскальных изображений говорит о том, что никаких ритуальных, магических обрядов в пещере Альден не происходило. Значит, не это было целью их визита.

Быть может, они бродили под землей в поисках воды, которая была редкостью в ту суровую эпоху с ее сухим и очень холодным климатом, в краю карстовых образований и провалов?

А быть может, они искали в пещере глину? Нет, едва ли. Единственная ямка, выкопанная в «зале Шагов», не может служить достаточно веским доказательством. И к тому же гончарное искусство еще не было известно человечеству ни в ту эпоху, ни много тысячелетий спустя.

Возможно, что этим людям угрожала какая-то опасность и они прятались в глубине пещеры от преследователей и врагов? Или же, наоборот, мы имеем дело с отрядом храбрых охотников и воинов, не побоявшихся преследовать под землей раненого медведя или похитителя одного из членов племени? Но если принять эту гипотезу, каким образом оказались в отряде охотников дети в возрасте восьми и шести лет?

Не будем больше строить предположений и догадок. «Будем сначала изучать факты, а затем уже осмысливать их», — говорил великий Кьюье.

Мы старались следовать его совету и изучили редкостную находку в пещере Альден со всей объективностью и скрупулезностью, на которые были способны. К тому же сама находка так красноречиво говорит за себя, что ни в каких домыслах не нуждается.

Вместо того чтобы сетовать на невозможность разорвать покров тайны, окутывающей бесконечно далекое прошлое, будем счастливы тем, что нам удалось приподнять хотя бы край этого покрывала и испытать незабываемое волнение, проведя под землей целый день в обществе пяти первобытных людей.

Тела этих жителей мадленской эпохи давно превратились в прах и пыль; века и тысячелетия проходили одно за другим; человеческие цивилизации возникали и погибали; войны, эпидемии и другие стихийные бедствия стирали с лица земли целые наро-

ды, а влажная, пропитанная водой, насыщенной известью, глина пещеры Альден сохранила в неприкосновенности хрупкие следы босых ножек ребенка, жившего на Земле двадцать тысячелетий назад...

Чудеса и загадки подземного мира

1. Приключения капли воды под землей

*Что тверже камня?
Что мягче воды?
Кто оставляет на твердом
Камне глубокие следы?*

Овидий

Все мы в детстве слышали классический рассказ о путешествии капли воды. Умный учитель не преминет совершить это увлекательное путешествие вместе со своими юными учениками, рассказав им на уроке естествознания о вечном круговороте воды в природе: испарение, облака, дождь, просачивание воды под землю, родник, ручей, река, море...

Рассказ яркий, наглядный и убедительный, способный поразить воображение ребенка и запомниться на всю жизнь.

В книге, посвященной исследованию подземных пещер, нам кажется необходимым подробнее и обстоятельнее сказать о любопытнейшей фазе этого цикла, которую мало кто знает, хотя эта часть путешествия капли воды, пожалуй, самая увлекательная, таинственная и чудесная. Речь пойдет о путешествии капли воды в земных недрах с момента ее проникновения под землю и до выхода на поверхность родником, ключом или источником.

Спустившись вместе с капелькой воды в таинственный подземный мир, мы будем несказанно удивлены теми необычайными явлениями, которые здесь происходят, и чудесной работой водяной капли на протяжении ее долгого пути в недрах земли.

Идет дождь. Водяные капли падают на поверхность земли, сливаются в мелкие струйки и бегут по разным направлениям. Часть водяных струй, сбегая по уклону, образует ручейки, которые в конце концов включаются в гидрологическую систему данной местности и впадают в пруд, реку или озеро. Другая часть дождевой воды, примерно треть ее, испаряется с поверхности земли и возвращается в атмосферу в виде водяных паров, которые образуют новые облака. И, наконец, третья часть дождевых вод просачивается под землю и исчезает в ее недрах.

В местностях, где почва сложена известковыми породами, дождевые воды уходят под землю в очень значительном объеме, иногда почти целиком. Целые ручьи и даже небольшие речки исчезают в расселинах почвы, в устьях пещер или в глубине вертикальных подземных колодцев, встречающихся на их пути. Та-

кие исчезновения водных потоков с поверхности земли, обязанные своим происхождением карстовым явлениям, наблюдаются в горных местностях довольно часто и во все времена поражали воображение людей.

Трудности и опасности, подстерегающие того, кто вознамерится проследить под землей течение этих исчезнувших с поверхности водных потоков, настолько велики, что в ряде случаев делают подобное исследование невозможным. Препятствия, встающие на пути исследователя, иной раз непреодолимы (бурное течение, подземные водопады, сифоны и т. п.).

Но водные потоки, исчезнувшие с поверхности земли, в конце концов почти всегда появляются снова на свет. И при благоприятных обстоятельствах исследователю, проникшему в русло подземной реки со стороны входа или, наоборот, выхода ее из недр горы, удастся, преодолев трудности, пройти вместе с водой весь ее путь под землей (по течению или против течения) и выбраться на поверхность.

Благодаря многочисленным исследованиям исчезающих под землей водных потоков мы теперь достаточно ясно представляем себе, какими путями проникает вода в земную толщу, как она циркулирует там, пробивая и промывая себе русло в известковой породе, углубляя и расширяя подземные коридоры и галереи. И поскольку все существующие пещеры и пропасти либо целиком обязаны своим происхождением подземным водам, либо расширены и углублены ими, мы можем наблюдать и изучать в этих пещерах поистине титаническую работу воды под землей.

Название настоящей главы обязывает нас, однако, сосредоточить свое внимание не на мощных потоках, стремительно несущих свои буйные воды по мрачным подземным коридорам, то низвергаясь в пропасти водопадами, то разливаясь глубокими озерами. Мы хотим рассказать лишь о той воде, которая капля за каплей просачивается под землю. Сначала она проникает в верхний слой почвы и дает жизнь растениям, жадно пьющим живительную влагу. Затем по мельчайшим трещинам и пустотам спускается ниже, минует верхние слои рыхлой почвы и добирается до подстилающего эти слои фундамента твердых пород. Отсюда, собственно говоря, и начинается ее подземное путешествие, которое мы совершим вместе с нею, и те удивительные превращения, которые она во время этого путешествия претерпевает.

Падая с облаков на землю, а затем просачиваясь сквозь верхний слой почвы, дождевая капля насыщается углекислым газом. Придя в соприкосновение с известковыми породами, среди которых она теперь циркулирует, насыщенная углекислотой капля растворяет бесконечно малую частицу этой породы и уносит ее с

собой. Водяная капелька скользит вниз по мельчайшим пазам и трещинам в камне и через много дней, месяцев или даже лет добирается до потолка подземной пещеры и просачивается сквозь него. Здесь, соприкоснувшись с воздухом, часть воды испаряется, известковый раствор концентрируется. Затем капля падает с потолка, оставив на каменном своде микроскопическую частицу насыщающей ее извести, которая со временем кристаллизуется. Упав на пол, капля разбивается на мельчайшие брызги и также оставляет на полу пещеры микроскопические частицы извести.

Водяные капли просачиваются сквозь толщу известковых пород по трещинам и расселинам, которые играют роль водосточных труб, собирающих и направляющих капли в определенное место на потолке пещеры. Падение капель, продолжаясь в течение веков и тысячелетий, образует на полу и потолке пещеры кристаллические известковые формации, называемые сталактитами и сталагмитами. Сталактиты растут на потолке пещеры и по форме напоминают длинные и тонкие ледяные сосульки, свисающие ранней весной с края крыш. Сталагмиты, растущие на полу пещеры, куда падают с потолка водяные капли, обычно шире, толще и имеют менее правильную форму, чем сталактиты.

Если пол в пещере каменный, водяные капли, падая, разбиваются и увлажняют камень, оставляя на нем свои частицы извести. Постепенно на этом месте образуется известковый нарост или натек. Со временем он послужит фундаментом для широкого и плотного сталагмита.

Если же, наоборот, пол в пещере земляной, водяные капли выдалбливают в глине круглую ямку. Достигнув определенной глубины, водяная капля теряет свою пробивную силу: скапливающаяся в ямке вода играет роль амортизатора. Мало-помалу внутренность такой ямки выстилается тонким слоем непрерывно отлагающейся извести, а затем закупоривается. Тогда на этом месте, навстречу сталактиту, начинает расти сталагмит. Проходит время — века, а быть может, тысячелетия, — сталактит и сталагмит непрерывно растут и наконец сливаются в стройную колонну, соединяющую пол с потолком пещеры. Теперь водяные капельки уже не падают с потолка или с кончика сталактита, а струятся по всей поверхности колонны, постепенно наращивая и утолщая ее все новыми и новыми отложениями извести.

Возраст сталактитов и сталактитовых колонн нельзя определять, как думали раньше, по их размерам и толщине. Рост таких известковых образований весьма не регулярен и зависит от самых разнообразных факторов. Поэтому всякая попытка установить какие-то единые, средние показатели роста сталактитов и сталагмитов за определенный отрезок времени заранее обречена

на неудачу. В разных пещерах, даже в разных залах одной и той же пещеры условия образования и роста сталактитов могут быть совершенно разные. Такие факторы, как, например, сила и продолжительность дождей на поверхности земли, оказывают заметное влияние на их рост. В местностях, где выпадают обильные дожди, растворение известковых пород идет интенсивнее, чем в районах сухих и безводных. Толщина породы, сквозь которую фильтруется вода, тоже играет немалую роль: чем тоньше слой известняка, тем слабее водяные капли, проходя сквозь него, насыщаются известью и тем меньше несут строительного материала для образования сталактитов. Перемена климата или режима дождей на протяжении тысячелетий тоже имеет значение, равно как изменения растительного покрова, происшедшие на поверхности (если, скажем, над местом образования сталактитов рос лес, а затем его срубили или наоборот).

Однако при всех условиях, как благоприятных, так и неблагоприятных, образование и рост сталактитов и сталагмитов — дело веков и тысячелетий. Уточнить количество веков, прошедших со времени возникновения того или иного сталактита, — занятие пустое и тщетное. Но в некоторых случаях плотность известковых отложений может служить гарантией древности для других находок, сделанных под землей. Так, если археологи находят в пещере кости ископаемых животных или стоянку первобытного человека, скрытые под толстым слоем сталагмитовых отложений, это, несомненно, свидетельствует о древности находки, во всяком случае исключает возможность обмана или фальсификации.

Сталактиты, сталагмиты и другие известковые образования принимают порой самые разнообразные формы, весьма причудливые и живописные. Они придают некоторым пещерам совершенно фантастический вид. Человека во все времена поражало величие убранства обширных подземных залов. Воображение подсказывало ему, что в таких пышных подземных дворцах должны жить какие-то сказочные существа. Сталактитовые образования в этих залах действительно напоминают то минареты, то саркофаги, то балдахины, то драпировки, то колокола, то статуи. Каждый посетитель пещер волен толковать по-своему эту затайливую игру природы. Поэтому, не навязывая читателю никаких готовых сравнений со знакомыми ему предметами, мы ограничимся рассказом о некоторых вариантах известковых формаций, возникающих от совместной работы воды и воздуха под землей.

Кроме сталактитов, сталагмитов и их разновидностей, как-то: колонн, занавесей, решеток, окаменевших водопадов, натеков и

сталагмитовых полов, в пещерах существуют другие, очень любопытные известковые образования, происхождение которых в ряде случаев остается загадкой.

Одно из таких удивительных явлений — это плавучий кальцит, который мы иногда наблюдаем на поверхности подземных водоемов и озер, нечто вроде беловатой пыли, густо покрывающей зеркало спокойных вод. При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что это не пыль, а тонкая пленка, образовавшаяся в результате перенасыщения воды известью в стоячих водоемах без стока. Если под влиянием испарения насыщенность воды известью увеличивается, пленка делается плотней и в конце концов, отяжелев, погружается по частям на дно водоема, где известь кристаллизуется в форме очаровательных букетиков белого или нежно-желтого цвета, напоминающих ветви кораллов.

Плавучий кальцит отлагается также на берегах подземных водоемов, образуя на них валики, напоминающие извилистую береговую линию морей и океанов. В результате изменения уровня воды в водоеме эти валики постепенно превращаются в твердые закраины, а затем в настоящие известковые барьеры, прихотливо изогнутые и усеянные множеством выпуклостей и углублений между ними. В каждом углублении скапливается немного кристально чистой воды, такой прозрачной, что ее сразу не заметишь.

«Лунное молоко» — это особое состояние кальцита, когда сталагмитовая масса перенасыщена водой и не может затвердеть и кристаллизоваться. Она остается бесформенной, тягучей и вязкой, чисто белым цветом и консистенцией напоминая свинцовые белила. «Лунное молоко» встречается только в тех пещерах, где воздух до того насыщен водяными парами, что всякая возможность испарения исключается; известковый раствор не затвердевает, закупоривает все трещины и сочится из всех расселин в камне.

Еще одна любопытная формация, обязанная своим происхождением подземной воде, где она образуется, — это *пизолит*, или пещерный жемчуг, который когда-то считался величайшей ценностью и редкостью, а теперь стал просто интересным природным явлением, не часто встречающимся, но вполне объяснимым.

Если в пещере имеется небольшой и неглубокий водоем, куда с умеренной высоты падает струйка воды или даже маленький водопадик, вода в водоеме все время кружится и словно кипит, вздымая своим движением со дна песчинки, соринки и крохотные обломки камня. Песчинки танцуют и вертятся в водовороте, и если вода в бассейне достаточно насыщена известью, а танец песчинок не слишком стремителен, мельчайшие частицы изве-

сти осаждаются на песчинках, обволакивают каждую из них тонкой пленкой. Со временем пленка становится все плотней и тверже, и песчинки, непрерывно кружась и перекатываясь в водоеме, понемногу превращаются в ровные, круглые и очень твердые шарики. Такой шарик, постепенно увеличиваясь, может достигнуть размера голубинового яйца. Затем тяжесть становится препятствием для дальнейшего пребывания шарика во взвешенном состоянии, и он опускается на дно, где прирастает к стенкам водоема и скоро теряет свою форму.

При более мощной струе падающей в водоем воды и, следовательно, более интенсивном движении ее в бассейне пещерный жемчуг уже не образуется: слишком бурное «кипение» воды не дает кальцитовой пленке осаждаться и обволакивать песчинки.

Если распилить пополам такую пещерную жемчужинку, в центре можно увидеть песчинку, обломочек камня или соринку, послужившую причиной образования жемчужины. (Кстати: точно так же образует внутри раковины морской жемчужницы настоящий жемчуг.) На распиле видны также концентрические круги, показывающие, что кальцит отлагается вокруг песчинки ровными слоями, напоминаящими годовые кольца на стволах деревьев.

Большинство пещерных жемчужин окрашено в тусклый, матово-желтый цвет, но иногда попадаются белые и блестящие, словно фарфоровые.

В некоторых пещерах встречаются — правда, довольно редко — причудливо искривленные или изогнутые сталактиты, словно не подчиняющиеся закону тяготения, благодаря чему они получили название *эксцентрических*. Форма у них самая неожиданная и невероятная. Наиболее красивые можно видеть в пещере Гран-Рок (департамент Дордонь) и Курниу (департамент Эров'ЪІ).

Химический состав и строение этих сталактитов не отличаются от обычных, но законы, управляющие их ростом, нам неизвестны. Очень тонкие, почти нитевидные, они свисают вертикально с потолка и вдруг по непонятной причине изгибаются под острым углом, закручиваются спиралью или выбрасывают во все стороны воздушные щупальца, обхватывая ими соседние сталактиты, с которыми они срастаются, чтобы снова оторваться от них и продолжить свой рост, порой в обратном направлении — к потолку пещеры.

Своим образованием и ростом эксцентрические сталактиты обязаны тем же насыщенным известью водяным каплям, которые формируют обычные сталактиты и сталагмиты. Но почему они вырастают такими необычными, мы, повторяю, не знаем. Возможно, какую-то роль здесь играют мощные воздушные пото-

ки и сквозняки, существующие в некоторых пещерах, которые вызывают эти отклонения, подобно тому как деревья, подвергающиеся действию сильных ветров, постоянно дующих в определенном направлении, бывают искривлены в ту или другую сторону.

Однако самой правдоподобной кажется гипотеза, объясняющая такие отклонения явлениями осмоса. Но до сих пор явления осмоса ученые наблюдали лишь в растительном и животном мире. Следует ли распространять их на царство минералов и законы, управляющие образованием и ростом живых клеток, — на клетки неживые?

Решение этой проблемы еще впереди. И оно обещает быть столь же сложным, сколь увлекательным.

Случается, что водяные капли, насыщенные известью, не успевают освободиться от своей ноши, отложив известковые частицы на потолке или на полу пещеры в виде сталактитов и сталагмитов. Водные потоки поглощают их и увлекают за собой так стремительно, что капли не имеют возможности оставить свой груз под землей и выносят его на вольный воздух, где испарение идет более интенсивно. Тогда в месте выхода подземных вод на поверхность образуется туф — пористая известковая порода, залежи которой встречаются по всему свету.

Туф можно видеть во всех родниках и источниках, вода которых обильно насыщена известью. В знаменитый источник Сент-Алир в Клермон-Ферране туристы погружают разные мелкие предметы, которые в скором времени покрываются тоненькой кальцитово-известковой пленкой.

«Жесткая» вода многих родников и колодцев — это вода, богато насыщенная известью после своего путешествия под землей. Это она время от времени выводит из строя водопроводные трубы, закупоривая их пробками известковых отложений, образует накипь внутри наших кастрюль и чайников, водяных котлов и радиаторов автомашин. В «жесткой» воде плохо растворяется и мылится мыло, плохо промываются волосы, а овощи и другие продукты долго не хотят развариваться.

Рассказывая о туфе и «жесткой» воде, мы не заметили, как выбрались из-под земли и снова очутились на ее поверхности. Значит, долгий путь, который мы проделали в недрах земли вместе с капелькой воды, закончен. Но закончен он лишь в отношении тех подземных вод, которые, проходя сквозь известковые породы, растворяют известь и уносят ее с собой, создавая затем в пещерах сталактиты и сталагмиты. Между тем у водяной капли находится под землей много других дел.

Кроме извести, подземные воды на своем пути растворяют, увлекают за собой, а затем отлагают разные другие вещества, например нитраты почвы (продукты разложения органических веществ), которые они уносят в недра земли, чтобы отложить на дне пещер и пропастей, где нитраты кристаллизуются и образуют залежи сложного вещества — селитры.

Подземные воды рожают множество разнообразных кристаллов, таких, как, например, арагонит. Перечислить и описать их все в настоящей главе не представляется возможным, поскольку это выходит за рамки поставленной нами задачи. Упомянем лишь о некоторых удивительных кристаллизациях, изумляющих как своей красотой и редкостью, так и загадкой своего происхождения. Мы говорим о тех великолепных кристаллах гипса, имеющих форму цветов, спирей и гибких нитей, которые были найдены нами во время исследования пропасти Мартель в Арьеже, на глубине свыше четырехсот метров. В нижнем этаже ее (пещера Сигалер) мы обнаружили огромное скопление кристаллов гипса разных цветов и оттенков, весьма причудливой формы и необычайного изящества. Процесс образования этих подземных драгоценностей известен нам еще меньше, чем происхождение эксцентрических сталактитов, о которых мы говорили выше. Стройные деревца, хрупкие кустики, веточки, цветы, спири, иглы, гибкие ленты и нити — вот далеко не полный перечень форм, которые принимают кристаллы гипса, то белоснежные, то окрашенные в разные оттенки окисями металлов.

Пещера Сигалер расположена на глубине около трехсот метров, как раз под шахтой, где добывают цинк и свинец. Она, видимо, образовалась на месте глубокой вертикальной трещины, по которой устремилась когда-то наверх из раскаленных недр земли рудная жила. Этой-то рудной жиле и обязаны гипсовые кристаллы пещеры Сигалер своими волшебными расцветками.

Легенды и сказки о тайнах и чудесах подземного мира, сложенные человечеством на протяжении веков, кажутся наивными и бедными выдумками тому, кто побывал в пещерах и видел своими глазами их реальное, а не воображаемое природное убранство. Никакая человеческая фантазия, самая яркая и изобретательная, не в силах соперничать с подлинными подземными чудесами и диковинами, созданными волшебницей-природой в вечном мраке и тишине глубоких пещер. Как таинственны, как полны обаяния эти замечательные произведения природы, которые мы в этой главе лишь бегло перечислили, потому что красоту и совершенство их невозможно передать словами. Поэзия науки — не парадокс и не противоречие: она так же возвышенна и прекрасна, как и чистая поэзия. И трижды счастлив тот, кто спо-

собен ее почувствовать и воспринять!

Круговорот воды в природе, непрерывно происходящий на поверхности нашей планеты с тех отдаленнейших времен, когда воды Мирового океана покрывали ее всю целиком, сыграл решающую роль в геологическом развитии Земли. Путешествие воды под землей и ее неустанная работа в земных недрах — эта малоизвестная история капельки воды — только часть грандиозного цикла, только страница великой книги Природы. Но разве она не удивительна, не чудесна, не увлекательна?

2. Подземные диковины

*Мудр только тот, кому
давала уроки Природа.*

Пиндар

Под землей, где все так необычно и непривычно, человек чувствует себя словно перенесенным в иной мир и не перестает удивляться чудесам и диковинам, встречающимся здесь буквально на каждом шагу. Однако люди отправляются под землю лишь в исключительных случаях, соблюдая величайшую осторожность и всячески стараясь сократить свое пребывание в обители вечно-го мрака. Поэтому все, что они там видят, слышат и ощущают, нередко служит источником самых нелепых заблуждений. Галлюцинации и обманы чувств под землей очень часты. А странные явления, с которыми мы там то и дело сталкиваемся, далеко не всегда поддаются объяснению.

Существует много подземных феноменов, представляющих до сих пор загадку для науки. Все это создавало и создает в умах людей изрядную путаницу.

В настоящей главе мы попытаемся приподнять завесу над некоторыми тайнами подземного мира, объяснить непонятные, на первый взгляд, явления, с которыми рано или поздно сталкивается каждый спелеолог, исследующий подземные пещеры и пропасти.

Я знал двух людей, которые, сделав несколько десятков шагов по входному залу одной пещеры, были несказанно изумлены, услышав в глубине ее человеческие голоса. Изрядно перепугавшись, они поспешили выбраться обратно. Как-то один из них рассказал мне про этот случай и, несмотря на все мои разуверения, продолжал утверждать что ясно слышал в пещере человеческий разговор.

Спустя немного времени я отправился в эту пещеру и, остановившись посреди входного зала, услышал, подобно моим предше-

ственникам не человеческие голоса, конечно, но журчание подземного ручья, который что-то болтал и лопотал, прыгая по камешкам своего неровного ложа. Недоразумение таким образом разъяснилось; оно было вполне извинительно для людей, не имеющих опыта подземных исследований. Едва переступив порог пещеры, они уже были смущены непривычной обстановкой и чувствовали себя неуверенно. Вероятно, каждый человек вольно или невольно испытывал когда-нибудь подобную слуховую галлюцинацию, принимая за человеческие голоса далекий звон колоколов, журчание ручья, вой ветра или рев горного потока. Под землей иллюзия бывает еще более полной как из-за совершенно особой акустики пещер, так и из-за нервного напряжения, в которой находится впервые оказавшийся под землей человек.

«Говорящих» пещер существует целый легион, и этот обман слух вызванный либо подземными водами, либо сильными потоками воздуха, имел в истории последствия, о которых невозможно даже догадаться.

В древности люди как в личной, так и в общественной жизни часто обращались за советами к оракулам. Самыми почитаемыми, к мнению которых особенно прислушивались, были сивиллы — древние пророчицы. Наибольшей известностью пользовалась Кумская Сивилла, истолковывавшая в своих пророчествах шум ручья или свист воздушного потока, слышавшиеся в глубине пещеры, которая служила ей жилищем. Пророчества Кумской Сивиллы были записаны. Они составили целых девять томов и заботливо сохранялись. Семь веков подряд — со времен Тарквиния Великолепного, седьмого и последнего короля римлян, и до осады Рима вождем вестготов Аларихом, — жители Вечного Города обращались к пророчествам Кумской Сивиллы во всех затруднительных обстоятельствах. Римские политики не раз руководствовались ими, решая государственные дела.

Дельфийская Пифия прорицала, сидя на треножнике, установленном у края глубокой трещины в почве. Из трещины временами вырывались ядовитые пары, одурманивавшие пророчицу и доводившие до припадков, во время которых она изрекала свои пророчества.

Самый древний и прославленный оракул Греции находился в эпирском городе Додоне. Его пророчества основывались, в частности, на журчании источника, из которого вода около полуночи была ключом, а к утру иссякала (классический пример источника с перемежающимся дебитом[5] воды). Источник Эгерии в Риме, охраняемый весталками, имел то же назначение.

Такие «пророчествующие» пещеры или источники были известны человечеству во все времена. Существуют они и теперь. В

Марково, например, имеются пещеры, где люди проводят ночь, чтобы услышать подземные гулы и шумы, которые затем толкуются как предсказания. В одной из самых распространенных в этой стране легенд рассказывается о свадебном кортеже, застигнутом в горах грозой и нашедшем убежище в пещере, где все участники его были превращены в камень злыми духами. С тех пор, гласит предание, из глубины пещеры по временам доносится эхо свадебных песен и музыки. Звуки эти, несомненно, не что иное, как шум подземного потока, который течет на дне пещеры только после сильных гроз с ливнями.

Во время нашего исследования пропасти МартевЪль мы с братом шли однажды по горизонтальному коридору. Внезапно коридор резко сузился и сделался настолько тесным, что мы не могли протиснуться сквозь него. Из узкого лаза явственно доносился грохот подземного водопада, который мы давно разыскивали. Через некоторое время я вернулся сюда снова вместе с двумя инженерами и двумя шахтерами, заинтересованными в промышленном использовании обнаруженного нами подземного потока. Понадобилось около часа, чтобы расширить отверстие, из которого слышался рев низвергавшейся в пропасть воды; работе сильно мешал резкий ледяной ветер, вырывавшийся из отверстия. И так как нам казалось, что водопад находится совсем близко от лаза, мы страховали с помощью веревки того, кто работал в каменной трубе, боясь, что он вот-вот сорвется и упадет головой вниз в кипящую воду. Каждый высказывал свои предположения о высоте и мощности водопада. Нас было пятеро — все специалисты по гидравлике, и как же велико было наше удивление, когда мы, расширив наконец отверстие настолько, что могли проползти сквозь него, не обнаружили по ту сторону лаза не то что водопада, но даже крохотного ручейка! Гул и грохот, столь характерные для массы падающей воды, были лишь иллюзией, слуховым обманом. Шум, который мы в течение часа принимали за рев водопада, производил, по-видимому, поток воздуха, с силой вырывавшийся нам навстречу из расширяемого лаза.

Такая же ошибка произошла однажды в Арагоне, близ городка БельситевЪль. Жители городка, страдавшие от недостатка воды, обратились к правительству с просьбой прислать к ним бригаду шахтеров, которая пробила бы в близлежащей горе туннель в том месте, где под землей ясно слышался гул и рев подземного потока. Целый год велись в Бельсите работы; наконец скала была взорвана, и перед шахтерами открылся вход в обширную, но совершенно сухую пещеру, уходившую на целые полмили в глубь горы. Подземный воздух, с силой вырывавшийся из пещеры, вздымая тучи щебня и пыли, оказало единственным виновником того

шума, который все принимали за гул воды. После взрыва скалы подземный гул прекратился, а с ним исчезли надежды жителей Бельсите. Вместо долгожданной воды они получили... ветер!

Эти примеры достаточно наглядно показывают, как легко стать жертвой слухового обмана, находясь под землей. Акустические особенности, свойственные подземным пустотам, часто вводят в заблуждение даже опытных спелеологов; между тем из всех пяти чувств именно слух является нашим главным информатором в этой непривычной обстановке.

В одном из нижних этажей той же пропасти Мартель мы с братом были буквально пригвождены к месту зловещим треском, внезапно раздавшимся над нашими головами. Казалось, каменный свод пещер раскололся и вот-вот обрушится на нас! Трижды повторялись эти устрашающие звуки, заставляя меня и брата всякий раз плотно прижиматься к стенам подземного зала. С ужасом глядели мы на потолок, ожидая, что он с минуты на минуту рухнет и раздавит нас. Однако обвала не произошло, треск прекратился, и мы, оправившись испуга, решили продолжить исследование пещеры. Примерно через час в то время как мы с величайшими трудностями форсировали ледяной подземный поток, угрожающий треск возобновился с такой силой, что, перебрав в уме все возможные причины этого непонятного явления, мы подумали о землетрясении.

В тот же вечер я рассказал об этом странном случае моим друзьям — инженерам Пиренейской электрической компании, руководившим постройкой гидроэлектростанции в том же горном массиве. Они-то разъяснили мне, что подземный гул и треск, так напугавшие нас, был всего лишь отзвуками взрывов в подземном туннеле будущей гидроэлектростанции. Время взрывов в точности совпадало с тем, когда мы слышали угрожающий треск. Сравнив карту местности с планом пещеры, мы установили, что грохот взрывов дошел до нас сквозь шестисотметровую каменную толщу горы.

Звук, распространяющийся так интенсивно под землей через камень и почву, в пустотах пещер, наоборот, быстро теряет силу. Разговаривать с одного конца в другой в подземном зале даже небольшого размеров всегда затруднительно. Многоголосое эхо сталкивает и сливает вместе отдельные слова и деформирует звуки, то усиливая, то сводя на нет. При спуске в вертикальные пропасти и колодцы звук человеческого голоса очень скоро становится невнятным, а затем пропадает совсем. Связь с поверхностью в таких случаях поддерживается условной сигнализацией, свистками, портативным телефоном или радиопередатчиком.

Звонкий перестук водяных капель, нарушающий мертвую тишину пещер, превращается иногда в странную музыку. Вот, к примеру, подземный феномен, который я называю «волшебной флейтой». Мне много раз приходилось слышать под землей мелодичные звуки этого инструмента, повторявшиеся через определенные промежутки времени. Их производят все те же водяные капли. Падая с высокого свода на глинистый пол пещеры, они пробивают в нем узкое глубокое отверстие. Каждый раз, когда водяная капля падает в такую выбитую в земле трубочку, она вытесняет оттуда воздух, который вырывается наружу с протяжным свистом, напоминающим звуки флейты.

В некоторых пещерах толстые полые сталактиты, похожие на колокола или драпировки, издают низкие и глубокие звуки, если постучать по ним палкой. В пещере Гарга (Верхние Пиренеи) существует целый ансамбль таких поющих сталактитов. Гиды, сопровождающие многочисленных туристов при осмотре пещеры, ударяя деревянной планкой по этим сталактитам, вызванивают на них разные мелодии, имитируют колокольный звон. Гулкое эхо разносит своеобразную музыку по каменным коридорам и залам.

Иногда в пещерах слышится глухой гул, напоминающий раскаты грома. Он приводит в смятение новичков-спелеологов. Должен признаться, что я сам, услышав впервые эти зловещие звуки, бросился бежать, охваченный чувством невыразимого страха. Между тем, как это ни странно на первый взгляд, гул, подобный громовым раскатам, который заставляет вибрировать окружающий воздух и кажется таким мощным, производит... полет летучих мышей. Да, да, летучих мышей! Причем для того чтобы вызвать эту иллюзию, не требуется даже целой стаи рукокрылых. Достаточно одной или двум летучим мышам захлопать крыльями в узком подземном коридоре или тупике, чтобы создать у испуганного слушателя полное впечатление надвигающейся грозы или землетрясения.

Рискуя вызвать улыбку у скептиков, я все же решаюсь рассказать здесь еще один любопытный, почти невероятный случай, свидетелем которого был я сам. Как-то мы с одним товарищем пробирались ползком по очень узкому каменному лазу. Такой способ передвижения под землей — занятие весьма утомительное; если же оно продолжается долго, то выматывает у ползущего все силы. Приходится часто останавливаться, чтобы перевести дух. Во время одной из таких остановок, когда мы лежали, распластавшись на неровном каменном полу, зажатые между стенками этого поистине кошачьего лаза, до моего слуха вдруг донеслись прерывистые и стремительные стуки, которые не только

отдавались у меня в ушах, но заставляли вибрировать воздух и пол подо мной. До крайности заинтригованный, я окликнул моего спутника, лежавшего в пяти метрах позади меня, и попросил его не шевелиться и прислушаться. Он ответил, что ничего не слышит. Между тем я продолжал явственно различать частые стуки, происхождение которых никак не мог понять. В конце концов загадка разъяснилась, и разъяснение это, вероятно, покажется многим весьма неправдоподобным: прерывистые стуки были учащенным биением сердца моего компаньона, который распростерся совершенно измученный, прижавшись грудью к каменному полу, позади меня. Я не только слышал, но ощущал всем телом эти неровные глухие удары, передававшиеся мне через пустотелый сталагмитовый пол, служивший одновременно микрофоном и усилителем. Мы проверили свою догадку, одновременно считая вслух удары. Если бы я был врачом, я мог бы выслушать моего коллегу с помощью этого естественного стетоскопа.

Слух не единственный из органов чувств, обманывающий нас под землей. Зрительные ошибки здесь также очень часты. Особенно сильно искажаются под землей пропорции и расстояния. Колодец в несколько метров глубиной представляется бездонной пропастью; средних размеров подземный зал кажется огромным, небольшой водоем выглядит глубоким озером. Мрак, окружающий исследователя со всех сторон, едва рассеиваемый светом фонаря, не позволяет ему сопоставлять величину предметов; отсутствие перспективы не дает возможности точно определить расстояние до той или иной точки. Зрительное восприятие искажено, глаза плохо различают очертания, неверно определяют дистанцию и величину. Взгляд наш безотчетно продолжает до бесконечности то, что теряется во мраке, и это мнимое продолжение неизбежно приводит ко всевозможным преувеличениям. Рассказывая о своем посещении пещер, неискушенные люди почти всегда неточно называют длину пройденного ими под землей пути. Зрительные ошибки, трудности продвижения по неровной поверхности, недостаточность освещения, вечная боязнь заблудиться и общее подавленное состояние, вызванное непривычной обстановкой, — все способствует тому, что человек невольно преувеличивает как пройденное расстояние, так и время, проведенное под землей. На поверку обычно оказывается, что он принял гектометры за километры и секунды за минуты. Даже опытные спелеологи ошибаются в этом вопросе и вынуждены определять расстояния и время по измерительным приборам.

А что сказать о необычайной способности посетителей пещер видеть во всех уголках и закоулках подземных лабиринтов, во

всех сталактитах, сталагмитах и обломках скал то фигуры людей и животных, то силуэты фантастических существ? Суеверных и нервных это мнимое сходство пугает; более уравновешенные и здравомыслящие спешат дать каждому валуну или сталактиту название того предмета или существа, которое он им напоминает. Можно подумать, что, очутившись под землей, чуть ли не каждый человек заболевает зооморфизмом. Между тем в обычной жизни ему и в голову не приходит отыскивать в очертаниях облаков, горных вершин или в кронах деревьев сходство с лицами, профилями, силуэтами и фигурами. Все легенды — о сказочных чудовищах, якобы населяющих пещеры, родились от подобных зрительных обманов, когда испуганному взгляду впервые очутившегося под землей человека каждый камень, каждый выступ скалы представляется страшным зверем, великаном или драконом. При некоторой доле фантазии такое сходство можно всегда найти. Отсюда бесчисленные истории «очевидцев» о необыкновенных существах, будто бы увиденных ими в пещерах.

Вот до чего может довести зрительная иллюзия, когда ей на помощь услужливо приходит разгоряченное воображение! Мы уже не говорим здесь о призраках, привидениях, злых духах, демонах и т. п., — пусть эти воображаемые опасности волнуют тех, кто в них верит. Я допускаю такие страхи, но не разделяю их и могу клятвенно заверить всех сомневающихся, что никогда не встречал под землей ни духов, ни привидений.

Но есть под землей другие зрительные обманы, где фантазия не играет никакой роли. Так, например, при исследовании пещер спелеолог иной раз может войти в воду, не заметив ее. Это довольно-таки неприятная ошибка, которая, к счастью, имеет место лишь в тех случаях, когда водоем неглубок. Вода в таком водоеме совершенно неподвижна и прозрачна, ни одно движение не возмущает зеркальной поверхности, так что просто невозможно догадаться о ее присутствии. Помню, как во время одной подземной экспедиции я спрыгнул с каменного карниза в небольшое углубление скалы и... очутился по пояс в ледяной воде. В другой, уже хорошо известной мне пещере у меня пошло в привычку утолять жажду из небольшого водоема, встав на колени и приблизив лицо к водной поверхности. Но однажды меня в моей подземной экскурсии сопровождал товарищ, который тоже захотел напиться таким же манером. Он быстро нагнулся над водоемом и так же стремительно выпрямился, отплеываясь и отфыркиваясь. Абсолютная прозрачность воды обманула его: он думал лишь прикоснуться губами к ее поверхности, а погрузил лицо по самые уши!

Глубокие водоемы, напротив, хорошо различимы под землей, и вода в них кажется черной. На фотографиях, сделанных при

вспышке магия, вид подземных рек и озер не радует глаз: поверхность их выглядит тусклой и темной. Исключение составляют пещеры, расположенные по берегам морей, как, например, знаменитый Лазурный грот на острове Капри. Там благодаря особой, совершенно феерической игре света вода переливается всеми оттенками синего и голубого, а опущенные в нее предметы и тела ныряльщиков отливают ярким серебром.

Кроме слуховых и зрительных иллюзий, мы встречаемся под землей со многими другими феноменами. Расскажу здесь лишь о самых любопытных.

В противоположность тому, что наблюдается в шахтах и буровых установках, где температура увеличивается вместе с глубиной, исследование обширных естественных пропастей и пещер показывает, что этот геотермический закон здесь словно бы теряет силу. Во всяком случае установлено, что по мере проникновения в глубь пещеры или пропасти заметного увеличения температуры не происходит. Наоборот, наблюдения показывают, что самые глубокие из известных на сегодняшний день подземных пропастей являются одновременно и самыми холодными. Этот феномен, как будто противоречащий гипотезе о раскаленном ядре нашей планеты, объясняется свободной циркуляцией воздуха в пещерах и пропастях. Циркуляция эта осуществляется как непосредственно через устье пропасти или вход в пещеру, так и через трещины и пустоты внутри известковой породы. К тому же вода рек и ручьев, поглощенная подземными расселинами или просачивающаяся капля за каплей сквозь толщу известняков, также охлаждает камень и тем снижает температуру воздуха глубоких пещер и пропастей. А поскольку глубочайшие пропасти, известные в настоящее время, находятся высоко в горах, где вода зимой и летом холодная, температура на дне этих пропастей не превышает 1–6 градусов тепла.

Эти цифры, проверенные опытом, опровергают еще одно ложное утверждение, согласно которому температура воздуха в пещерах постоянна и круглый год равна +11°. В действительности одинаковой температуры для всех пещер не существует; даже в пределах одной пещеры температура воздуха в различных ее частях может быть разной. Она колеблется в зависимости от времени года и времени суток. Эти колебания порождены подземными потоками воздуха, которые дуют иногда с ужасающей силой. Так было в пропасти Мартель, где из узкой отдушины со свистом вырывался поток ледяного воздуха, срывавший с нас головные уборы и мешавший работать.

В вертикальных карстовых колодцах разница температуры между глубиной и поверхностью связана с изменением направ-

ления воздушных потоков. Летом здесь обычно наблюдаются нисходящие потоки воздуха, в то время как зимой более теплый воздух поднимается из глубины кверху и через устье колодца вырывается на поверхность земли. Если на поверхности мороз и разница в температурах значительная, выходящий из подполья теплый воздух поднимается к небу столбом тумана. Это пресловутые «дымящиеся» отверстия в почве, послужившие источником стольких ложных представлений и измышлений у местных жителей, которые принимают их либо за действующие вулканы, либо за отдушину, ведущую прямо в ад, где на вечном огне горят грешники.

Ту же картину мы наблюдаем у некоторых источников, о которых в народе существует мнение, что зимой они горячие (потому что над ними в эту пору года всегда стоит густой туман), а летом — холодные. В действительности разница между зимней и летней температурой у таких источников невелика. Но одно дело, если мы в морозный день опустим руку в воду с температурой всего $+10-12^{\circ}$, а другое — если летом в тридцатипятиградусную жару захотим утолить жажду из того же источника. В первом случае рука ощутит тепло, во втором — вода, несомненно, покажется нам ледяной. На самом деле в обоих случаях температура ее была одинаковой: $+10-12^{\circ}$.

Туман образуется обычно у самого входа в пещеру или пропасть, там, где происходит конденсация выходящего на поверхность теплого воздуха. Но такое же явление мы наблюдаем иногда и под землей, в местах, где встречаются два потока воздуха с различной температурой. Явление это весьма неприятное для спелеолога. Однажды, исследуя подземный ручей в пещере Лаба-стид, я попал в такой туман и, надо признаться, чувствовал себя очень скверно. Если к глубокому мраку, царящему под землей, присоединяется эдакая плотная, непроницаемая для лучей фонаря завеса, человек мгновенно теряет ориентировку, и это не может не повергнуть его в панику.

Мощные пласты льда, обнаруженные на дне некоторых пропастей и в глубине пещер, долгое время вызывали недоумение ученых. Происхождение их не поддавалось объяснению. Теперь мы знаем, что эти подземные ледники образуются, в основном, благодаря потокам холодного воздуха и активному испарению, вызванному такими, воздушными потоками. Кроме того, само строение пещеры иной раз способствует свободному проникновению и концентрации в ней зимнего холода. Это бывает, скажем, в тех случаях, когда снег падает прямо в устье вертикального колодца и, скапливаясь на дне его, создает низкую температуру, которая затем поддерживается новыми снегопадами. Высота, на которой

расположен вход в пещеру или пропасть, также играет немалую роль в сохранении холода внутри пещеры.

В самых обширных, известных нам европейских ледяных пещерах (Дахштейн и Эйсризенвельт в Австрийских Альпах, пещеры ДевовЪи и Кастере в Пиренеях) ледники образуются вихрями холодного воздуха, которые проносятся по пещере и обращают в лед непрерывно сочащуюся сквозь потолок и стены воду.

Приведенные примеры показывают, как свободно циркулирует воздух в пещерах и как ошибочно мнение, что атмосфера под землей удушливая, испорченная и якобы непригодная для дыхания. Однако и тут, как на поверхности земли, встречаются исключения.

Мы уже говорили выше, что Дельфийская Пифия впадала в транс и изрекала свои пророчества, одурманенная сернистыми газами, которые вырывались из трещины в скале рядом с ее треножником. По свидетельству римских историков, ядовитые газы выделялись из-под земли на берегах озера АевЪИрн близ Неаполя и в окрестностях города ГераклевЪи в Лукании. Древние римляне были уверены, что такие трещины сообщаются непосредственно с подземным царством Плутона; Плиний упоминает, в частности, об одной отверстии в земле, близ Мон-Соррато в Апеннинских горах, откуда поднимались «зловонные пары».

Действительно, в некоторых пещерах и на дне ряда пропастей скапливаются вредные газы, чаще всего углекислый газ. В Йеллоустонском заповеднике (Соединенные Штаты Америки) из трещин в скалах знаменитого Ущелья Смерти выделяются углекислый и сернистый газы, от которых погибают животные, случайно забредшие в это ущелье.

Самая древняя из известных человечеству пещер подобного рода — грот Пуццоли близ Неаполя. Это совсем небольшой грот, расположенный под мощным слоем лавы Везувия. Еще римляне использовали его в качестве натуральной горячей бани; об этом свидетельствуют некоторые признаки благоустроенности грота, уцелевшие, до сегодняшнего дня. Высокая температура, царящая в гроте, и непрерывно выделяющиеся сернистые испарения препятствуют его детальному исследованию, которое, по всей вероятности, привело бы к открытию в его глубине вертикального колодца, уходящего в толщу земных недр.

Собачья Пещера близ города Руайя во Франции гораздо обширнее Пуццоли. Она известна с 1786 года. В 1875 году ее благоустроили как местную достопримечательность и стали пускать туда туристов. Углекислый газ, обильно выделяющийся здесь, будучи тяжелее воздуха, покрывает пол пещеры слоем примерно в метр толщиной. Высота его колеблется в зависимости от изменений

атмосферного давления. Свое название пещера получила с тех времен, когда гиды приводили в нее вместе с туристами собаку, которая из-за своего небольшого роста оказывалась погруженной в углекислый газ с головой. И если люди находились в полной безопасности, вне сферы воздействия ядовитого газа, то собака сразу же начинала задыхаться. Только в самую последнюю минуту гид брал на руки несчастного пса и спасал его от неминуемой гибели, — до следующего посещения пещеры туристами, когда все повторялось сначала. К счастью, эта жестокая и бессмысленная демонстрация давно запрещена.

Зимой, когда температура падает до пяти градусов ниже нуля, выделение углекислого газа прекращается.

В пещере Крё дю Суси, глубиной в 20 метров, скрытой под слоем застывшей лавы Пюи де Моншаль в Оверни, толщина слоя углекислого газа колеблется, в зависимости от атмосферного давления, от нескольких дециметров до двадцати метров, причем, когда давление падает, толщина слоя газа увеличивается. В других пещерах выделение ядовитых газов зависит от вулканических явлений; такие пещеры не что иное, как фумаролы, сольфатары или мофетты — каналы, пробитые горячими газами в слоях застывшей лавы.

По-настоящему опасным препятствием при подземных исследованиях являются так называемые «карманы» — скопления углекислого газа, которые встречаются в некоторых пещерах, образовавшихся в толще известковых пород, вдали от какой бы то ни было вулканической деятельности. Догадаться о наличии подобных «карманов» невозможно. Неожиданная встреча с ними при исследовании пещер чревата смертельной опасностью для спелеолога: он может мгновенно потерять сознание и задохнуться. К счастью, скопления вредных газов встречаются в пещерах сравнительно редко, хотя именно поэтому они особенно опасны.

Во время моих подземных изысканий я дважды испытал тяжелое и страшное ощущение удушья под землей.

Первая встреча с ядовитыми газами произошла в пещере АрбовЪн (Верхняя Гаронна), где я, несмотря на предостерегающее поведение моей ацетиленовой лампы, которая вдруг начала мигать и гаснуть, продолжал продвигаться вперед, хотя дышать становилось все труднее и труднее. Результатом моего упрямства, явившегося в свою очередь следствием неопытности, был приступ удушья с ознобом, жестокой головной болью и тошнотой. Я с трудом выбрался из пещеры, чувствуя невероятную слабость и еле держась на ногах.

Второй случай произошел много позже. Исследуя течение подземного ручья в нижнем этаже пещеры Лабастид, я внезапно

заметил, что пламя моей лампы заколебалось и стало быстро уменьшаться. Одновременно я почувствовал первые признаки удушья и, поняв, что попал в «карман» с ядовитым газом, повернул обратно. Уходя, я успел заметить, что источником отравленного воздуха служила огромная куча разлагающихся органических остатков, принесенных сюда подземным ручьем во время весеннего паводка. Год спустя новый паводок смыл и унес с собой препятствие, и я смог продолжить исследование. Заметим в скобках, что пользование электрическими лампами под землей, кроме прочих неудобств, имеет тот серьезный недостаток, что такая лампа не может предупредить исследователя о грозящей ему опасности.

Скопления углекислого газа в пещерах, удаленных от районов вулканической или термальной деятельности, до сих пор остаются необъяснимой загадкой. Правда, во многих случаях мы имеем дело не с углекислотой, а с различными вредными газами, выделяющимися в результате разложения растительных или животных останков, как это имело место в пещере Лабастид.

Вредные газы в пещере Фей близ Сен-Мориса (Швейцария) не грозят людям удушьем, но пламя свечи или лампы гаснет там немедленно. Человек же продолжает дышать, правда с некоторым трудом, и ощущает легкое недомогание, сопровождаемое ознобом и испариной. Воздух этой пещеры был подвергнут химическому анализу; в нем найдено 1,99 % углекислого газа.

Встречающиеся в пещерах вредные газы опасны еще потому, что они летучие и не задерживаются на одном месте. Если спелеологи обнаружат в какой-то части исследуемой пещеры скопление ядовитого газа, то на следующий год его там может не оказаться. Зато он появится там, где его в прошлом году и в помине не было.

С множеством загадочных и любопытных явлений сталкивается спелеолог в подземных лабиринтах. Так, снимая однажды план пещеры Сигалер с помощью компаса, мы были несказанно удивлены, видя, что начертанный на бумаге план совершенно не совпадает ни с ее действительным направлением, ни с нашим собственным чувством ориентации. Сначала я, как водится, заподозрил себя в потере этой самой ориентации, поскольку мы провели под землей уже несколько часов и могли запутаться в направлении бесчисленных подземных галерей. Но, посмотрев внимательно на компас, я заметил, что магнитная стрелка словно сошла с ума. Причиной этому было, по-видимому, близкое присутствие рудной жилы, проходящей где-то в толще осадочных известковых пород. Как выяснилось впоследствии, мы в тот момент находились тремястами метрами ниже рудника Сентейн, и руд-

ная жила в самом деле проходила где-то неподалеку от нас.

Это явление хотя по природе своей и сложное, все же объясняется легко и достаточно широко известно. Ни для кого не удивительно, что близость богатой металлом породы может повлиять на поведение компаса.

Тулузский физик Е. Матиас, составивший магнитные карты различных районов Франции, установил, что магнитное поле Земли около ее поверхности изборождено теллурическими токами, проходящими с запада на восток. В местах же, где земную поверхность прорезают глубокие ущелья, а также подземные пещеры и пропасти, движение теллурических токов нарушается, и они отклоняются от своего пути.

Укажем также, что в природе существуют магнитные источники, содержащие большой процент углекислоты и насыщенные окисью магнитного железа. Достаточно окунуть в такой источник стальную пластинку, чтобы она намагнитилась. А если поддержать над водным зеркалом источника компас, магнитная стрелка тотчас же начнет отклоняться в сторону. Но как только выделение углекислоты в источнике прекращается, вода теряет свои магнитные свойства.

Необходимо также сказать несколько слов о радиоактивности пещер. опыты показали, что воздух под землей радиоактивен. Ученые объясняют это сильной ионизацией пещерного воздуха. Благодаря повышенной ионизации устья пещер и пропастей во время грозы притягивают электрические разряды. Мне самому много раз приходилось видеть у самого входа в пещеру или пропасть обожженные молнией деревья и кустарники, а иногда почерневшие и расколотые камни.

Известно, что вода, вытекающая из глубин земли, обладает радиоактивными свойствами, особенно вода горячих и минеральных источников. Вода в подземных реках и ручьях также радиоактивна, что выражается, как и в случае с воздухом пещер, ее высокой ионизацией.

Из этого следует, что радий или другие еще неизвестные элементы, имеющие те же свойства, встречаются в микроскопических количествах повсюду в недрах земли, где они насыщают воздух и воду пещер. В подтверждение этой гипотезы хочу напомнить, что вода источника КлитунновЪІ близ СполевЪІто (Умбрия) переливается всеми цветами радуги и имеет свойство окрашивать стекло в фиолетовый цвет. Вполне возможно, что эта вода содержит микроскопические частицы радия.

Бегло перечислив различные феномены, связанные с газообразным элементом пещер, с магнетизмом и радиоактивностью, скажем несколько слов и о любопытных гидравлических явлени-

ях, происходящих в пещерах.

Всем известны источники с перемежающимся дебитом воды, действие которых во все времена поражало людей как своим постоянством, так и загадочностью своего механизма. Один из наиболее известных во Франции — знаменитый источник Фонтеторб в Арьеже, являющийся выходом на поверхность мощной подземной реки. Этот источник, действующий лишь несколько месяцев в году, летом функционирует весьма любопытным образом. Воды его вытекают из небольшого грота, куда можно попасть, не замочив ног, во время перерыва деятельности источника. Перерыв продолжается 32 минуты и 30 секунд. К концу этого точно выверенного отрезка времени в глубине пещеры слышится постепенно нарастающий гул, и мощные струи воды заполняют грот. За 15 минут вода достигает своего максимального уровня, затем в течение 4-х минут переливается через естественный барьер наружу, после чего уровень ее быстро понижается, и ровно через 36 минут и 36 секунд грот снова сух. Дебит этого источника в среднем 1800 литров в секунду.

Перемежающихся источников в природе довольно много, их периодичность бывает самой разной: месячная, дневная, часовая. Но мало среди них столь скрупулезно точных, как Фонтеторб. Любопытно, что имеются исторические документы, подтверждающие неизменность действия источника Фонтеторб на протяжении двух с лишним столетий.

Существует несколько гипотез, объясняющих это любопытное явление природы. Предполагают, что вода в такой перемежающийся источник поступает из целой системы подземных резервуаров, соединенных между собой сифонами различных диаметров. В принципе это объяснение правдоподобно, и мы вынуждены довольствоваться им за неимением лучшего. Но вот беда: никому до настоящего времени не удалось проникнуть внутрь такой системы и хоть раз увидеть своими глазами, как она функционирует.

Лично я имел случай наблюдать на месте одну из разновидностей этого феномена, правда, несколько иного порядка и потому легко объяснимую. Однажды летом в 10 часов утра я находился на высоте более 2000 метров, в русле подземного потока пещеры Торб (горный массив Маладетта), которую я только что открыл. Исследуя течение этого потока, я был крайне удивлен и испуган внезапным и резким подъемом уровня воды. Мне пришлось буквально спасаться бегством, иначе я рисковал захлебнуться и утонуть под низкими сводами. Этот паводок, страшный своей неожиданностью, был вызван, как я установил впоследствии, интенсивным таянием высокогорных ледников, питающих водой

подземную реку. Каждое утро к определенному часу горячие солнечные лучи растопляют лед, и вода в подземной реке поднимается высоким валом от истоков к устью. К вечеру уровень ее повышается на 8—10 метров по сравнению с утром.

Чтобы избежать этих опасных подъемов воды, пришлось работать в пещере по ночам, когда холод сковывал ледники и таяние прекращалось. Однако, несмотря на такую предосторожность, я все время испытывал тревогу и неуверенность, пробираясь ползком под низкими сводами, с которых еще струилась и капала вода, напоминая о том, что днем эти узкие коридоры заполнены водой до самого потолка.

Внезапные подъемы воды в подземных ручьях и реках представляют грозную опасность для тех, кто углубляется в недра земли, следуя за течением этих потоков. Вдали от дневного света, не зная о том, что делается на поверхности земли и не подозревая о ливнях и грозах, которые обрушиваются на горный массив, где он работает, исследователь ежечасно рискует быть унесенным внезапным паводком или утонуть в коридорах с низкими сводами. В лучшем случае он успевает взобраться как можно выше, цепляясь за выступы каменной стены и, скорчившись на узеньком карнизе, под самым потолком пещеры, ждет, когда спадет вода. Известный французский археолог Бегуэн и его три сына оказались такими пленниками знаменитой пещеры Тук д'Одубер в Арьеже и вынуждены были целую ночь дожидаться спада воды. А не менее известный спелеолог РобевЪIr де ЖоливЪI с коллегами провели несколько тревожных часов в пропасти ПарадивЪI (департамент Юра) на глубине 100 метров, у подножия небольшого водопада, внезапно превратившегося в неистовую Ниагару. Виной этого превращения была сильная гроза, бушевавшая на поверхности, о которой спелеологи, разумеется, ничего не знали.

В другом случае, имевшем, к несчастью, роковые последствия, группа итальянских спелеологов, обследовавших пропасть БертаревЪIлли на глубине 400 метров, была предупреждена по телефону, что сильная гроза разразилась над местностью, где они находились. Исследователи бросились к веревочным лестницам, чтобы выбраться на поверхность, но в ту же минуту огромный столб дождевой воды обрушился сверху на двух спелеологов, уже начавших подъем, и сбросил их обратно в пропасть, где они разбились насмерть. Остальные участники экспедиции, успевшие подняться на каменные карнизы, провели долгие часы в мучительном ожидании помощи, которая была оказана им лишь на следующий день.

Внезапность и стремительность таких паводков вызывают колоссальное повышение уровня воды в подземных потоках, проте-

кающих по дну пещер и пропастей. Так, в пропасти Падирак наблюдатели видели, как подземная река поднялась на 35 метров выше своего обычного уровня. В пропасти РагавЪІ де ДардевЪІнн близ Тулона подъем воды достигал 60 метров. А в пропасти Требициано (Истрия), глубина которой равна 350 метрам, обнаружены следы наводнений, когда вода поднималась на целых 160 метров! Дно этой пропасти представляет собой обширную пещеру, которая во время такого сильного паводка целиком заполняется водой. Если учесть, что объем пещеры, по самым скромным подсчетам, равен 250 тысячам кубических метров, то можно представить себе, какой мощи и какого напора достигает водный поток при этих грозных наводнениях.

Подземные паводки, вызванные сильными грозами или продолжительными дождями, иногда приводят в действие систему подземных каналов, обычно не заполненных водой, и питают временные источники, функционирующие один или два раза в году, а то и реже. Такой источник существует в гроте Гуэй ди Эр (Верхняя Гаронна), где обычно можно передвигаться, не замочив ног. Но иногда из устья грота внезапно вырывается сильная струя воды, сопровождаемая гулом и грохотом, напоминающими пальбу из орудий или взрывы. Это явление, носящее у местных жителей название «Пушечный выстрел», наблюдается редко, но всем в окрестности хорошо известно. Неистовая сила, с которой вылетает наружу водяная струя, сжимает заполняющий пещеру воздух и выталкивает его с шумом, подобным орудийному залпу.

Некоторые естественные (карстовые) колодцы, в обычное время сухие, после долгих дождей внезапно наполняются водой и даже начинают извергать ее. А есть такие, которые поочередно то поглощают, то извергают воду. На дне многих наземных водоемов существуют трещины и воронки, которые либо всасывают воду, порой осушая водоем до дна, либо наполняют его, да так обильно, что вода выходит из берегов. Видимо, именно этот феномен служит причиной внезапных и резких изменений уровня воды в озере Чад (Центральная Африка).

Самая удивительная история произошла с озером Алахуа близ Ганевилля (Флорида). До 1868 года на месте этого озера простиралась обширная травянистая равнина, которую пересекал ручей, исчезавший затем в глубокой воронке, промытой в почве. В 1868 году после особенно сильных дождей воронка, поглощавшая воду ручья, закупорилась, вода разлилась по равнине и затопила ее, образовав большое озеро. В 1873 году — новая закупорка воронки. Вода продолжала прибывать, уровень озера непрерывно повышался. За несколько лет образовавшееся в 1868 году озеро достигло 20 километров в длину. По нему могли плавать небольшие

пароходы. Но начиная с 1889 года уровень воды стал быстро снижаться, и к 1891 году озеро исчезло окончательно.

Подводные ключи и источники встречаются в большом количестве и на дне морей, в частности в Средиземном море. А жители острова Бахрейн (Персидский залив), где нет источников пресной воды, добывают эту воду весьма оригинальным способом. Они ныряют в море в том месте, где на дне его бьет источник пресной воды, и, попав в восходящую струю этого источника, набирают воду в кожаные бурдюки, которые затем доставляют на берег.

Заканчивая наш рассказ о подземных феноменах, упомянем здесь еще об одном, на первый взгляд совершенно непонятном. Народная молва утверждает, что, когда идет дождь, некоторые источники ослабевают и даже иссякают. Такое парадоксальное утверждение есть, однако, результат долголетних наблюдений местных жителей. Научкой точно установлено, что изменения атмосферного давления оказывают несомненное воздействие на дебит родников и источников. Даже в засушливые периоды дебит ряда источников увеличивается вместе с увеличением атмосферного давления. Когда же барометр падает, предвещая дождь или грозу, эти источники слабеют и могут ненадолго иссякнуть.

Несмотря на обилие примеров, приведенных нами в настоящей главе, мы далеко не исчерпали всего списка подземных феноменов, с которыми сталкиваются спелеологи при исследовании пещер. Их существует бесчисленное множество, все они по природе своей сложны и не во всех случаях поддаются научному объяснению. Мы почти ничего не сказали о вулканических явлениях, о термо-минеральных источниках, о рудничном газе метане и т. п. Но все эти вопросы не входят в тему данной книги, посвященной, в основном, рассказам о работе спелеологов в пропастях и пещерах — подземных пустотах естественного происхождения, которые доступны человеку. Мы хотели лишь привлечь внимание читателей к фактам малоизвестным или незаметным, к явлениям редким и не раскрытым до конца, хотели показать, что спелеология — наука необычайно увлекательная, еще полная загадок, тайн и самых заманчивых обещаний.

Подлинные истоки Гаронны

Однажды, когда мне было не более восьми лет, в маленькой сельской школе, где я учился, шел урок географии на тему «Гаронна и ее притоки». Мои юные товарищи один за другим поднимались со скамеек и бубнили монотонной скороговоркой заученный наизусть ответ: «Гаронна берет свое начало в Испании, в долине АравЪн...» Наконец дошла очередь до меня. Как сейчас, помню хихиканье, которым встретили одноклассники мою первую фразу: «Гаронна берет начало в Испании, в ледниках горного массива Малодеветта...» Учитель тут же прервал меня и спросил с удивлением, по какому учебнику я готовился к уроку. Пришлось признаться, что вместо сухого учебника я предпочел в качестве школьного пособия старую «Географию в картинках».

Наш старичок учитель снисходительно улыбнулся и объяснил, что современные географы переменили точку зрения. Прежнее утверждение, что Гаронна рождается среди ледников Маладетты, ныне считается ошибочным. Воспользовавшись случаем, он рассказал нам, как сложно и трудно бывает подчас определить истоки той или иной реки, и в качестве примера привел знаменитый многолетний спор ученых об истоках реки Нил, который в то время не был еще решен окончательно.

В тот далекий день я, разумеется, и не подозревал, что четверть века спустя мне придется снова вернуться к проблеме происхождения Гаронны и решить раз и навсегда вопрос о ее подлинных истоках.

Если со времен моего детства местонахождение истоков Нила перестало быть загадкой и теперь доподлинно известны неведомые тогда притоки огромного африканского озера Виктория-Ньянца, может показаться странным, что поиски истоков крупнейшей пиренейской реки ни разу не были доведены до конца в течение целого столетия.

Прежде чем приступить к изложению этого довольно-таки запутанного вопроса, хочу заметить, что я отнюдь не ставил себе целью решить одну только географическую проблему истоков Гаронны, которая представляет лишь узкоспециальный и чисто теоретический интерес. Четыре года терпеливых и систематических исследований и на редкость удачный эксперимент с окрашиванием, завершивший эту долгую и кропотливую работу, позволили мне решить одновременно географическую, геологическую и гидрологическую проблемы первостепенной важности.

Во Франции существует только одна река по имени Гаронна, в Испании же несколько «garonas» (общее название всех водных

потоков в испанских Центральных Пиренеях) участвуют в образовании этой большой и многоводной реки.

Гаронна рождается в долине Аран в результате слияния двух потоков: «garona» Аран (восточный исток) и «garona» ЖуэувЪІ (западный исток).

Гаронна, которая совершает свой вход во Францию через величественное ущелье Пон-дю-Руа («Королевский мост») близ живописного городка Сен-Беат, образуется, как мы уже сказали, в долине Аран от слияния двух «garonas», двух горных потоков. Один из них рождается из крохотного родничка на высокогорном пастбище Пла-де-БеревЪІ, другой — из мощного источника под названием Гуёй де Жуэу («Око Юпитера») в глубине долины того же названия.

Много лет считалось, несмотря на всю спорность этого ничем не доказанного утверждения, что главным истоком Гаронны является незначительный ручеек, сбегаящий с высокогорного пастбища Пла-де-Бере в долину Аран. Что касается «garona» Жуэу, то вопрос о происхождении этого потока служил поводом для нескончаемых научных дискуссий, которым мне удалось самым наглядным и убедительным образом положить конец.

Споры ученых были вызваны тем, что источник, питающий горный поток Жуэу, необычайно обилен и многоводен. Поэтому многие не без основания предполагали, что мы в данном случае имеем дело не с обычным родником или ключом, а с выходом на поверхность мощной подземной реки, ушедшей в недра горы где-то в другом месте, быть может, далеко отсюда.

Вокруг вопроса о происхождении вод источника Гуёй де Жуэу развернулись ожесточенные споры, то утихавшие, то снова разгоравшиеся.

Мнения ученых расходились и несколько раз менялись на протяжении многолетней дискуссии.

Предмет ученых споров — источник Гуёй де Жуэу — расположен у подножия горного цирка АртивЪІга де Лен, в густом лесу, на высот 1410 метров над уровнем моря. Вырвавшись из-под земли среди пышно зелени и хаотического нагромождения скал, мощный поток, клопоча пенясь, низвергается живописным водопадом высотой в 40 метров.

В горном цирке Артига де Лен, у подножия которого бьет источник Гуёй де Жуэу, есть несколько небольших озер, ручьев и водоемов, которые то исчезают с поверхности, то снова появляются из-под земли самым прихотливым и неожиданным образом. Поэтому многим ученым казалось совершенно естественным рассматривать Гуёй де Жуэу как финальный и окончательный выход на поверхность всех водных потоков, рожденных на крутых скло-

нах Артига де Лен.

Высокоученые кабинетные географы считали, таким образом, источник Гуёй де Жуэу одним из истоков Гаронны. Но при этом они полностью игнорировали — намеренно или бессознательно — разногласия и споры, существовавшие между геологами, картографами и географами-исследователями, которые начиная с 1787 года детально обследовали и изучали эти края, и занимались на месте выявлением подлинных истоков Гаронны.

Дело заключалось в том, что в горном массиве Маладетта, который высится по соседству с долиной Аран, но не сообщается с этой последней (поскольку расположен на южном склоне Пиренеев), существует обширная пропасть, известная под именем Тру дю Торб («Пропасть Быка»). Своим названием она обязана мощному водному потоку, который с оглушительным ревом низвергается в эту пропасть.

Бурный поток, исчезающий в глубине пропасти Тру дю Торо, расположенной у подножия Маладетты, в верховьях реки ЭзевЪр, образуется таянием мощных ледников и обширных фирновых полей этого горного массива, занимающих площадь свыше 400 гектаров. Исключительная многоводность потока и его загадочное исчезновение в недрах Пиренейских гор издавна волновали воображение местных жителей и первых путешественников, посетивших эти суровые края. Никому не было доподлинно известно, где вся эта масса низвергающейся в бездну воды снова появляется на свет.

Такой вопрос невольно возникает у всякого, кто хоть раз видел своими глазами пропасть Тру дю Торо, широкий зев которой открывается на высоте 2000 метров, в самом сердце труднодоступной и необычайно сложной по своему геологическому строению горной местности.

По поводу природного феномена первостепенного интереса, получившего название «загадки Тру дю Торо», учеными было высказано несколько гипотез.

Первая, более правдоподобная на вид, утверждала, что воды, поглощенные Тру дю Торо, появляются обратно на свет в той же долине Эзера, только значительно ниже, и питают многочисленные родники, ручьи и водоемы, дающие начало реке Эзер, которая впадает в Эбро и вместе с ним несет свои воды в Средиземное море.

Вторая гипотеза, очень смелая и как будто бы идущая вразрез со всеми законами природы, предполагала, что воды Тру дю Торо, сменив долину, водный бассейн и склон горной цепи, проходят под громадой Пиренейского хребта и, вырвавшись на поверхность уже на северном его склоне, в долине Аран, питают мощ-

ный источник Гуёй де Жуэу, который дает начало Гаронне, впадающей, как известно, в Атлантический океан.

Первым высказал это смелое предположение известный французский натуралист и путешественник Рамон (1753–1827), многие годы занимавшийся исследованием и изучением Пиренеев. В своих путевых заметках, изданных в 1787 году, он, впервые в научной литературе, рассказывает о загадке Тру дю Торо и утверждает, что воды, поглощенные этой пропастью, появляются на свет четырьмя километрами севернее, у подножия горного цирка Артига де Лен. Однако Рамон ограничился лишь беглым ознакомлением с местностью, через которую он проследовал, не задерживаясь, со своими проводниками и носильщиками. Говоря о загадке Тру дю Торо, он лишь пересказывает мнение местных жителей, не подкрепленное никакими доказательствами и отражающее одну ненасытную потребность людей в чудесном и необычном, особенно когда речь идет о пещерах и подземельях.

С легкой руки Района все современные ему научные труды, учебники географии и путеводители по Пиренеям повторяли эту версию. Прославленные ученые способствовали ее укоренению, не потрудившись, однако, проверить на месте гипотезу Района и хоть как-то обосновать ее.

Противоположную точку зрения поддерживали другие, тоже достаточно авторитетные мужи науки. И самой примечательной чертой этого затянувшегося на целое столетие научного спора было то, что ни та, ни другая стороны не приводили в доказательство своей правоты никаких фактических данных. Каждый высказывал свое мнение, основываясь лишь на личных впечатлениях или пристрастиях, что представляет собой, прямо сказать, довольно странный способ решения запутанной и сложной научной проблемы.

Но вот в 1896 году тулузский ученый Эмиль Беллок, заинтересовавшись загадкой Тру дю Торо, выступил против общепризнанной точки зрения, высказанной впервые Районом. Сделал он это, надо признать, с излишней горячностью, выразив в своей статье сожаление, что «люди науки так мало заботятся о реальных фактах». Беллок вплотную занялся изучением проблемы и даже производил опыты по окрашиванию вод Тру дю Торо, чтобы окончательно установить направление подземных водных коммуникаций, о которых шел спор.

С 1897 по 1900 год Беллок проделал несколько таких опытов с помощью различных красителей, а также небольших, ярко окрашенных поплавков. Но, учитывая длину и сложность пути подземных вод в недрах Пиренеев, этот последний способ оказался слишком примитивным и не дал желаемых результатов. Что же

касается окрашивания воды, то идея была превосходной, однако доза красителя была явно мала для подобного опыта, а наблюдение за источником Гуёй де Жуэу велось всего полдня.

В 1897 году Беллок вылил в воды Тру дю Торо несколько литров раствора аммиачного фуксина. На следующий год он повторил опыт с одним килограммом флюоресцеина и пробковыми плавками. В обоих случаях продолжительность наблюдения за Гуёй де Жуэу была недостаточной.

Известный геолог Э. А. Мартель, выступивший в свое время с критикой опытов Беллока, писал, что «в подобных условиях и с подобными средствами эксперимент был заранее обречен на неудачу».

Действительно, аналогичные опыты, производившиеся в других местах, показывают, что количество красящих веществ следовало увеличить во много раз, а наблюдение за местом выхода подземных вод на поверхность должно было вестись длительное время. Так, известно, что в мае 1908 года во время эксперимента по окрашиванию вод подземного потока РиевЪика (близ города Триеста) краска появилась в месте выхода реки на свет лишь через месяц.

Опыты Беллока не дали поэтому исчерпывающего ответа на вопрос о происхождении Гуёй де Жуэу. К тому же из высказываний тулузского ученого явствует, что он с самого начала отдавал заметное предпочтение гипотезе о коммуникации Тру дю Торо с рекой Эзер, и потому с легким сердцем сделал вывод, что «водный поток, исчезающий в пропасти Тру дю Торо, не имеет ничего общего с тем, который вырывается на поверхность в Гуёй де Жуэу».

«Старая легенда отжила свой век, — пишет Беллок и добавляет с упреком по адресу своих предшественников: — Научные исследования природы требуют от ученого величайшей строгости и скрупулезной точности». Однако сам он почему-то не последовал этим благим советам и, положившись лишь на свои немногочисленные и весьма спорные эксперименты да на личные впечатления, не счел даже нужным детально изучить горный цирк Артига де Лен и совсем не исследовал долину реки Эзер.

Тем не менее, поскольку Беллок выступил с опровержением гипотезы, не основанной на каких-либо конкретных доказательствах, которую он характеризовал как «глубоко укоренившееся заблуждение», публикации его произвели переворот во мнении ученых. С тех пор большинство представителей научного мира склонялось к мысли, что воды, исчезающие в Тру дю Торо, появляются на свет в низовьях той же долины и дают начало реке Эзер.

К тому же, рассуждали эти ученые, если допустить, что Тру дю Торо сообщается с Гуёй де Жуэу, надо против всякого правдоподобия предположить, что исчезающий в недрах горы на южном склоне Пиренеев горный поток внезапно поворачивает там под острым углом вспять и, пробив себе дорогу в каменной толще Главного Пиренейского хребта, высотой 2600 метров над уровнем моря, выходит на поверхность на северном его склоне. Возможно ли это? Похоже ли это на правду?

Так среди ученых — географов и гидрографов — окончательно утвердилось мнение, что воды Тру дю Торо вливаются в бассейн реки Эбро и устремляются в Средиземное море.

Начиная с 1900 года научные споры по этому вопросу почти прекратились. Гипотеза Района была забыта; гипотезу Беллока поддерживало подавляющее большинство ученых.

После Района и Беллока многие географы, гидрологи и геологи посетили Тру дю Торо, источник Гуёй де Жуэу и долину Эзера, но проблема так и не была решена. Загадка Тру дю Торо продолжала оставаться, по словам Мартеля, одной из самых волнующих тайн современной спелеогидрологии. Знаменитый геолог с самого начала сомневался в научной ценности экспериментов Беллока и не раз просил тулузского ученого «отказаться от слишком поспешных выводов».

Сдержанность, которую Мартель проявлял в вопросе о Тру дю Торо и течение долгих лет, побудила меня, в свою очередь, взяться за изучение этой сложной проблемы.

В 1928 году работы по исследованию недр Пиренейских гор привели меня в горный массив Маладетта. Я разыскивал водные потоки, протекающие в недрах гор на больших высотах, думая обнаружить ледяные пещеры, подобные той, которую я открыл в горном массиве Марборе В 1926 году.

Бродя в одиночестве среди суровых и труднодоступных вершин, ущелий и пропастей, я постепенно знакомился со сложным геологическим строением этого грандиозного горного массива. Однажды на рассвете, часа в четыре утра, я очутился, ежась от холода, на краю пресловутого Тру дю Торо. Любуясь дикой и величественной красотой разверзавшейся у моих ног пропасти, я предался размышлениям над нерешенной загадкой Тру дю Торо, с недоумением спрашивая себя, куда устремляется эта буйно низвергающаяся в пропасть масса воды: в Средиземное море или в Атлантический океан? И тут же дал себе слово во что бы то ни стало решить эту проблему до конца, так, чтобы не оставалось никаких сомнений и недомолвок.

Я поступил правильно, приняв такое энергичное решение, потому что понадобилось четыре долгих года упорных трудов для

того, чтобы загадка Тру дю Торо навсегда перестала быть загадкой.

Приступая к работе, я не имел никакого заранее составленного, предвзятого мнения и стал изучать со всех сторон проблему Тру дю Торо, не «раздражающую» — как называл ее нетерпеливый и скорый на решения Беллок, — но чрезвычайно трудную и сложную.

Пропасть Тру дю Торо недоступна для непосредственного исследования, являющегося моим излюбленным методом. Воды ее исчезают в глубокой впадине, дно которой выстлано толстым слоем зыбучего песка; пробиться сквозь него человеку невозможно. С другой стороны, стоимость эксперимента с окрашиванием воды флюоресцеином или другими красителями такова, что я вынужден был сначала заняться систематическим и терпеливым исследованием всех естественных колодцев, трещин, пещер, котловин и впадин, расположенных в окрестностях Тру дю Торо. Я надеялся, что исследования эти дадут мне какие-нибудь новые и ценные указания, а быть может, помогут проникнуть в русло таинственного подземного потока.

Такая предварительная работа позволила мне открыть и исследовать великое множество карстовых колодцев и пещер, до того времени никому не известных. Но ни одно из этих открытий не продвинуло меня ни на шаг по пути решения проблемы Тру дю Торо. В конце концов мне пришлось в корне пересмотреть свой план работ и предпринять обширные геологические и гидрографические исследования всего горного массива Маладетта. Эти исследования, производившиеся преимущественно па больших высотах сложнейшего по своему строению горного массива, отняли у меня, как я уже сказал, целых четыре года. Работа по изучению Маладетты велась без перерыва весной и летом, осенью и зимой; она была подчас однообразной и скучной, иногда опасной и всегда изнурительной. Шаг за шагом я обследовал все окрестные ущелья и котловины, проследил течение мельчайших ручейков и родничков, сравнивал по много раз их дебиты, режим, температуру воды в местах исчезновения этих водных потоков под землей и выхода на поверхность, не пренебрегая ничем и забираясь иногда в такие дебри, куда не отважился бы проникнуть ни один местный горец-проводник или охотник за пиренейскими сернами...

Не вдаваясь во все подробности этой огромной работы, скажу только, что я разделил ее на четыре части и каждой из них был посвящен год упорного и тяжелого труда.

В 1928 году я предпринял систематическое и детальное изучение высокогорного проточного бассейна, питающего оба горных

потока, которые, слипаясь, исчезают в пропасти Тру дю Торо, и точно выяснил их происхождение, режим и гидрологические возможности. Эта экспедиция в обширный высокогорный массив, где находятся знаменитые пиренейские вершины: пик Фурканад, пик Бурь, пики НетувЪІ, Короне и Маладетта, открыла мне, что оба горных потока — БарравЪІнк и МульевЪІр с их притоками, питающие Тру дю Торо, образуются в результате таяния огромных фирновых полей и пяти мощных ледников. Исследование потока Мульер оказалось особенно трудным; на высоте 2200 метров он скрывается под землей и течет там целых полтора километра, которые мне пришлось пройти по низким, заваленным каменными обломками коридорам, при температуре воды всего лишь +4°.

В 1929 году я приступил ко второй части намеченной программы — гидрографическому изучению долины реки Эзер, расположенной ниже Тру дю Торо, на южном склоне Пиренейского хребта. Долину Эзера я прошел шаг за шагом, вплоть до маленького городка Венаск, в 25 километрах от Тру дю Торо.

В этой живописной долине, отделяющей департамент Верхняя Гаронна от горного массива Маладетта, существует сложнейшая система исчезающих под землей и вновь появляющихся на поверхности ручьев и ручейков, перемежающихся источников и водоемов. Их обилие побудило в свое время Беллока предположить, что все ручьи, водоемы и источники долины Эзера — не что иное, как выход на поверхность низвергающихся в Тру дю Торо огромных масс воды. Мне удалось разобраться в запутанном клубке подземных и наземных водных циркуляции и установить, что воды, поглощенные пропастью Тру дю Торо, не появляются на свет в долине реки Эзер.

Одновременно я обнаружил подлинные истоки реки Эзер, которые никто до меня не пытался разыскивать.

В 1930 году я покинул горный массив Маладетта и южный склон Пиренеев и перебрался на северный склон, в район высокогорного цирка Артига де Лен, у подножия которого бьет мощный источник Гуёй де Жуэу.

Детальное обследование этого горного цирка, изрезанного глубокими расселинами и ущельями, показало, что картографические съемки его весьма приблизительны и во многом неточны. Пришлось внести в имеющиеся карты весьма существенные поправки, поскольку я обнаружил на этих труднодоступных высотах несколько нигде не отмеченных горных озер и водоемов, а также многочисленные карстовые колодцы, то поглощающие, то извергающие воду горных потоков. Исследования цирка Артига де Лен были весьма увлекательны, но изобиловали трудностями

и опасностями.

Экспедиция 1930 года оказалась самой тяжелой и трудоемкой, но вместе с тем и наиболее плодотворной. Она дала много драгоценных указаний, проливающих свет на загадку Тру дю Торо. Я убедился, что воды, сбегаящие со склонов Артига де Лен, не питают источник Гуёй де Жуэу.

Итак, к концу 1930 года в моих руках уже было негативное решение двух наиболее значительных частей проблемы: с одной стороны, я установил, что воды Тру дю Торо не появляются на свет в долине Эзера, с другой же стороны — что источник Гуёй де Жуэу не питается водами, рожденными на склонах высокогорного цирка Артига де Лен, у подножия которого он находится.

Ответ на загадку Тру дю Торо напрашивался как будто сам собой.

Однако у меня все еще оставались сомнения. Могла возникнуть третья гипотеза, весьма маловероятная, но все же теоретически допустимая: что у Гуёй де Жуэу существует неизвестный источник питания — иной, чем Тру дю Торо, а воды самого Тру дю Торо не имеют выхода на поверхность и бесследно исчезают в недрах земли.

Эти соображения удержали меня от окончательных выводов и вынудили выполнить четвертую часть намеченной программы — изучить соседние и сопредельные с интересующими меня объектами водные бассейны. Скрупулезно и тщательно я обследовал высокогорные долины СалевЪнк, Рибаторзана, МалибиевЪрн и рию НевЪгро, нашел там много любопытного и ранее неизвестного, но не имеющего никакого отношения к проблеме Тру дю Торо.

Эта дополнительная работа рассеяла мои последние сомнения. Однако я решил удвоить спокойствие и выдержку, так как яснее, чем когда-либо, понимал сложность проблемы, которая измотала или обманула моих предшественников, не позволив им довести работу до конца.

За три года работы у меня накопилось достаточно строго проверенных научных фактов и соображений, подтверждающих наличие подземных коммуникаций между Тру дю Торо и Гуёй де Жуэу. Все они были изложены в обстоятельной статье, опубликованной в начале 1931 года в «Бюллетене Тулузского общества естествоиспытателей». В этой статье я категорически утверждал и доказывал, что водный поток, исчезающий в пропасти Тру дю Торо, снова появляется на свет в Гуёй де Жуэу, пройдя четыре километра под Главным хребтом, и что таким образом основной исток Гаронны находится в горном массиве Маладетта, на южном склоне Пиренейской горной цепи.

Примерно в это же время до меня, дошли тревожные сведения о том, что одна испанская гидроэлектрическая компания проектирует каптаж и отвод горного потока, низвергающегося в Тру дю Торо, для постройки крупной гидростанции в долине Эзера.

Никаких препятствий к осуществлению своего проекта компания не видела, поскольку собиралась каптировать водный поток, который, по общепризнанному мнению, давал начало реке Эзер, впадающей в Эбро, и не имел никакого отношения к Гаронне.

Отчетливо понимая, какая страшная опасность угрожает Гаронне, я почувствовал себя обязанным немедленно вмешаться. Если испанский проект будет реализован, Гуёй де Жуэу иссякнет и дебит Гаронны в ее верховьях уменьшится более чем наполовину, а это грозит трагическими последствиями не только для высокогорных долин департамента Верхняя Гаронна, но и для всех остальных районов Франции, через которые Гаронна несет свои воды в Атлантический океан.

В обстоятельной и мотивированной докладной записке я предложил заинтересованным ведомствам поставить опыт, наглядно подтверждающий мои многолетние геологические исследования, и просил финансировать проведение эксперимента по окрашиванию водного потока Тру дю Торо.

К сожалению, ответа на мое предложение не было очень долго, принятие же соответствующего решения потребовало еще более длительного срока. А время шло.

Что мне оставалось делать? Четыре года я сражался один на один с суровыми вершинами Маладетты и вырвал ревниво хранимую ими тайну Тру дю Торо. Но перед человеческим равнодушием и формализмом я был бессилён. Нить, на которой висел дамоклов меч, угрожавший существованию одной из самых больших рек Франции, с каждым днем становилась тоньше. С высоты горных пиков Маладетты я наблюдал — удрученный и беспомощный — за предварительными работами по геодезической съемке местности в долине реки Эзер. Проект испанской компании начинал осуществляться. Скоро стало, известно, что компания уже располагает необходимыми капиталами для развертывания работ по отводу главного истока Гаронны в долину реки Эзер. Катастрофа казалась неминуемой.

В полном отчаянии я предпринял последнюю попытку предотвратить надвигающуюся опасность.

К тому времени моей работой и моими тревожными прогнозами, к счастью, заинтересовались некоторые видные французские ученые, обеспокоенные, как и я, судьбой Гаронны, и среди них — мой учитель, известный геолог и спелеолог Мартель, который всегда внимательно следил за моими научными трудами и при-

нимал во мне самое горячее участие.

Только благодаря их активной помощи и поддержке я смог осуществить весьма дорого стоящий эксперимент по окрашиванию вод Тру дю Торо. Эксперимент этот должен был наглядно и убедительно подтвердить мои теоретические выводы и в случае удачи позволил бы правительству Франции опротестовать проект наших испанских соседей, призвав на помощь международное право.

Полученные при содействии друзей субсидии от Академии наук, Института гидрологии и ряда других организаций, к которым я приплюсовал стоимость только что присужденной мне Географическим обществом Франции премии имени Мартеля, позволили приобрести необходимое количество флюоресцеина для проведения намеченного эксперимента.

19 июля 1931 года наблюдатель, расположившийся по соседству с Тру дю Торо, в самом сердце горного массива Маладетта, и в сутках ходьбы от ближайшего человеческого жилья, был бы несказанно удивлен и заинтригован действиями пяти человек, подкатывавших небольшие металлические бочонки к краю пропасти Тру дю Торо.

Карабинер-пограничник решил бы, наверное, что перед ним контрабандисты, переправляющие через границу какие-либо запрещенные товары.

Между тем это были всего лишь приготовления к эксперименту по окрашиванию вод Тру дю Торо.

Выйдя на рассвете из Люшона, наш маленький караван, в составе моей матери, моей жены, двух ее подруг, меня самого и одного местного жителя с вьючным мулом, перевалил Пиренейский хребет в Пор-де-Венаск и прибыл к берегам Тру дю Торо.

Мул, навьюченный шестью металлическими бочонками с флюоресцеином — самым мощным из современных красителей, — был тут же освобожден от своего драгоценного груза и ушел вместе с хозяином обратно к ближайшему селению, отстоящему в 25 километрах от Тру дю Торо.

Оставшись одни, мы укрылись под скалистым обрывом от свирепствовавшего на этой высоте холодного ветра. Прямо перед нами вздымался в небо зубчатый рваный гребень Маладетты, увенчанный величественными, покрытыми снегом и льдом пиками, до которых, казалось, рукой подать, хотя эта горная цепь нигде не опускается ниже 3200 метров. Я принялся объяснять порядок проведения задуманного эксперимента подругам жены — двум мужественным девушкам, не побоявшимся трудностей, которые сулило длительное пребывание в суровых горах.

Известный исследователь Пиренеев Пьер Субирон так описывает в своем прекрасном путеводителе Тру дю Торо: «Эта пропасть — одна из главных достопримечательностей горного массива Маладетта. Расположенная на высоте 2020 метров над уровнем моря, она представляет собой круглый, правильной формы и очень глубокий водоем, окруженный со всех сторон отвесными каменными стенами куда воды ледников НетувЪІ, Саленк и МульевЪІр низвергаются живописным и мощным водопадом».

Здесь, на фоне одного из самых суровых и величественных пиренейских ландшафтов, наш маленький отряд озабоченно суетился вокруг шести металлических бочонков, заключавших в себе чудо современной техники — флюоресцеин. По моим расчетам, его должно было хватить, чтобы достаточно ярко окрасить воды Гаронны.

День между тем уже склонялся к вечеру. Над ледниками Маладетты за клубился густой туман, то скрывая от нас белоснежные шапки горных великанов, то снова являя их нашим зачарованным взорам. Лучи заходящего солнца скользили вверх по крутым склонам, с каждой минутой поднимаясь все ближе к вершинам. Последние огни заката озарили огромную пирамиду Нету, потом сконцентрировались на самой макушке этого гигантского пика, где пылали несколько мгновений нестерпимо ярко, словно воспламенив вечные льды, затем погасли. Ночь, уже окутавшая глубокие ущелья и подножия горных вершин, поднимается ввысь, чтобы воцариться над миром.

Солнечный свет неблагоприятно воздействует на флюоресцеин, поэтому сбрасывать его в Тру дю Торо можно лишь с наступлением сумерек. Драгоценный краситель не должен потерять ни одного грана своей волшебной силы до того, как он отправится в таинственное подземное путешествие вместе с горным потоком, низвергающимся в Тру дю Торо.

Все участники экспедиции с нетерпением ждут этой минуты. И вот наконец я даю сигнал: начинаем! Все указания уже даны, роли распределены заранее. Через минуту всякие разговоры будут немислимы в оглушительном грохоте водопада.

Взобравшись на скалу у вершины водопада и держа под рукой вскрытые бочонки, мы с женой приготовились сбрасывать флюоресцеин, который буйные воды, низвергаясь в пропасть, идеально растворят и размешают. Трое остальных участников поместились ниже по течению. В их задачу входит наблюдение за узким каменистым руслом протяженностью около 150 метров, которое начинается у подножия водопада. Водный поток мчитя по этому скалистому коридору, шипя и пенясь, и, лишь достигнув дна пропасти, успокаивается в глубоком озере.

Я опускаю руку в первый бочонок, извлекаю из него горсть тончайшего, почти неосязаемого коричневатого порошка и с размаху бросаю его в воду. И — о чудо! — водяные струи мгновенно окрашиваются великолепным зеленым цветом, словно вспыхивают ярким волшебным пламенем. Несколько горстей флюоресцеина превращают водопад Тру дю Торо в какой-то сказочный каскад невероятного, не описуемого никакими словами, изумрудного цвета. Он мчится, переливаясь и светясь, по своему каменному ложу на дно пропасти, где силуэты наших помощниц, восхищенных не менее нас и оживленно жестикулирующих, четко выделяются на ослепительно-зеленом фоне воды.

Сорок пять минут подряд мы ритмично повторяем наши движения сеятелей, но никак не можем привыкнуть к возникающему у нас на глазах волшебству. Неправдоподобная, немислимая окраска водопада придает окружающему пейзажу совершенно ирреальный вид, словно мы находимся в каком-то заколдованном царстве.

Под конец мы бросаем в воду и опустевшие бочонки, чтобы ни одна частица чудесного порошка не пропала даром. Затем стремительно скатываемся вниз, к подножию водопада, где наши спутницы встречают нас взрывом веселого смеха. В горячке работы мы с женой осыпали друг друга с головы до ног тонким слоем флюоресцеина, который окрашивает нашу одежду ровным рыжеватым цветом с ярко-зелеными пятнами и разводами в тех местах, где на нее попали брызги воды.

Однако все наше внимание приковано к пропасти Тру дю Торо. Круглое озеро на дне ее, окруженное отвесными гладкими стенами, напоминает гигантский горшок с ярко-зеленой краской. Непрестанный приток воды, снова сделавшейся в верховьях водопада чистой и прозрачной, не ослабляет чудесной изумрудной окраски глубокого озера.

Сгустившиеся сумерки скрывают от наших глаз феерическое зрелище и гонят прочь с наших постов наблюдения.

В Пиренейских горах убежища для ночлега встречаются редко, и людям, которых ночь застигла на высоте, трудно рассчитывать на сколько-нибудь сносный приют. Я веду свой маленький отряд к жалкой хижине из неотесанных камней, в полукилометре от Тру дю Торо. Лачуга, вероятно, никогда не видела такого наплыва посетителей. Кое-как укладываемся вповалку на подстилку из полусгнившей хвои. Каждый скрючивается как может и старается забыть во сне неудобства ночлега.

Ночь обещает быть ветреной и холодной, как всегда на такой большой высоте.

Все мои мысли — об успехе проводимого эксперимента. Тщетно я стараюсь отвлечься и забыться. Я вспоминаю о том, уже далеком дне, когда я впервые стоял в одиночестве на краю пропасти Тру дю Торо, спрашивая себя, какую тайну она скрывает. В тот день я устроился на ночлег прямо под скалистым обрывом и крепко спал, убаюканный ревом и грохотом водопада. Но сегодня его монотонный и приглушенный расстоянием гул, долетающий сюда и нарушающий торжественную тишину июльской ночи в горах, будит во мне слишком много воспоминаний и раздумий, чтобы я мог уснуть спокойно.

Вот уже три с лишним года, как я упорно стараюсь разгадать загадку Тру дю Торо. Не было дня, чтобы я не ломал себе голову над вопросом: «Куда же направляются эти буйные воды?»

И сегодня, в бесконечно тянущиеся ночные часы, я не могу не думать о чудесном красителе, сброшенном нами в таинственные подземные лабиринты Маладетты. Я мысленно следую за ним по этим неведомым извилистым коридорам и промоинам, расселинам и пропастям. Сейчас, в эту самую минуту, подземный поток, рыча словно зверь в своей каменной тюрьме, проносится на тысячеметровой глубине под Главным хребтом, который отделяет Арагон от Каталонии, чтобы вырваться на поверхность в Гуёй де Жуэу.

Этот окрашенный в волшебный зеленый цвет поток должен дать убедительный, объективный и неопровержимый ответ на жгучий, до сих пор не решенный вопрос, должен доказать правоту моих прогнозов и предложений, завершить долгие годы тяжелого, изнурительного труда...

В четыре часа утра мы уже на ногах. Кое-как умывшись в темноте ледяной водой, спешим к Тру дю Торо, чтобы проверить состояние воды в озере.

Светает. Небо затянуто плотными, тяжелыми тучами, сулящими дождь или снег. С высоты отвесных каменных стен заглядываем в мрачную в этот рассветный час глубину пропасти. Вода в озере снова чиста и прозрачна; весь флюоресцеин скрылся в недрах земли.

Удостоверившись в этом, мы обмениваемся последними советами и указаниями, и наш маленький отряд разделяется. Расставание происходит тут же, на самом краю Тру дю Торо. Моя жена и обе ее подруги образуют «группу Эзера»; они спустятся в эту долину и будут вести наблюдение за многочисленными источниками и водоемами, дающими начало реке Эзер, впадающей в Средиземное море.

Глядя, как они удаляются вниз по неровной каменистой тропке, сгибаясь под тяжестью пудовых рюкзаков, я не могу удержать-

ся от чувства восхищения и благодарности к двум юным существам, которые вместе с моей женой согласились остаться одни в диких горах, занимаясь утомительной и однообразной работой, продолжительность которой не могла быть определена заранее.

Такое бескорыстное мужество заслуживает всяческих похвал, тем более что я не обнаружил его ни у одного из тех юношей, которых я пытался привлечь к участию в задуманном мною решающем эксперименте.

Уверившись, что наблюдение за долиной Эзера в надежных руках, «группа Гаронны» в составе моей матери и меня спешно покидает район Маладетты, чтобы перевалить через горный хребет, отделяющий Арагон от Каталонии, и занять пост наблюдения у источника Гуёй де Жуэу.

Мы пересекаем плоскогорье Агуаллу и поднимаемся вверх по долине Мульер, где я три года назад исследовал обширные пещеры, служащие руслами многочисленных подземных ручьев и рек. Перевал Торо встречает нас ураганным ветром, дождем и густым туманом. Спуск с перевала по северному склону хребта, господствующего над цирком Жуэу, очень крут и требует, даже при благоприятной погоде, большой сноровки и опыта. Сегодня же благодаря плотному туману эта почти отвесно уходящая вниз, тропа особенно опасна. Но мы не можем задержаться хотя бы на час и потому начинаем головокружительный 600-метровый спуск по узкой расселине, которая приводит нас к подножию цирка, куда мы добираемся наконец с чувством невыразимого облегчения.

Туман и дождь тем временем усиливаются. Мы промокли до нитки, и я превратился в малахитовую статую, с которой стекают струи воды умопомрачительно зеленого цвета.

Сколько раз за последние три года прошел я вдоль и поперек этот горный цирк! Но сегодня туман и дождь лишают меня возможности ориентироваться; приходится прибегнуть к помощи компаса, чтобы не заблудиться, пересекая пастбища Артига де Лен.

Мы бредем без дороги в мутной мгле и — о счастье! — внезапно натываемся на хорошо знакомую мне пастушью хижину, которую я не надеялся, сегодня отыскать. Внутри лачуги мы находим у очага тощую вязанку хвороста и спешим развести огонь, чтобы хоть немного согреться, а главное, обсушиться. Осматриваем содержимое наших рюкзаков и констатируем, что дождь нанес нам изрядный урон. Придется сушить все, что находилось в рюкзаках.

Пока моя мать занимается этим хлопотным делом, я пользуюсь тем, что дождь на время перестал, и выхожу наружу. Мне не терпится нанести визит источнику Гуёй де Жуэу.

С порога хижины смутно видна опушка леса Жуэу, в глубине которого скрыт один из самых мощных в Европе источников. Грохот и гул, с которыми подземная река вырывается из недр земли на поверхность, слышны издалека и помогают путнику без труда найти дорогу к источнику.

Направляясь к Гуэй де Жуэу, я с беспокойством думаю о том, что флюоресцеин, возможно, еще не успел пройти сквозь гору и добраться до выхода источника на поверхность. Водные потоки под землей обычно текут очень медленно, пробираясь по бесчисленным извилинам подземных коридоров и с трудом преодолевая нагроможденные на их пути препятствия: бьефы, сочащиеся своды, фильтрующие пески и т. п. Подземные озера и глубокие водоемы также задерживают течение водных потоков в недрах гор.

Вспоминаю не без тревоги продолжительность некоторых аналогичных экспериментов с окрашиванием, когда флюоресцеин появился в месте выхода подземного потока на поверхность лишь спустя восемь, пятнадцать и даже двадцать дней...

Как мы выдержим такой долгий срок здесь, высоко в горах, имея ни оборудованья, чтобы разбить лагерь, ни необходимого резерва продовольствия, с одним лишь одеялом на двоих да скудным запасом продуктов, которого едва хватит на три-четыре дня?

Все эти мысли заставляют меня лихорадочно ускорить шаг, чтобы быстрее увидеть водопад, который грохочет теперь совсем близко, еще невидимый за плотной стеной елей и буков. И внезапно в просвете между темными стволами деревьев я вижу часть огромного каскада и застываю на месте, задохнувшись от волнения: гигантская струя воды, вырывающаяся из недр горы, сверкает и переливается всеми оттенками ослепительно-зеленого цвета!

Кидаюсь вперед, чтобы лучше видеть, смотрю жадно, не отрываясь, на сказочное зрелище. Вихрь радостных мыслей кружится в голове: значит, я был прав, значит, Гаронна действительно берет начало в горах Маладетты!

Я слишком взволнован, чтобы анализировать овладевшие мной чувства. Впоследствии я припоминал, что громко смеялся, глядя на кипящую зеленую воду, с ревом низвергавшуюся с высоты. Это была, без сомнения, нервная реакция на предшествовавшие волнения и напряженное ожидание и вместе с тем радость сознания, что мои труды не пропали втуне, предварительный прогноз подтвердился и это открытие внесет существенную поправку в географию Франции.

Вопреки мнению многочисленных и авторитетных противников, которые отказывались признать столь невероятный, на пер-

вый взгляд, каприз природы, истоки Гаронны действительно находятся на южном склоне Пиренеев.

Не задерживаясь дольше возле водопада, я спешу обратно к хижине, чтобы сообщить радостную весть моей матери, которая тем временем уже начала наводить порядок в полутемной хибарке на случай нашей длительной задержки в этих местах.

В одну минуту наши пожитки засунуты обратно в непросохшие рюкзаки, огонь погашен, дощатая дверь плотно притворена, лагерь снят. Мы весело прощаемся со своим временным пристанищем, радуясь, что избавлены от необходимости провести долгие часы ожидания в его сырых и закопченных стенах.

Четверть часа спустя мы уже стоим у подножия грохочущего водопада и любуемся изумрудной расцветкой его струй. Зрелище поистине феерическое, воскрешающее в памяти то, которое мы наблюдали накануне вечером у Тру дю Торо.

Итак, эксперимент закончен, и закончен блестяще. Остается найти свидетелей, которые подписали бы документы, формально удостоверяющие очевидный и несомненный результат нашего опыта.

Из моих предварительных подсчетов (60 килограммов флюоресцеина окрашивают примерно 2 400 000 кубометров воды) явствует, что окрашенные воды Гуёй де Жуэу пройдут через всю долину Аран и достигнут границы Франции. С сожалением отрываемся от созерцания сказочной картины и спешим вниз по течению новорожденной Гаронны в поисках первых свидетелей.

Целый час мы спускаемся по долине сквозь густой лес, высматривая редкие просветы между деревьями, чтобы лишний раз полюбоваться изумрудными речными струями.

Наконец лес кончается, и мы выходим на широкий луг. Двое косцов, заметив нас, бросают работу, бегут к нам и взволнованно спрашивают, видели ли мы Гаронну. Они обнаружили «дьявольскую» окраску воды сегодня около шести часов утра, когда пришли сюда, и с тех пор, встревоженные и недоумевающие, бегают время от времени к реке, чтобы удостовериться, все ли она еще зеленая.

Я объясняю горцам причину непонятного явления, успокаиваю их как могу и предлагаю подписать первое из многочисленных свидетельств очевидцев, которые я впоследствии собрал.

Один из косцов был уверен, что «в горах прорвало серный рудник», другой ужасно беспокоился о судьбе форелей.

Кстати сказать, почти все, видевшие окрашенную в зеленый цвет воду, были уверены, что форели в Гаронне погибли, — такой яркой и густой была краска. Сколько я ни заверял этих людей, что флюоресцеин абсолютно безвреден, далеко не все мне поверили.

Однако даже самые отъявленные Фомы неверующие вынуждены были признать, что не заметили на поверхности воды ни одной мертвой рыбы.

Мы продолжаем спуск по долине Аран, торопясь достигнуть постоянного двора Артига де Лен, где надеемся отдохнуть, обсушиться и подкрепиться. Но, как видно, судьба решила не давать нам в этот знаменательный день покоя.

Едва мы расположились в кухне «posada», где старая крестьянка торопливо готовила для нас горячий кофе, одновременно уверяя взволнованным голосом, что зеленая окраска реки, несомненно, «проделка злых фей и предвещает ужасные беды», — как снаружи послышались чьи-то голоса. Я выглянул в окошко, выходявшее на дорогу, и увидел двух испанских пограничников-карабинеров, быстрыми шагами приближавшихся к дому. Бравые воины, конечно, были тоже уверены, что зеленая окраска Гаронны — дело рук злоумышленников, отравителей рыбы, и, выйдя из деревни Лас Бордас, пустились в погоню за браконьерами.

Изумрудный цвет моей одежды, лица и рук обличает меня самым неопровержимым образом. Сколько бы я ни объяснял этим блюстителем порядка, что речь идет не о браконьерстве, а о безобидном и безвредном научном опыте, они вряд ли поверят мне; вряд ли поймут даже, о чем идет речь. Скорее всего, придется вступить с ними в дискуссию, которая может плохо кончиться для нас обоих.

Желая избежать этой досадной перспективы, мы заранее отказываемся от состязания в красноречии с пограничниками и, поспешно собравшись, снова пускаемся в путь, оставив старуху хозяйку в полнейшем недоумении.

Несмотря на растущую усталость и тяжелые рюкзаки, мы быстрым шагом поднимаемся вверх по долине Аран, минуем Гуёй де Жуэу, все такой же ослепительно-зеленый, как и утром, затем, чтобы избежать крутого подъема на перевал Торо, взбираемся по монотонным и бесконечным склонам Пор де ла Пикад и, на пределе сил, попадаем наконец из Каталонии обратно в Арагон.

Достигнув перевала, я разглядываю оттуда в бинокль узкую ленточку Эзера, который вьется глубоко внизу у нас под ногами, но не замечаю ни малейшего признака зеленой краски в его прозрачной воде.

Нам остается лишь спуститься в долину, чтобы отыскать там «группу Эзера», занятую наблюдением за многочисленными источниками, бьющими из недр земли в этой пустынной местности.

Мы долго следуем за излучинами капризной реки, но не находим следов наших помощниц. Уже смеркается, когда после че-

тырнадцати часов непрерывной ходьбы мы видим наконец лагерь наших друзей.

Можно представить себе их удивление, когда мы неожиданно появились из темноты у их бивака, и бурный восторг, с каким они встретили весть о быстром и полном успехе нашего эксперимента.

Несмотря на все наше нетерпение и желание поскорее вернуться во Францию, чтобы проследить за продвижением флюоресцеина в верхнем течении Гаронны, мы еще четыре дня и четыре ночи продолжали наблюдать за рекой Эзер, вода которой оставалась неизменно прозрачной и чистой.

Последний день мы посвятили восхождению на перевал и пик Маладетта — 3312 метров над уровнем моря.

Затем наш маленький отряд благополучно вернулся во Францию, где нас ждали многочисленные свидетельства, что флюоресцеин, густозеленый в долине Аран, был очень явно замечен по всему верхнему течению Гаронны, вплоть до городка Сен-Бат, в пятидесяти километрах от Тру дю Торо.

В мою задачу не входит рассказ о всех научных и практических последствиях проведенного мною эксперимента по окрашиванию водного потока Тру дю Торо. Но о некоторых, самых главных, мне все же хочется сказать.

Тот неопровержимо установленный факт, что Тру дю Торо общается с источником Гуэй де Жуэу, решает прежде всего чисто **географическую** проблему. Столетний научный спор закончен: главный исток Гаронны находится не в долине Аран.

Каталония должна уступить эту честь Арагону, на территории которого расположен горный массив Маладетта и пропасть Тру дю Торо.

С точки зрения **гидрогеологической** вновь открытая подземная коммуникация вносит существенную поправку в наши познания о подземных водах, которые ведут себя в районе Пиренеев крайне капризно. В данном случае водный поток поворачивает под землей в противоположную от своего наземного русла сторону, проходит под линией водораздела и меняет, как уже сказано выше, бассейн и склон горной цепи. Рожденные в средиземноморском бассейне Эбро воды, углубившись в недра земли, пробиваются сквозь каменную гору толщиной в несколько километров, выходят на поверхность в Гуэй де Жуэу и текут в Атлантический океан.

Последствия этого открытия с точки зрения **экономической** не нуждаются в комментариях. Если бы нам не удалось наглядно доказать существование данной подземной водной коммуникации, наши испанские соседи вскоре реализовали бы свой проект

каптажа вод Тру дю Торо и отвода их в бассейн реки Эбро, что нанесло бы Франции серьезный и непоправимый ущерб. Дебит Гаронны в ее верховьях уменьшился бы более чем наполовину; между тем бурно развивающаяся промышленность департамента Верхняя Гаронна и без того страдает каждое лето от недостатка воды, так же как и многочисленные ирригационные каналы этого района.

Как главный исток Гаронны источник Гуёй де Жуэу имеет то неопределимое преимущество, что его питают воды, образующиеся от таяния высокогорных ледников Маладетты. В самый разгар лета, когда все остальные водные потоки долины Аран мелеют и пересыхают, Гуёй де Жуэу, напротив, становится все полноводнее, потому что, чем жарче печет солнце, тем интенсивнее тают ледники и тем большее количество этой талой воды поглощает Тру дю Торо.

Такова драгоценная роль, которую играет Гуёй де Жуэу в критический сезон летнего мелководья. Без него промышленность и сельское хозяйство долины Гаронны, несомненно, пришли бы в упадок.

Опубликовав результаты моего эксперимента с окрашиванием, я счел свою миссию законченной. Вопросом этим теперь занимались соответствующие министерства и ведомства. Их дипломатические демарши были поддержаны широкой кампанией во французской прессе.

Испанская республика не могла не согласиться со справедливыми требованиями Франции. Работы по пикетажу и геодезическим съемкам долины реки Эзер пришлось прекратить. Отныне неприкосновенность дебита Тру дю Торо и Гуёй де Жуэу была обеспечена.

* * *

Рассказ об открытии подлинных истоков Гаронны окончен. Я откладываю в сторону перо и вспоминаю тот уже далекий день, когда, впервые поднявшись на пограничный хребет, отделяющий Испанию от Франции, я внезапно очутился лицом к лицу со снежными вершинами Маладетты.

Тридцать два раза поднимался я с тех пор на этот величественный горный массив, изучая его пики и ледники, пересекая во всех направлениях его долины и ущелья, вплоть до мельчайших расщелин и промоин, иной раз забираясь глубоко под землю. Малейшее сомнение, недоумение или просчет оборачивались долгими днями дополнительных скрупулезных исследований.

Сколько альпинистских отрядов прошло мимо меня, держа путь к снежным вершинам, в то время как я вынужден был — не

без тайной грусти и зависти — то подниматься на отнюдь не блестящие живописностью отроги и скалы, то спускаться в унылые каменистые лощины и котловины в поисках неизвестных водных потоков, источников и карстовых колодцев.

Сколько таких походов оказались бесплодными благодаря дождям, туманам и снежным бурям, когда приходилось спешно возвращаться вспять или отсиживаться долгие часы в ненадежных убежищах.

Так я скитался в любое время года по суровым и негостеприимным горам с единственной целью — нанести на мою карту еще один новый штрих, который медленно, но верно приближал меня к решению вековой загадки Тру дю Торо.

Изредка — увы, слишком редко! — меня сопровождали в этих нелегких странствиях близкие мне люди, которым я бесконечно признателен за их бескорыстную и преданную помощь: мой младший брат доктор Марциал Кастере, едва не поплатившийся жизнью во время смелой разведки на северных склонах перевала Торо; моя мать и моя жена — обе уроженки гор и прирожденные альпинистки, чей неизменный оптимизм и бодрость, энергия и выносливость поддерживали меня в самые тяжелые дни и в самых трудных походах.

За годы, посвященные исследованию горного массива Маладетта, я проникся величественной и суровой поэзией этих гор, сроднился с ними, подпал под власть их неизъяснимого очарования.

Я пил ледяную, кристально чистую воду горных ручьев и родников и умывался ею; спал, скорчившись от холода, в бедных каменных хижинах или под открытым небом; пробирался по глубокому рыхлому снегу и предательским каменным осыпям; рубил ледорубом ступени в твердом фирне и зеленоватом льду высокогорных ледников, скатывался на санях со снежных склонов, взбирался вверх по отвесным каменным каминам.

Сколько раз я наблюдал, как взлетают, оглушительно крича, стаи горных галок и ворон над скалами Пена-Бланки, следил за стремительным бегом стада пиренейских серп па головокружительных высотах ПумеровЪІ или БарравЪІнк; видел, как чертит в небе круги чета горных орлов, свивших гнездо на вершине пика Бурь!

На песчаных склонах Тру дю Торо мне неоднократно попадались следы пиренейского бурого медведя, хорошо знакомого арагонским пастухам и их стадам, где этот хищник время от времени взимает свою дань.

В горном цирке Жуэу, менее суровом, чем массив Маладетта, я нашел и сорвал редчайшую и прекраснейшую лилию мартагон, видел золотые самородки на склонах пика Негро.

Много раз любовался я неопиcуемой поэзией и феерией света на гребнях гор и сверкающих ледниках. Они говорили со мной языком форм и красок, меж тем как клубящиеся по горным склонам туманы и моря облаков, расстилавшиеся под моими ногами, напоминали библейские картины сотворения мира...

И часто в абсолютной тишине и одиночестве, которые присуци в равной мере и глубочайшим подземным пещерам и высочайшим горным вершинам, я прерывал свой нелегкий труд, и взгляд мой терялся во мраке подземелья, в беспредельной лазури неба или в таинственном мерцании звездных ночей...

Пещера Кастере и подземные ледники горного массива Марборе

Со времен известного французского натуралиста Района де КарбоньеvЪr, впервые обследовавшего в 1787 году горный цирк ГаварниvЪI и массив Марборе, бесчисленное множество альпинистов, географов, геологов, естествоиспытателей и охотников поднимались здесь буквально на все вершины, подробно изучили местность и создали обстоятельные путеводители с детальнейшими картами, в которых как будто нашли отражение решительно все сведения об этом диком и суровом крае.

Необычный характер складчатости горного массива Марборе и причины образования цирка Гаварни до сих пор остаются загадкой для науки. Вызывая неизменное восхищение геологов, этот сложенный известняками массив служит неисчерпаемым источником тем интереснейших научных работ. К тому же он заключает в себе ряд природных достопримечательностей, обязанных своим происхождением любопытным явлениям подземной гидрологии.

Поистине достойно удивления, что горный цирк Гаварни, искоженный вдоль и поперек многочисленными туристами и местными жителями, наводняющими ежегодно эти труднодоступные, но живописные места, таит в своих недрах такие не ведомые никому и весьма примечательные природные феномены, как тот, что был обнаружен нами в самом сердце Марборе.

Речь идет о ледяной пещере, которая, насколько мне известно, является самой высокогорной из открытых до настоящего времени пещер подобного типа.

Не следует смешивать ледяные гроты — простые углубления, открывающиеся в толще некоторых высокогорных ледников, — с настоящими ледяными пещерами, которые представляют собой обычные каменные пещеры, заполненные льдом, подобно тому как другие, пещеры заполнены водами подземных ручьев и рек.

Долгое время в Пиренеях не было известно ни одной ледяной пещеры. И вот, в самом сердце горного массива Гаварни, среди ледников и фирновых полей, нам в 1926 году удалось обнаружить такую ледяную пещеру и исследовать ее.

Маленькое селение Гаварни, приютившееся среди скал на высоте 1350 метров, служит традиционной стартовой площадкой для всех восхождений, совершаемых в этом горном массиве. Именно отсюда тронулся в путь и наш маленький семейный караван в составе моей матери, моего младшего брата Марциала, моей жены и меня. Каждый из нас совмещал в своем лице обязан-

ности альпиниста, гида и носильщика. С ледорубами в руках и увесистыми рюкзаками за спиной мы собирались исследовать пустынные и заснеженные просторы арагонских сьерр.

После крутого и тяжелого подъема, трудности которого возросли из-за испортившейся погоды, мы достигли перевала, носящего название «Брешь Роланда». Но снежный буран, встретивший нас здесь ураганным, сбивающим с ног ветром, вынудил наш маленький отряд спешно искать убежища в крошечной пещере, открытой еще в 1909 году ученым-гляциологом Пиренеув аббатом ГорьевЫ. Уже второй раз этот естественный приют, чрезвычайно удачно расположенный поблизости от перевала, спасал нас от опасности заблудиться и погибнуть в снежной пурге.

А между тем именно в этот день наши спелеологические изыскания в массиве Гаварни должны были увенчаться успехом. Проявленное нами упорство в достижении намеченной цели было вознаграждено открытием, которое произвело сенсацию как в мире ученых, так и в мире альпинистов. «Открытием выдающегося научного значения» назвал его знаменитый спелеолог Э. А. МартевЫль.

После нескольких часов вынужденного затворничества в убежище Горье мы с радостью увидели, что снежная буря улеглась и наш отряд может двигаться дальше. Уже довольно долго бродили мы среди фирновых полей и каменных осыпей плоскогорья Марборе в поисках проблематических пещер и пропастей, как вдруг вдалеке, между двумя гонимыми ветром облаками, заметили черневший в каменной стене обширный естественный портал, отделенный от нас крутым заснеженным склоном.

Не испытывая большого энтузиазма, мы все же принялись вырубать ступеньки в твердом фирне, чтобы добраться до этого портала.

Надо сказать, что если само исследование неизвестной пещеры всегда бывает захватывающе интересным и поучительным, то предварительный поиск, имеющий целью обнаружить вход в такую пещеру, как правило, утомителен, скучен и чреват бесконечными разочарованиями.

Однако на этот раз увиденное издалека отверстие в каменной стене не оказалось, как это часто случается, простой нишей. Нет, это действительно был вход в пещеру, и притом в одну из самых красивых и необычных, какие мне приходилось видеть.

Снежный карниз и крутой, усыпанный щебнем откос еще скрывали от нас внутренность пещеры. Но как только мы преодолели это препятствие и проникли под каменный свод, все четверо не смогли сдержать восклицания восторга. Картина, представшая перед нашими изумленными глазами, оправдывала охватившее

нас восхищение и безусловно вознаграждала за нелегкий путь.

У наших ног лежало круглое, покрытое слоем прозрачного льда озеро, а за ним виднелась впадавшая в озеро ледяная река, начало которой терялось в глубине галереи, уходившей горизонтально в недра горы.

Подземный зал с ледяным озером посредине и начало галереи, служащей руслом ледяной реке, озаренные косыми лучами дневного света, словно светились призрачным синеватым сиянием. Голубые блики этого волшебного освещения лежали на каменных стенах и свисавших с потолка ледяных сталактитах, отражались в гладком зеркале озера, которое не созерцал еще ни один человеческий взгляд.

Из глубины подземной галереи, откуда доносились таинственные шумы и шорохи, дул прямо нам в лицо холодный ветер. Ледяное дыхание его, соприкасаясь у входа с теплым наружным воздухом, образовывало позади нас легкую завесу тумана, сквозь которую можно было различить — в рамке совершенно театрального портала — острый гребень пограничного хребта с глубокой выемкой на месте перевала и за ним синее небо Франции.

Брат мой стоял на гребне откоса и, воздев руки к потолку, потрясал своим ледорубом, крича и жестикулируя, словно профессор Лиденброк на краю кратера Снеффельс (в книге Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», чтение которой произвело на нас в отрочестве неизгладимое впечатление).

Мы и впрямь чувствовали себя героями романа великого фантаста.

Развернув карту местности и сверив ее данные с карманным альтиметром, мы установили, что находимся на высоте 2700 метров. Значит, эта неизвестная ледяная пещера — самая высокая на земном шаре, поскольку пещера Дахштейн в Австрии, державшая до сих пор первенство, расположена на высоте всего лишь 1700 метров.

Было уже довольно поздно, а до убежища Голи в долине Арраза, где мы собирались ночевать, оставалось еще несколько часов ходьбы по сильно пересеченной и почти незнакомой местности. Погода продолжала оставаться неустойчивой; туман мог каждую минуту накрыть нас и сделать дальнейшее продвижение опасным. Вдобавок, чтобы облегчить подъем, мы оставили наши тяжелые рюкзаки внизу, у подножия крутого снежного склона, и единственным средством освещения, которым мы располагали, была толстая свеча, случайно оказавшаяся у одного из нас в кармане.

Несмотря на все эти препоны, решено было посвятить один час предварительному обследованию только что открытой пещеры.

Не теряя ни минуты, мы пересекли ледяное озеро по довольно непрочному, но абсолютно прозрачному льду, под которым была отчетливо видна вода, и добрались до берегов подземной реки, имевших совершенно арктический вид в том месте, где эта река, покрытая толстым панцирем зеленоватого льда, впадает в замерзшее озеро.

Подземная галерея постепенно расширяется, потолок ее поднимается вверх, и перед нами предстает подземный ледник площадью примерно в 7000 квадратных метров, гладкий как зеркало и слабо освещенный косыми лучами все того же голубоватого, ирреального света, проникающего сквозь входное отверстие.

Кристалльно прозрачная и словно отполированная поверхность льда, который служит здесь полом, обильно украшенные ледяными сталактитами и драпировками стены и своды создают совершенно фантастическую, неопишемую картину.

Освещенные слабым пламенем нашей единственной свечи, предмета наших неустанных забот, который не столько освещает дорогу, сколько слепит нам глаза, мы продвигаемся в глубину неведомой пещеры.

Справа от нас открывается коридор с низким сводом. Он ведет в ледяной зал, простирающийся за пределы видимости. Мы лишь бегло осматриваем этот зал, но успеваем заметить, что сюда через вертикальные трещины-камины все время сочится с поверхности вода и тут же превращается в лед. Затем наш маленький отряд снова устремляется вперед, в недра подземного ледника.

На глубине примерно 120 метров ветер, все время дующий нам в лицо, становится еще холоднее и яростнее. Мы отчетливо слышим тонкий стеклянный звон, производимый падением бесчисленных ледяных иголок, сосулков и кристаллов, которые ветер срывает с потолка и стен и бросает на пол.

Около великолепной, совершенно прозрачной ледяной колонны, соединяющей пол пещеры с потолком, мы делаем короткую остановку.

В этом месте подземелья галерея резко суживается. Зеркальная поверхность пола усеяна большими валунами, вмерзшими в лед. Продвижение по этому хаосу обледенелых камней становится весьма затруднительным.

После ряда поворотов, подъемов и спусков, во время которых мы то и дело скользим и падаем, на нашем пути возникает злоеющего вида провал с обледенелыми краями. Устье его занимает всю ширину галереи, по которой мы идем.

Куски льда, сброшенные в этот ледяной колодец, не могут дать представления о его глубине. Они разбиваются во время падения. Слабый свет свечи тоже ничем не может помочь нам. Даже опре-

делить высоту сводов мы не в состоянии. Внимание наше привлекает огромный ледяной столб, похожий на колокольню. Он вырастает из черных глубин пропасти; вершина его теряется в темноте свода.

Мы уже примирились с мыслью, что наше первое знакомство с ледяной пещерой на этом должно закончиться. Но, присмотревшись, обнаруживаем вдоль одной из стен узкий карниз, по которому можно попытаться обойти препятствие.

Осторожности ради и для того, чтобы двигаться возможно быстрее (свеча уменьшается с каждой минутой!), мы с братом решаем отправиться дальше одни, оставив дам нашей экспедиции в темноте и холоде, обреченных к тому же на полную неподвижность из-за опасного соседства с ледяным колодцем.

Благополучно миновав этот последний, мы торопливо шагаем дальше по льду подземной галереи. Но лед скоро перестает быть гладким. Мы попадаем в зону ледяных глыб, беспорядочно нагроможденных друг на друга. Ледяной пол круто поднимается вверх, и перед нами открывается ледяной водопад, низвергающийся с каменного откоса высотой 8—10 метров под углом в 60°. На вершине его, под самым потолком, чернеет узкая отдушина.

Вскарabкаться на эту скользкую ледяную гору было довольно трудно, главным образом из-за свечи, которую все время гасил встречный ветер. Подталкиваемый сзади Марциалом, цепляясь ледорубом за выступы стены и держа в зубах свечу, я с великим трудом добрался до вершины ледяного водопада и втиснулся в отдушину.

Продвигаться дальше по тесному и низкому проходу, настоящему кошачьему лазу, пробитому в толстом, белом, словно фарфор, льду, можно только ползком. Но встречный ветер, дующий в этой ледяной трубе с ужасающей силой, задувает свечу и не дает зажечь ее снова. Тем не менее я упрямо ползу во мраке, ощупывая руками дорогу, а брат остается тоже во мраке, уцепившись за свой ледоруб, воткнувший в лед у подножия водопада.

Мало увлекательное продвижение ползком и впотьмах по узкой ледяной трубе, где я коченею до костей на пронзительном ветру, к счастью, продолжается недолго. Миновав это препятствие, я снова зажигаю свечу. Подземная галерея продолжается — узкая, но высокая. Стены ее гладкие и белые, по-видимому мраморные (мы ведь в самом сердце горного массива Марборе, название которого не даром происходит от слова «мрамор»). Теперь ноги мои вязнут по щиколотку в ледяном крошеве. Так, продвигаясь с большим трудом, я добираюсь до подножия второго ледяного водопада. Он свисает с высоты нескольких метров широкой ледяной лентой, не соприкасающейся нигде с каменны-

ми стенами пещеры. Препятствие, увы, непреодолимое для одиночки. К тому же свеча катастрофически уменьшается на ветру. Надо отступить, и чем скорее, тем лучше...

Возвращение к выходу из пещеры проходит без всяких происшествий. Но, одетые недостаточно тепло для подобной полярной экскурсии, мы совершенно заоченели от холода...

Небо тем временем потемнело и выглядит еще более угрожающим. Лишь после нескольких часов утомительной ходьбы по каменистым плоскогорьям мы глубокой ночью добираемся наконец до убежища Голи.

В последующие дни мы занялись обследованием каньонов и ущелий этой пустынной части провинции Арагон и совершили восхождение на самые живописные вершины горного массива Марборе.

Месяц спустя наш маленький отряд собирался вернуться к открытой нами ледяной пещере и закончить ее обследование. Но в последнюю минуту выяснилось, что ни мой брат, ни моя мать не могут сопровождать нас, и мы с женой отправились вдвоем к Бреши Роланда, где собирались переночевать, чтобы на следующий день с самого утра уже быть на месте и посвятить весь день исследованию подземного ледника.

Часа за полтора до сумерек мы уже были на перевале и решили с ходу совершить восхождение на пик Тайон (3140 метров), чтобы полюбоваться заходом солнца с его вершины.

Зрелище оказалось действительно феерическим. Окружавшие со всех сторон вершину облака непрерывно меняли форму и окраску в косых лучах заходящего солнца. Вдобавок мы имели удовольствие наблюдать редкое и любопытное явление природы, известное под названием «призрака Броккена».[6]

Возвратившись уже при свете луны на перевал, мы расположились было на ночь в убежище Горье, но невыносимый холод и сырость, царившие в этой маленькой пещере, скоро выгнали нас оттуда. Решили ночевать под открытым небом, хотя холод и здесь, на высоте трех тысяч метров, был весьма ощутим. Заснуть нам так и не удалось, и мы просидели всю ночь, скорчившись от холода и наблюдая за медленным движением созвездий по ночному небу в величавой тишине и спокойствии, которые свойственны большим высотам.

Едва дождавшись рассвета, мы уже тронулись в путь. По дороге спугнули стадо быстроногих пиренейских серн, перебрались через рождающийся на перевале горный ручей, поднялись по пустынным каменным осыпям, которые, по-видимому, отпугивают альпинистов от этих неприветливых мест, и, достигнув пещеры, спустились на лед подземного озера, расположенного при входе.

Второй этап исследования начался.

По моим предположениям, ледяная пещера должна была иметь второй выход на противоположном склоне горы, и я надеялся, что подземный ледник в конце концов приведет нас к нему. На наличие у пещеры второго выхода указывал сильный, непрерывно дующий внутри нее ветер, который охлаждал проникавшую сюда с поверхности воду и быстро превращал ее в лед.

Я был уверен, что мы сумеем преодолеть препятствия, которые встретятся на нашем пути под землей.

Первым делом мы подробно обследовали подземный зал, который лишь бегло осмотрели во время первого посещения пещеры.

Этот зал, огромный куполообразный свод которого возвышается над ледяным пространством примерно в 2800 квадратных метров, производит весьма внушительное впечатление. Исполинские каменные глыбы, упавшие когда-то с потолка, вмерзли в толстый слой кристально чистого льда. Прозрачность его такова, что на глубине до двух метров можно отчетливо различить мельчайшие камешки.

Через трещины и расселины в своде и стенах обильно сочится вода, питающая подземный ледник. Попадая в зал, где температура никогда не поднимается выше нуля, вода тут же замерзает, образуя причудливые нагромождения льда, напоминающие ледяные торосы в полярных морях.

Самая мощная из просачивающихся с поверхности водяных струй стекает в подземный зал по вертикальной расселине, где превращается в прозрачный ледяной каскад высотой 20–25 метров. Вершина его теряется в темноте огромного свода. Весьма вероятно, что нижние слои подземного ледника состоят из ископаемого льда, который образовался в отдаленную геологическую эпоху и с тех пор никогда не таял.

Будучи уже знакомы с внутренним строением пещеры и располагая на сей раз более мощными средствами освещения, мы продвигались вперед гораздо быстрее и увереннее, чем месяц назад, когда в нашем распоряжении была одна-единственная свеча и нам приходилось все время опасаться разных неприятных неожиданностей и ловушек, подстерегающих исследователя под землей. Ледяной пол пещеры был так идеально гладок, что мы скоро принялись скользить по нему, как на коньках. Занятие этим доселе не известным видом подземного спорта, соединяя приятное с полезным, немного согрело наши заочеченевшие тела, уже свыше двенадцати часов подвергавшиеся мучительному холоду.

Мы веселились, словно маленькие дети, на этом импровизированном подземном катке, где гулкие своды отражали и усилива-

ли во сто крат звук наших скольжений по льду, шум падений, восклицания и смех. Эхо было настолько сильным, что не позволяло нам разговаривать друг с другом на расстоянии свыше тридцати метров: все слова сливались в сплошной невнятный гул.

Некоторое время мы с любопытством разглядывали большую птицу с распростертыми крыльями, вмерзшую в толстый, совершенно прозрачный лед на глубине около пятидесяти сантиметров у нас под ногами. По красному клюву и лапкам мы без труда признали в ней альпийскую галку. Огромные стаи этих крикливых птиц гнездятся на отвесных скалах по соседству с перевалом Роланда.

Вернувшись в центральную галерею, мы констатировали, что за жаркий летний месяц, прошедший со времени нашего первого посещения, никаких существенных перемен в состоянии подземного ледника не произошло. Лишь несколько свисавших с потолка ледяных сталактитов исчезли или наполовину растаяли да струйки талой воды избороздили кое-где гладкую поверхность ледяного пола.

В наших рюкзаках не нашлось достаточно длинной веревки, и поэтому мы не смогли исследовать ледяной колодец, зияющий в полу центрального коридора, или хотя бы измерить его глубину. Осторожно обойдя провал, как и в прошлый раз, по узкому карнизу, мы сделали при свете магния несколько фотоснимков, а также произвели топографическую съемку с помощью компаса.

Эта работа отняла у нас довольно много времени. Покончив с нею, мы снова устремились вперед по зеркальному льду, где наши ботинки, подбитые гвоздями, пришлись как нельзя более кстати.

Скоро в каменной стене коридора справа, на высоте человеческого роста, открылась горизонтальная трещина, которая сразу привлекла мое внимание. Решив исследовать ее, я недолго думая протиснулся в узкую щель, предварительно бросив в нее несколько кусков льда. Они исчезли в глубине, из которой тут же донеслось характерное: «плуф!», указывающее на присутствие подземного ручья или водоема.

Минуту спустя, следуя за обломками льда, я сполз — головой вниз и ногами вверх — в тесный каменный мешок, где принялся изо всех сил тормозить руками, локтями и коленями, чтобы не окунуться в воду — такую чистую и прозрачную, что я обнаружил ее присутствие только тогда, когда края моей шляпы погрузились в нее.

Лишь приложив поистине невероятные усилия, мне удалось избежать ледяной ванны. В другое время и при других обстоятельствах такое непредвиденное купание не представляет для

спелеолога ничего страшного. Обычное дело! Но здесь, в ледяной пещере, где температура воздуха не поднимается выше нуля и вода мгновенно превращается в лед, я не мог позволить себе подобного риска. Пальцы мои и без того онемели от холода, а кожаные ботинки промерзли и залубенели. Бегло осмотрев узкий каменный лаз, дно которого заполняла вода, поблескивавшая при свете свечи, которую я держал в зубах, я решил не испытывать судьбу и повернул обратно.

Выбравшись кое-как из трещины, я присоединился к жене, которая, не имея возможности наблюдать за моими акробатическими упражнениями, так сказать, визуально, довольствовалась тем, что с любопытством прислушивалась к всплескам воды и моему недовольному бормотанию.

Немного передохнув, мы ринулись на приступ первого ледяного каскада. Лишь с большим трудом удалось нам форсировать эту скользкую ледяную преграду и втиснуться со всем нашим багажом — ледорубами и тяжелыми рюкзаками — в узкую отдушину, открывавшуюся на вершине.

Второй ледяной каскад, свисающий широкой белой лентой с абсолютно отвесной каменной стены, оказался еще более сложным. Даже встав на плечи друг другу, мы не могли дотянуться до его вершины. Решив, однако, во что бы то ни стало преодолеть препятствие, я без всякой галантности или снисхождения к женской слабости поставил свои подбитые железом ботинки на плечи жены и, хватаясь за трещины и выступы каменной стенки, стал медленно подтягиваться на руках к вершине каскада.

Ледоруб, удачно воткнутый в стену моей мужественной спутницей, послужил опорой для моей ноги и помог добраться до небольшого Карниза, а оттуда — до вершины каскада.

Несколько минут спустя вторая половина экспедиции, вместе с рюкзаками и ледорубами, была поднята туда же.

Мы очутились в узкой наклонной галерее, круто уходившей вверх. Пол ее был также покрыт толстым слоем льда. В конце галереи маячил слабый луч дневного света.

Охваченные нетерпением, мы чуть ли не бегом преодолели этот узкий проход и внезапно очутились в круглом, правильной формы зале, напоминавшем ротонду. В сводчатом потолке его, на высоте нескольких метров, зияло порядочное отверстие, сквозь которое лился дневной свет и виден был кусок темно-голубого неба.

Мы обошли зал кругом, тщательно осматривая его стены в поисках выхода. Скоро внимание наше привлекло маленькое боковое отверстие, замаскированное сугробом снега, загромаждавшим зал.

Втиснувшись в это отверстие, мы сделали несколько шагов по каменному коридорчику и обнаружили, что от поверхности земли нас отделяет пласт известняка толщиной всего лишь в несколько метров. На потолке коридора то тут, то там зияли круглые отверстия, подобные тому, которое мы видели в своде круглого зала-ротонды.

Выбрав среди этих естественных колодцев наиболее легкий и удобный для подъема, я сбросил с плеч рюкзак, чтобы быть свободнее в движениях, и приготовился к очередному акробатическому упражнению, как вдруг раздавшийся над самыми нашими головами протяжный, искусно модулированный свист буквально пригвоздил нас обоих к месту.

Где мы? В какой точке собираемся выйти на поверхность и что за человек находится в такой ранний час в горной местности, которая считается абсолютно пустынной и безлюдной?

Увидев нас, он, конечно, будет удивлен не меньше, чем мы. И действительно, когда я энергичным рывком подтянулся к отверстию колодца и выскочил из недр земли, словно игрушечный чертик из своего ящика, автор мелодичного свиста проявил самое живое любопытство, но не тронулся со скалы, на которой сидел.

И все же из нас двоих наиболее удивленным оказался я. Потому что вместо испанского контрабандиста, заблудившегося альпиниста или местного охотника за сернами, которых я приготовился встретить, я очутился в присутствии грациозного краснокрылого стенолаза. Он, по-видимому, нисколько не испугался моего внезапного появления и затем в течение целого часа порхал вокруг нас со скалы на скалу, мелодично посвистывая и позволяя любоваться изяществом своего полета и ярко-красными маховыми перьями на крыльях.

Этот симпатичный представитель семейства воробьиных, так же, как и горный зяблик, является постоянным обитателем больших высот. Его можно встретить на самых крутых и труднодоступных горных вершинах. Жители пиренейских долин незнакомы с ним, в горах он попадаетея тоже не часто и, подобно всем животным и птицам, редко видящим человека, совсем небоязлив. Любопытство делает его доверчивым.

Тем временем моя жена, ухватившись за ручку протянутого мной ледоруба, тоже выбралась из колодца. Мы уселись рядом на скалистом выступе и стали осматриваться, стараясь догадаться, где мы находимся.

Войдя в недра земли на западном склоне безымянного пика высотой 2675 метров, согласно карте, мы вышли на свет на восточном его склоне, среди неопишуемого хаоса и нагромождения камней, которое геологи называют карром.[7] Название это много

говорит тому, кто хоть раз ходил по такой местности.

Ломоть хлеба с его бесчисленными дырочками и пустотами дает лишь слабое представление о геологическом рельефе, носящем название карра. Провалы и туннели, воронки и ложбинки, разделенные каменными гребнями и перегородками с острыми, словно лезвие ножа, краями, зубцами и ребрами, — таков ландшафт местности, именуемой карром. Путнику, рискнувшему передвигаться по этой пересеченной местности, приходится непрерывно предаваться самой рискованной и беспорядочной гимнастике. Ему иной раз трудно даже выбрать место, куда поставить ногу.

Подземный ледник, который мы только что обследовали, обязан своим происхождением этому пористому, словно изъеденному рельефу. Стихии природы в течение тысячелетий разрушают известняки, которыми в основном сложены Пиренейские горы, вода по трещинам и пустотам просачивается в недра земли и промывает там обширные и разветвленные пещеры.

Карр, на котором мы находились, оказался примечательным тем, что на глубине 5—10 метров от поверхности все углубления и воронки, усеивающие его, сообщались между собой целым лабиринтом узких туннелей, лазов и небольших залов, слабо освещенных дневным светом, проникающим сюда сквозь многочисленные отверстия в сводах.

Таким образом, под карровым рельефом находится как бы нижний, подземный этаж его, где за долгие снежные зимы скапливаются целые горы снега, попадающего туда через отверстия в сводах. Летом снег этот понемногу тает, но как только талая вода просочится на несколько метров вглубь, где на нее уже не воздействуют горячие лучи солнца, теплые ветры и дожди, она снова замерзает, образуя редкое явление, называемое подземным ледником.

Спустившись в один из таких карстовых колодцев, исследователь с изумлением обнаруживает, что может свободно циркулировать по залам нижнего этажа, заваленным коническими сугробами снега, сыплющегося сюда зимой сквозь устья колодцев. Под слоем снега и льда предательски скрыты колдобины и лужи чистой талой воды, абсолютно неразличимой на белом фоне.

Толщина снежного покрова здесь такова, что пробраться из одной залы в другую иной раз можно только ползком.

Мы обследовали всю площадь карра, занимающего примерно гектаров сорок. Затем, изрядно уставшие, отыскали пирамиду камней, воздвигнутую нами у входа в ледяную пещеру, и растянулись на земле возле нее. Через несколько минут я обнаружил, что жена моя спит крепчайшим сном.

Мы провели прошлую ночь под открытым небом, на высоте около трех тысяч метров, без спальных мешков, и от холода так и не смогли уснуть до самого утра. С рассвета мы были уже на ногах и, добравшись до ледяной пещеры, прошли ее насквозь, преодолевая препятствия, попадавшие на пути. Исследование площади карра вконец измотало нас; мы едва держались на ногах.

Поэтому, справедливо считая, что сон альпиниста так же священен, как сон солдата, я предоставил моей спутнице спать в свое удовольствие, сам же, возбужденный только что законченным увлекательным исследованием и предполагая, что в этой карстовой местности непременно должны быть другие неизвестные пещеры, не мог усидеть на месте. Вырвав листок из блокнота, я написал на нем несколько слов и приколот записку к фетровой шляпе, лежавшей на земле рядом со спящей. Записка гласила: «Хочу обследовать карр в северном направлении. Вернусь к пятнадцати часам».

И вот я снова шагаю среди хаотического нагромождения камней, перепрыгивая через воронки и трещины, обходя колодцы и промоины, перелезая через скалистые гребни и толстые пласты снега, покрывающие уступы и террасы испанского склона цирка Гаварни, расположенные между Каск и Тур дю Марборе.

Вдали, на севере, карр как будто бы заканчивается, наконец, обширным фирновым полем, за которым темнеет каменная стена горного склона. Добираюсь до конца карра, шагаю по снежному полю и внимательно рассматриваю возвышающуюся впереди скалистую стену. У подножия ее чернеет пятно, которое тотчас же привлекает мое внимание. Что это: вход в пещеру, углубление в стене или просто тень?

Я никогда не колеблюсь в таких случаях, и в этом, вероятно, секрет всех моих успехов и большинства открытий. Конечно, риск всегда велик, а потеря времени и сил значительна, но в нашем ремесле не приходится жалеть ни того, ни другого.

Короче говоря, против всякого вероятия и, по-видимому, против очевидности, я начинаю — правда без особого восторга! — рубить ступеньки в твердом фирне, поднимаясь по крутому склону к подножию скалистой стены. Наконец, изрядно запыхавшись и совершенно обессилив, добираюсь до цели, бросаю скептический взгляд на проблематическую расселину, ради которой я предпринял этот каторжный труд и которая, по всей видимости, не принесет мне ничего, кроме разочарования (как, впрочем, многие другие!). Конечно же, гораздо умнее было бы остаться у сложенного нами каменного тура и сладко вздремнуть, восстанавливая силы, как делает это в настоящее время моя разумная жена.

Посмотрим все же, что представляет собой эта загадочная рас-селина! Делаю еще несколько десятков шагов, отделяющих меня от подножия скалы, подхожу ближе — и вот уже притягательная сила неведомого, демон приключений овладевает мной, толкает стремительно вперед: углубление в каменной стене оказалось действительно входом в пещеру. Биение моего сердца, уже изрядно натруженного долгим подъемом по вырубленным в фирне ступенькам, становится еще сильнее и чаще, но теперь оно стучит уже от предвкушения нового открытия. Лихорадочно выхватываю из кармана свечу, зажигаю ее и ныряю под низкий свод.

Пройдя на четвереньках входную арку, я сразу же поднимаюсь на ноги и, защитив ладонью колеблющееся пламя свечи, начинаю осматриваться.

Сначала мрак кажется абсолютно непроницаемым для моих глаз, ослепленных сиянием снега под лучами полуденного солнца. Но мало-помалу они начинают привыкать к окружающей темноте, и я различаю под ногами удаляющуюся перспективу подземного ледника, довольно круто уходящего вниз, и спускаюсь по нему маленькими шажками, опираясь на ледоруб. На глубине примерно десяти метров ледяная дорожка выводит меня в обширный подземный зал, загроможденный глыбами льда и камня. Слабый свет свечи не позволяет определить хотя бы приблизительно размеры этого зала, но я ясно вижу, что ледяная дорога продолжается вправо, снова круто уходя вниз. Спускаюсь по ней еще метров на десять — и оказываюсь в новом зале, пол которого опять-таки устлан толстым слоем льда. Свет моей свечи неожиданно получает поддержку: целый сноп лучей дневного света проникает в подземный зал через круглое отверстие в высоком своде. Этот льющийся сверху свет скользит по закованным в ледяной панцирь стенам пещеры, зажигая в них голубовато-зеленые отсветы, придающие пещере совершенно фантастический вид.

Пересекаю зал и углубляюсь в просторную галерею, где меня снова обступает крошечный мрак. Медленно продвигаюсь вперед по гладкому, будто отполированному льду, ощупывая ледорубом дорогу словно слепец. Вдруг я замечаю, что ледяной пол впереди стал еще более темным...

Заинтригованный этим непонятным явлением, я останавливаюсь — и вовремя! Нагнувшись и осветив пол коридора светом свечи, вижу, что темное пятно на нем — не что иное, как провал, пустота! Ледяная дорожка внезапно обрывается в эту черную пустоту, где я с моим несовершенным светильником ничего не могу разглядеть.

Галерея в этом месте довольно широка. Перехожу от одной стены к другой в поисках хотя бы узенького карниза, по которому можно было бы обогнуть провал, но «линия отреза» простирается во всю ширину коридора, от одной стенки до другой. Всюду передо мной лишь мрак и угрожающая пустота. Приближаюсь, насколько это возможно, к краю провала, учитывая зеркальную гладкость льда и то, что мои ботинки подбиты простыми гвоздями, без шипов. Ледяная дорожка, устилающая пол, исчезает в провале, чуть закругляясь на его краю, словно река, перекатывающаяся через преграду.

У меня под рукой нет ничего, что я мог бы бросить в провал и определить хотя бы приблизительно его глубину. Каменные глыбы торчат кое-где изо льда, но они так крепко вмерзли в пол, что их не вырвать из ледяного плена. Довольствуюсь тем, что отбиваю ледорубом несколько ледышек и бросаю в пустоту. Однако ледяные осколки слишком малы и легки; я не слышу звука их падения на дно пропасти.

Приходится скрепя сердце повернуть обратно.

Выбравшись без приключений из пещеры на поверхность, я снова пересек снежное поле и карр, разыскал каменный тур и застал жену за починкой юбки, сильно пострадавшей во время утреннего штурма ледяных каскадов. (В ту эпоху женщины, отправляясь в горы, еще надевали юбки, и хотя юбки эти и были короткими, они тем не менее сильно стесняли их в движениях, а в некоторых случаях представляли и вполне определенную опасность.)

Я рассказал своей спутнице о сделанном мною новом открытии, но так как у нас была разработана четкая календарная программа работы и нам предстояло в ближайшие дни заниматься исследованиями в другом секторе горной местности, мы направились туда, обещая себе вернуться в ближайшее время во вновь обнаруженную ледяную пещеру.

Но спелеологи предполагают, а обстоятельства располагают. Другие задачи, другие исследования и экспедиции в другие края и другие страны отвлекли нас. Затем началась гражданская война в Испании, франко-испанская граница была закрыта, и всю работу в пограничных горных районах пришлось свернуть. А вскоре грянула вторая мировая война и отодвинула надолго наши планы. Но меня никогда не покидало желание увидеть еще раз открытую мной ледяную пещеру, которой вскоре, как я имел удовольствие узнать, было присвоено название «ледяной грот Кастере», в память нашего совместного открытия и нашей «семейной» спелеологической экспедиции в район горного массива Марборе. Шли годы, а я все никак не мог выбрать время, чтобы

снова побывать в тех местах и завершить исследование пещеры.

* * *

Наконец, в июне 1950 года, после двадцатичетырехлетнего перерыва, я вновь поднимаюсь на пограничный хребет, отделяющий Францию от Испании. Вот и перевал Роланда, открывающийся в высшей точке цирка Гаварни, на высоте трех тысяч метров.

На этот раз со мной — увы! — нет ни жены, скончавшейся десять лет назад, ни матери, все еще бодрой, но уже отметившей свое восьмидесятилетие, ни брата — доктора Марциала Кастере, которого удержали дома неотложные дела, связанные с его профессией.

И все-таки это снова, как и двадцать четыре года назад, семейная экспедиция, потому что меня сопровождают в походе две молодые девушки — мои старшие дочери Мод и Жильберта. Я веду их в горы по своим старым следам и следам их матери.

Мы переночевали, как и тогда, под открытым небом, неподалеку от перевала Роланда. Однако на сей раз холод не показался нам таким чувствительным благодаря пуховым спальным мешкам, которые мы предусмотрительно захватили с собой. На рассвете мы поднялись, и я повел своих девочек к ледяному гроту Кастере, который им не терпелось увидеть. Рассказы о том, как этот грот был открыт, они не раз слышали в детстве.

Я демонстрирую Мод и Жильберте вход в ледяную пещеру, вспоминая с понятным волнением события, сопровождавшие открытие этой пещеры в 1926 году.

Ничто не изменилось здесь за двадцать четыре года, с момента первого посещения. Все тот же толстый слой льда устилает пол пещеры, все те же ледяные колонны и минареты высятся вокруг, навсегда застывшие на своих местах в этом безмолвном и безжизненном мире, где ничто не меняется, не развивается, не движется. Во всяком случае, в масштабе короткой человеческой жизни.

Слушая шумные восклицания и жадные расспросы моих дочерей, я мысленно переношусь в далекое прошлое, когда юный и певучий голос верной спутницы моей жизни, которой в те дни едва исполнилось двадцать лет — возраст моих дочерей сегодня, — звенел под мрачными сводами только что открытого нами ледяного грота Кастере.

И внезапно я чувствую себя очень старым и усталым, словно раздвоенным между раздирающей сердце скорбью о безвозвратно ушедших временах и трепетной радостью увидеть вновь эти места, свидетелей наших тогдашних чувств, когда мы вдвоем — оба молодые и сильные, полные юношеского задора, энергии и

азарта, — двинулись навстречу неведомому по белой дороге под-земного ледника.

Сегодня мы идем по тому же пути с гораздо большей уверенностью и, я сказал бы, удобством: подошвы наших горных ботинок снабжены специальными стальными шипами, острыми и длинными; они крепко цепляются за лед и придают походке устойчивость и непринужденность, которых мы не знали в тот раз, когда у нас на ногах были ботинки, подбитые простыми гвоздями.

Это усовершенствование в экипировке и тот факт, что места мне уже знакомы, позволяют нашему маленькому отряду задерживаться там, где хочется, исследовать ледяной грот во всех направлениях, забираясь в такие места, куда мы при первом исследовании не имели ни времени, ни возможности проникнуть.

Мои дочери шныряют повсюду, осматривают все закоулки, надеясь отыскать продолжения или ответвления пещеры, которые могли ускользнуть от нашего внимания четверть века назад. Забавляясь в душе и слегка умиляясь, я наблюдаю эту столь знакомую мне горячку исследования, овладевшую обеими девочками. Вижу, как Мод ложится на лед и пытается проползти под низким сводом бокового лаза, открывающегося в каменной стене коридора. Она вползает под свод медленно, с большими усилиями, так как лаз очень узок и спина ее то и дело задевает за неровности потолка, а колени скользят по гладкому льду. Скоро становятся видными только подошвы ее ботинок. Внезапно ноги Мод начинают судорожно цепляться за выступы каменной стены, словно для того, чтобы удержаться или замедлить движение. Еще не отдавая себе ясного отчета, что происходит, я бросаюсь вперед, хватаю Мод за ноги и вытаскиваю обратно. Что случилось? С обычной своей невозмутимостью Мод объясняет, что ледяная дорожка под ней вдруг круто пошла под уклон и она едва не скользнула головой вниз в темноту. Случай довольно обычный в нашей практике, однако Мод, видимо, почувяла что-то неладное. Вооружившись большим куском льда, она требует тишины и сталкивает ледяной обломок в каменный лаз. Ответ, полученный с помощью этого нехитрого способа, пригвоздил нас к месту, заставив содрогнуться от ужаса.

Ледяной обломок скользнул под низкий свод, последовала пауза, и наконец где-то глубоко внизу послышался глухой удар и тонкий звон разбитого льда. Он вибрировал в воздухе несколько секунд и замер. Каменный лаз оказался устьем глубокого вертикального колодца.

Все трое мгновенно представили себе трагедию, которая могла произойти. Если бы Мод не затормозила так энергично, а я не успел схватить ее за ноги, она упала бы головой вниз в ледяной

колодец неизвестной, но несомненно значительной глубины...

О существовании этого колодца не упоминает никто из многочисленных посетителей ледяной пещеры, побывавших здесь с 1926 года. Во всяком случае, сообщения подобного рода в печати не появлялось.

Жильберта тем временем разматывает веревку, которую она накрутила на себя крест-накрест, отправляясь в поход. Один конец веревки мы крепко держим, прочно вцепившись в лед шипами своих ботинок, другой привязываем к ноге Мод, которая снова лезет в отверстие, все так же головой вперед. Она будет подавать нам команду маневрировать веревкой, понемногу отпуская ее, и таким образом не рискует больше свалиться в колодец. К тому же теперь в руках у нее мощный электрический фонарь.

Скоро Мод просит нас придержать веревку, и мы слышим, как она бросает в пропасть обломки льда, которые следуют тем же путем, что и первый.

Затем я сам, надежно привязанный за лодыжку, в свою очередь пролезаю с большими усилиями под низким сводом, едва не повредив грудную клетку, и добираюсь до места, где ледяной пол внезапно уходит вертикально вниз. Бросаю в колодец несколько ледяных обломков и, направив свет своего фонаря в глубину, тщетно пытаюсь увидеть дно пропасти.

О том, чтобы спуститься туда, не может быть и речи. Имеющаяся в нашем распоряжении веревка слишком коротка, а главное, недостаточно прочна и едва ли выдержит наш вес, если повиснуть на ней в пустоте. С великим огорчением мы вынуждены отказаться на сей раз от исследования обнаруженного нами колодца, который, по-видимому, ведет в нижний, неизвестный этаж пещеры.

* * *

Несколько часов спустя мы стоим уже у входа в другую пещеру — ту, которую я открыл некогда значительно выше первой, к северу от карра, и о которой не переставал думать с 1926 года, спрашивая себя, какова глубина ледяного колодца, остановившего меня тогда, и что может быть на дне его.

В этой пещере, как и в первой, ничто не изменилось за истекшие годы. Низкий вход, уходящая вниз ледяная дорожка, круглый зал, освещенный через отверстие в своде, затем снова мрак и продвижение ощупью по горизонтальному коридору, вплоть до пропасти, куда под прямым углом низвергается подземный ледник, — черной пустоты, которая произвела на меня тогда такое сильное впечатление. Вижу, что мои дочери тоже испытывают волнение, глядя на нее. Быть может, они вдруг со всей отчетливо-

стью представили себе, что мне не впервые попадать в рискованные положения, подобные сегодняшним.

Мы стоим все трое на почтительном расстоянии от скользкого края пропасти и оживленно обсуждаем ее предполагаемую глубину. Свет наших электрических фонарей недостаточно силен, чтобы рассеять мрак и достичь дна. Я отрываю с трудом несколько вмерзших в лед каменных обломков и кидаю их в черную пустоту.

Кажется, глубина колодца не слишком велика, но непонятно, что же находится на дне его? Судя по звуку, наши камни падают не на лед, но и не на камень. Поразмыслив, приходим к выводу, что они погружаются в ледяное крошево какого-нибудь подтаивающего подземного озера или болота.

Приземлиться в такую ледяную кашу — перспектива не из приятных. Но что поделаешь? Выбора у нас нет. Вот уже двадцать четыре года я жду этой минуты и откладываю исследование колодца не в моих силах. Нашей веревки, хотя и слишком тонкой, все же должно хватить, даже если мы для прочности сложим ее вдвое.

Я крепко вбиваю в лед свой ледоруб и привязываю к нему веревку. Мои девочки держат конец веревки и будут травить ее мало-помалу, по мере того как я буду спускаться.

Приблизившись к скользкому краю пропасти, я поворачиваюсь к нему спиной, встаю на колени, затем ложусь на бок и, крепко ухватившись обеими руками за веревку, сползаю с края и скольжу вниз вдоль вертикальной ледяной стенки. Вскоре ноги мои касаются твердой поверхности, скользят по ней — и вот я уже сижу на груди зернистого льда, впрочем достаточно плотного, чтобы выдержать тяжесть моего тела.

По-видимому, это дно колодца. Еще не оправившись от пережитого волнения, я поднимаюсь на ноги, очень довольный тем, что спуск так быстро закончился, и говорю себе тихонько; «Ты еще герой, старина!» Затем окликаю моих девочек и сообщаю им, что стою на рыхлом льду на дне колодца и собираюсь обследовать его во всех направлениях.

С величайшей осторожностью продвигаюсь я шаг за шагом по краю круглого ледяного озера, заполняющего дно пещеры. Определив контур и размеры этого озера, я констатирую, что его ограждает с одной стороны вертикальная ледяная стена, на вершине которой мелькает временами слабый свет фонарей Жильберты и Мод. Справа и слева высятся такие же отвесные каменные стены, а впереди меня ледяная поверхность поднимается двумя-тремя крутыми уступами вверх; за ними пещера как будто бы продолжается уже горизонтально. Значит, сюда мне и следует напра-

вить свои шаги.

Однако продвижение по гладкому как зеркало льду сильно затруднено тем, что я перед спуском снял с ботинок стальные шипы (чтобы они не мешали мне скользить по веревке) и оставил их наверху. Ну что ж, у меня зато есть ледоруб, который я, спускаясь, предусмотрительно прицепил к поясу; он поможет мне при ходьбе по скользкому льду.

Однако, взобравшись примерно до половины крутого ледяного откоса, я внезапно теряю равновесие и кубарем лечу вниз, делая отчаянные, но тщетные попытки ухватиться за что-нибудь и остановить или хотя бы замедлить это нелепое и беспорядочное падение. Прихожу в себя лишь в самом низу откоса и, растянувшись во весь рост на гладком льду, скольжу по нему плавно и величественно, словно пакетбот, входящий в гавань, когда машины уже застопорены.

Первым делом успокаиваю дочек, сильно напуганных грохотом моего падения. Их встревоженные голоса окликают меня сверху. Затем подвожу итоги катастрофы: глубокая царапина на лбу, разбитые очки и два сломанных ногтя на левой руке. В общем, не так уж скверно! Поднимаюсь на ноги, презирая себя за неловкость, и ворчу вполголоса: «Нечего сказать, хорош герой!»

Затем иду за своим ледорубом, который пролетел при падении дальше, чем я. А еще дальше, у самого подножия каменной стены, лежит мой электрический фонарь. К счастью, он не разбился и продолжает освещать отвесный берег ледяного озера, остановивший его полет.

Я настроен весьма воинственно и отнюдь не намерен отказываться от дальнейшего исследования пещеры. Вырубая ступени ледорубом, быстро преодолеваю злополучный откос и вступаю в горизонтальный коридор нижнего этажа пещеры, который вскоре заканчивается новым ледяным озером. Круглое зеркало его окружают со всех сторон отвесные каменные стены. Лед здесь так прозрачен, что можно увидеть на глубине нескольких метров вмерзшие в лед камни.

Гигантский сталактит из кристально чистого льда свисает с высокого свода почти до самого пола. Каменные стены одеты толстым ледяным панцирем, который образует непрерывно сочащаяся сверху вода. Здесь конец пещеры, названной нами «пещерой Ледяной стены» в честь препятствия, которое мне удалось преодолеть лишь двадцать четыре года спустя после первого посещения.

Выбравшись благополучно на поверхность, мы решили закончить на том наш трудовой день, совершенно измотанные бесконечными акробатическими упражнениями и заочневшие от

долгого пребывания в ледяных подземных дворцах.

К тому же батарейки наших фонарей грозили кончиться, и элементарная осторожность заставила нас отложить до следующего раза более подробное обследование обеих ледяных пещер.

* * *

Эта вторая экспедиция не замедлила состояться. Но началась она под знаком усталости и серьезных сомнений. Судите сами: кроме обычного груза продовольствия, теплой одежды и спальных мешков, наполняющих доверху тяжелые рюкзаки тех, кто собирается провести несколько дней в горах, мы вынуждены были тащить на своих плечах кучу снаряжения, которое не принято брать с собой на высоту трех тысяч метров: веревки, электроновую[8] лестницу, ледовые крюки, ацетиленовые лампы, запас карбида, фотоаппаратуру для подземных съемок и множество других мелочей, необходимых спелеологам в работе.

Эти необычные и разношерстные грузы вызвали немало веселых шуток в наш адрес, когда мы проходили по улочкам деревушки Гаварни, заполненным толпой туристов, предел мечтания для которых — добраться хотя бы до подножия высокогорного цирка.

Два часа спустя мы уже входили в пещеру Кастере, намереваясь совершить спуск в пропасть вдоль ледяной стены, обнаруженной в прошлый раз Мод при известных уже волнующих обстоятельствах.

План спуска был нами, разумеется, выработан заранее. Перед низким сводом, служащим входом в пропасть, куда можно проникнуть только ползком, я вбиваю в пол толстый ледовый крюк. Один конец гибкой лестницы прочно закреплен за этот крюк, другой спущен в отверстие, где он развернулся и пополз вниз, позвякивая в пустоте своими металлическими ступеньками. Я обвязываюсь спасательной веревкой, ложусь на землю и вползаю ногами вперед под низкий свод, меж тем как девочки держат обеими руками конец веревки, страхуя мой спуск.

С трудом протискиваюсь сквозь узкий каменный лаз, затем соскальзываю вниз и, нащупав в темноте лестницу, ставлю ногу на первую ступеньку. Лестница свободно свисает в пустоте, покачиваясь вдоль отвесной ледяной стены, которая производит даже на меня ошеломляющее впечатление. В жизни моей я не видел ничего подобного, не представлял себе даже, что такое чудо может существовать! Спускаюсь все ниже и ниже, почти прикасаясь лицом к фантастической, абсолютно отвесной стене зеркально-гладкого сверкающего льда.

Мой восторг перед этим волшебным зрелищем умеряется, однако, тревожной мыслью о том, что моя тонкая лестница висит в

пустоте, удерживаемая лишь вбитым в лед стальным крюком. К тому же колебания и позвякивание ступенек подо мной указывают на не менее тревожное обстоятельство: нижний конец лестницы не достигает дна пропасти и покачивается в пустоте.

Так оно и есть на самом деле! Поставив ногу на последнюю ступеньку, я обнаруживаю, что нахожусь примерно в двух метрах от дна пропасти, вернее, от толстого слоя льда, устилающего покатым пол большого подземного зала, куда я благополучно прыгиваю со своей воздушной трапеции.

Быстро оглядевшись, отмечаю, что исследование нижнего этажа пещеры может быть продолжено в нескольких направлениях, и, не теряя времени, кричу Мод, чтобы она спускалась ко мне. Дочь с готовностью выполняет мое распоряжение и скоро прыгивает с лестницы в мои объятия. Теперь Жильберта, которая следит за нашими действиями сверху, крепко уцепившись за стальной крюк, может наконец разжать руки, подняться и предупредить нас, что после двухкратного спуска по лестнице ледовый крюк сдвинулся с места и немного расшатался...

В нашем распоряжении два электрических фонаря и две ацетиленовые лампы. Соединив их, мы получаем достаточно мощное освещение для того, чтобы осмотреть во всех деталях подземный зал. Пол его, покатым, как я уже сказал, и очень неровный, имеет в длину около пятидесяти метров. Посреди зала возвышается колонна из чистого льда, величественнее которой я ничего не видел. Вершина колонны суживается и теряется во мраке свода; основание у нее широкое и устойчивое.

В стенах зала открывается несколько отверстий и лазов, но устья их, к сожалению, плотно закупорены льдом и совершенно непроходимы.

Однако больше всего нас поражают гигантские размеры ледяной стены, которую мы освещаем теперь снизу доверху. Пятьдесят метров в длину и 15–20 метров в высоту — таково ее протяжение. Абсолютно отвесная, гладкая, как хорошо отполированное стекло, эта стена, толщину которой невозможно определить на глаз, состоит из ряда горизонтальных слоев, последовательно прозрачных и непрозрачных, производящих необычайно эффектное впечатление.

Думаю, не будет преувеличением сказать, что на протяжении всей моей долгой карьеры спелеолога я не видел ничего равного этой величественной «ледяной Ниагаре», как мы тут же окрестили ее. Подумать только, что я прошел когда-то мимо этого чуда природы, не заподозрив даже его существования, еще до рождения той, которой принадлежит честь его открытия. В моих личных записях «ледяная Ниагара» пещеры Кастере находится, разу-

меется, в «зале Мод». И это только справедливо, потому что первооткрывательница подземного чуда едва не поплатилась жизнью за свое выдающееся открытие.

Жильберте очень хотелось бы, в свою очередь, спуститься вниз и полюбоваться «ледяной Ниагарой». Но осторожность предписывает спелеологам не спускаться всем сразу в исследуемые пропасти и колодцы. Кто-то обязательно должен оставаться наверху и страховать остальных. Тем более в данном случае, когда вбитый в лед стальной крюк уже подал тревожные сигналы, и надо чтобы кто-нибудь бдительно следил за ним во время подъема партнеров. Спелеология часто требует подобных жертв, и нужно научиться приносить их добровольно и самоотверженно, подчиняясь суровой необходимости.

Итак, не теряя времени, мы готовимся совершить подъем по ледяной стене, что оказывается совсем не легким делом, поскольку наша лестница не достает до пола на целых два метра. В то время как я собираю свою фотоаппаратуру и поспешно делаю заметки в полевом блокноте, Мод внезапно окликает меня. Она обнаружила на ледяном полу предмет, который заинтересовал ее, но она не понимает, что это такое. «Что-то белое, мягкое на ощупь и бесформенное», — поясняет Мод.

Я подхожу ближе и вижу действительно кучку шелковистой шерсти, но не настолько бесформенную, чтобы в ней нельзя было узнать мумифицированное, свернувшееся в клубок тельце горноста (mustela candida), который однажды, быть может много лет назад, упал с высоты «ледяной Ниагары» и нашел свою могилу в вечном холоде подземной пещеры. Никаких признаков разложения не заметно на маленьком тельце, замерзшем сразу же после смерти и сохранившемся нетронутым.

Глядя на погибшего горноста, я невольно думаю о том, что то же самое могло произойти восемь дней назад с моей старшей дочерью, когда она почувствовала, что скользит головой вниз в черную пустоту с вершины «ледяной Ниагары». Стоя рядом, мы молча смотрим на останки маленького существа, и наше молчание красноречивее всяких слов...

На следующий день, рано утром, переночевав под открытым небом среди каменного хаоса ближнего карра, мы вылезаем из спальных мешков и начинаем энергично двигаться, чтобы согреться после холодной ночи. Присев на корточки перед водоемом чистой прозрачной воды, мы с Мод собираемся зачерпнуть ее, чтобы сварить кофе. Но не успели мы пробить нашими алюминиевыми бидонами тонкую корочку льда, образовавшуюся за ночь, как вдруг Жильберта, стоящая рядом, быстро хватается меня за плечо и принимается лепетать нечто невразумительное,

что, прямо сказать, отнюдь не свойственно ее натуре. Она кажется ужасно взволнованной, и когда, наконец, до нас доходит смысл ее слов и мы бросаем взгляд в ту сторону, куда указывает ее рука, мы видим в двадцати шагах от себя, на гребне скалы, двух прелестных пиренейских серн, которые застыли словно изваяния, высоко подняв изящные головки и глядя прямо на нас. Их легкие силуэты четко выделяются на молочном фоне предрассветного неба, — два великолепных экземпляра, с тонкими, грациозно загнутыми назад рогами. Они кажутся более заинтересованными и любопытными, чем испуганными. Серны созерцают нас таким образом долгих полминуты, потом шарахаются, встревоженные, и вдруг уносятся вдаль огромными скачками, с той легендарной быстротой, которая свойственна всем представителям семейства антилоп.

Некоторое время мы находимся под впечатлением этого чудесного утреннего визита. Я немного злорадствую в душе, потому что мои дочери, никогда не видевшие пиренейских серн, афишировали порой свой скептицизм по поводу моих встреч с этими очаровательными существами. На этот раз они видели их своими глазами, и видели совершенно отчетливо, в плоти и крови, — и в мускулах тоже! — потому что серны предаются на наших глазах самым рискованным акробатическим упражнениям. После бешеного галопа по каменистым гребням и выступам карра они начинают взбираться на крутой склон, перепрыгивая с одного почти незаметного карниза на другой и останавливаясь по временам, чтобы взглянуть на нас.

В самый волнующий момент их головокружительного подъема наше внимание отвлечено грохотом падающих камней, и мы видим еще четырех серн, которые мчатся по гребню того же откоса, обрушивая на своем пути целую лавину щебня. Камни катятся, подпрыгивая, вниз по отвесному склону и разбиваются вдребезги у его подножия.

Мы в полном восторге, хотя наш утренний завтрак сильно запаздывает благодаря незабываемому зрелищу, которое нам посчастливилось увидеть в это утро.

Когда все серны наконец скрылись из виду и спокойствие мало-помалу вновь воцарилось в нашем лагере, я заявил моим девочкам непререкаемым тоном:

— Учтите только, дети мои, что вы видели сегодня совсем не пиренейских серн!

— Как не серн? Что ж, по-твоему, это были каменные бараны?

— И не бараны и не серны. Вы видели ребекко!

— Ребекко? Это еще что за животное? И что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу только сказать, что мы находимся в данный момент на территории Испании, в Верхнем Арагоне. А испанское название пиренейских серн — ребекко!

Дружный смех обеих девушек встречает мое заявление.

Тем временем мы кончаем завтракать, и Мод, вооружившись призматическим биноклем, внимательно осматривает ближайшие горные склоны, но уже не в поисках серн или каменных баранов, а лишь в надежде обнаружить на этих склонах входы в неизвестные пещеры.

— Я вижу, я угадываю один такой вход! — заявляет она. — Он недалеко от тех, где мы побывали в прошлый раз!

И она указывает нам на вершине снежного откоса, круто поднимающегося к подножию каменной стены, маленькое, еле различимое темное пятнышко, которое может и вправду оказаться входом в пещеру, но может быть и простым углублением, трещиной в скале.

Во всяком случае, нельзя пренебрегать таким многообещающим признаком в этой горной местности, подарившей нам столько замечательных находок, и где, по логике вещей, нас могут ждать новые волнующие открытия.

Итак, мы берем курс на этот проблематический вход в пещеру. Но прежде чем тронуться в путь, торжественно решаем, что неизвестные, доселе безымянные пещеры этого горного склона отныне будут именоваться гротами Серн хотя бы потому, что сернам, которые так грациозно резвятся здесь на отвесных скалах, несомненно должны быть известны входы во все эти пещеры.

Крутой заснеженный склон, примыкающий к каменной стене, где зоркие глаза Мод усмотрели вход в пещеру, заставил нас изрядно потрудиться, вырубая ступеньки в необычайно твердом в этот утренний час фирне. Мы не сочли нужным надеть шипы на наши ботинки, и это было большой ошибкой, потому что они намного облегчили бы нам подъем.

Вершина фирнового склона увенчана подобием снежной каски; гребень ее закругляется и исчезает в глубине каменного портала, очень низкого и мало располагающего на вид. Мод немедленно лезет под этот свод и тут же появляется снова.

— Ледовая дорожка начинается прямо от входа, — возбужденно объявляет она. — И похоже, что она продолжается...

«Она продолжается» — сакраментальная фраза, лейтмотив дум всех спелеологов, вечно одержимых страхом наткнуться на тупик, завал, пропасть или другое непреодолимое препятствие, прерывающее исследование. Но надежда отыскать хотя бы крошечный лаз, сквозь который можно протиснуться или обойти препятствие, чтобы продолжить продвижение вперед, никогда

не оставляет подлинных энтузиастов подземных исследований.

Мы прикрепляем к подошвам ботинок стальные шипы, зажигаем наши лампы и входим друг за дружкой под низкий свод.

Ледяная дорожка, как уже было сказано, начинается прямо от входа. Но скалистый свод понемногу опускается, и скоро мы вынуждены продвигаться согнувшись, затем встать на четвереньки, а в конце концов лечь плашмя на лед и ползти. Так мы добираемся до круглого подземного зала, который сначала принимаем за окончание пещеры. Однако, обнаружив в одной из стен зала узкий лаз, мы снова терпеливо ложимся животами на лед. Здесь он почему-то влажный, и мы ползем по нему до тех пор, пока не попадаем в следующий подземный зал, посреди которого возвышается двойная колонна из льда, уходя своей вершиной в темноту свода. Под ледяным полом отчетливо слышно журчание воды, и, пройдя несколько шагов, мы видим во льду узкую, но глубокую ложбинку, на дне которой резво бежит ручеек, направляясь прямо в глубину горы. В том же направлении открывается и слегка наклонный коридор; он словно приглашает нас следовать по нему дальше. Но скоро свод коридора опускается, опускается, и мы снова вынуждены передвигаться ползком, толкая впереди себя наши рюкзаки и прочее снаряжение. Тонкая пленка воды, струящаяся поверх ледяного пола, пропитывает насквозь нашу одежду на животе, груди, локтях и коленях. Наклон скользкого пола становится все круче, и это обстоятельство заставляет нас соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не соскользнуть внезапно в какой-нибудь колодец или пропасть, подобную пропасти Ниагара в пещере Кастере.

К этому постоянному страху, а также к отвратительному ощущению мокрой и холодной, прилипшей к телу одежды присоединяется еще одна неприятность: пронзительный ледяной ветер, который дует нам прямо в лицо из морозных недр пещеры.

Но не подумайте, что это тройное препятствие — продвижение ползком по мокрой поверхности льда, опасный уклон коридора и режущий лицо ветер — деморализует или пугает нас. Скажем так: оно все время держит нас начеку. Но зато какое опьянение борьбой, какие изумительные, неповторимые минуты, когда чувствуешь себя противостоящим могучим стихиям природы, которые наши предки несомненно приняли бы за враждебные действия грозных подземных божеств, разгневанных вторжением смертных в их извечные владения.

Итак, мы продвигаемся — то на четвереньках, то ползком, — громко переговариваясь и пытаюсь перекричать свист ветра, который воет и ревет словно дикий зверь в этом морозном вестибюле Плутона — так я называю мысленно бесконечный коридор,

ведущий, без сомнения, прямо в ад, но ад ледяной, в отличие от известной всем геенны огненной.

Мало-помалу, однако, ледяной пол коридора становится более отлогим, ветер слабеет. Пропасть не поглотила нас, ни Цербер, ни Эриннии не растерзали. Взволнованные и возбужденные, мы встаем на ноги в просторном коридоре, где можем наконец обменяться впечатлениями, отжать хоть немного ледяную воду из отяжелевших комбинезонов, вскинуть на спину рюкзаки и придать ледорубам вертикальное положение, опираясь на них при ходьбе, словно какой-нибудь прогуливающийся франт на тросточку.

Краткая остановка, краткий отдых, и мы снова должны возобновить наши гимнастические упражнения, но уже не под низкими каменными сводами, а на очень крутом, почти отвесном откосе. Он приводит нас в новый подземный зал, где мы опять любуемся величественным монументом из льда, который природе угодно было воздвигнуть в таком месте, где ни один человеческий глаз не созерцал его от самого сотворения мира.

Мы идем теперь по руслу нашего подземного ледяного потока, который «течет» совершенно горизонтально и спокойно, словно вырвавшаяся наконец на равнину горная река, по широкому коридору с высокими сводами. Берега, образованные стенами коридора, вертикальны. Сходство ледяного потока с подземной рекой поразительно, и хотя здесь нет мощного течения воды, замерзшей, быть может, много тысячелетий назад, посреди гладкого, как стол, льда струится крохотный ручеек прозрачной воды, пробивший свое узкое ложе в твердом ледяном полу. Эта слабенькая струйка воды, лепечущая свою извечную песенку среди ледяного безмолвия подземных глубин, одна лишь напоминает о могучем потоке, который когда-то, в незапамятные времена, ревел и бесновался здесь в своей каменной тюрьме.

Без стальных шипов ходьба по природному катку, образующему пол в этих очень древних пещерах, прорытых подземными водами в отдаленные геологические эпохи, была бы немислимой.

На каждом шагу наш изумленный взгляд встречает здесь одну ледяную загадку за другой. Приходится также часто останавливаться, чтобы ослабить ремень, которым прикреплены к ботинку стальные шипы, и восстановить кровообращение в пальцах ног, онемевших от холода; чтобы растереть руки, находящиеся на грани обморожения. И подумать только, что дело происходит в самом разгаре лета и что там, на поверхности, под знойным небом июня нас встретят ослепительные и жгучие лучи солнца!

Но увы — в данную минуту мы бесконечно далеки от солнечного света и тепла. С каждым шагом мы все больше углубляемся в

самое сердце горного массива Марборе. Мой браслет-компас, на который я время от времени украдкой поглядываю, показывает, что мы неуклонно движемся к северу.

Мод и Жильберта бодро шагают рядом со мной, позвякивая стальными шипами ботинок о гладкий лед, а меня не покидает мысль о том, что наше путешествие, быть может, кончится тем, что мы приблизимся к стенам цирка Гаварни и, проникнув в недра земли в испанском Арагоне, увидим свет во Франции, в Верхних Пиренеях. Но пока что от испанских склонов Марборе до Мраморных стен цирка Гаварни далеко, и мы продолжаем наш путь.

Высокий прямой коридор внезапно поворачивает под прямым углом, ледяная дорога вспучивается куполом и исчезает в пустоте провала диаметром от 8 до 10 метров, очень глубокого, судя по шуму маленького ручейка, который низвергается здесь в пропасть водопадом. Я приближаюсь, насколько это возможно, к краю провала, бросаю вниз обломки скал, которые разбиваются где-то на ужасающей глубине.

Боюсь, что трудности, связанные с доставкой на высоту трех тысяч метров специального оборудования, долго будут служить препятствием для полного и всестороннего исследования этого обширного провала. Известняковые породы в массиве Марборе достигают толщины до двух тысяч метров, и трудно даже предположить, какой огромной глубины может быть эта пропасть, устье которой находится высоко в горах.

«Это исполинская геологическая поэма», — писал полвека назад об этой местности географ Франц Шрадер, пораженный решающей ролью гидрогеологии в образовании горного массива Марборе. Замечательное научное предвидение позволило ему в свое время предсказать существование колодцев, пещер и пропастей, которые поглощают выпадающие высоко в горах осадки в виде дождя и снега.

Какое счастье для того, кто, исследуя эти подземные ледяные лабиринты, расшифрует до конца все их загадки и поставит последнюю точку в величественной «геологической поэме»!

Увы! Нашей маленькой экспедиции такая грандиозная задача явно не по силам, и нам остается только созерцать издали устье этого головокружительного провала, к краю которого подходить опасно, потому что гладкий словно зеркало лед одевает все вокруг него ледяным панцирем.

Отойдя метров на двадцать от края пропасти, мы наталкиваемся на другое препятствие, но уже иного порядка. Перед нами возвышается, уходя вершиной под темные своды, ледяной каскад, который на первый взгляд исключает всякую мысль о его форси-

ровании, во всяком случае предполагает при этом большие трудности. Но у нас есть ледорубы, которые до сих пор служили нам главным образом в качестве опоры при ходьбе или для выруба- ния ступенек в твердом фирне. Теперь для этого чудесного орудия альпинистов и спелеологов нашлась наконец настоящая работа!

На глазах у моих девочек, которые стоически терпят удары ледяных осколков, сыплющихся на их головы, я выбиваю одну за другой широкие и глубокие (чтобы можно было прочно поставить ногу в ботинке со стальными шипами) ступеньки в ледяной стене и медленно поднимаюсь по ней все выше и выше. Работа долгая и весьма утомительная, но в конце концов я добираюсь до верши- ны ледяного каскада и с удовлетворением констатирую, что пе- щера продолжается. Она даже разветвляется на два расходящихся в разные стороны коридора. Мы должны обследовать и тот и другой. Пока что я разматываю взятую с собой веревку, сбрасы- ваю один конец к подножию ледяной стенки и помогаю Мод и Жильберте подняться, в свою очередь, на вершину каскада.

Вокруг царит ужасный холод, а мы уже так давно находимся под землей, в этом природном холодильнике! Поэтому, не теряя времени, мы приступаем к исследованию одного из коридоров, где ледяной пол выглядит более толстым и твердым. Любопытно, что здесь он совершенно сухой, ни малейшего следа сырости или таяния. Однако, сделав десятка три шагов по этому коридору, мы вдруг отчетливо слышим впереди шум падения воды и, прибли- зившись, оказываемся лицом к лицу с совершенно исключитель- ным гидрологическим феноменом, особенно удивительным в этой промерзшей насквозь пещере, где нам не встретилось ни одной струйки талой воды (за исключением скромного ручейка в главной галерее). Здесь же мощная струя воды падает из трещины в скалистом потолке и тут же исчезает в круглом отверстии в полу пещеры. Заглянув туда, можно различить очертания узкого колодца, уходящего вертикально в недра горы. Откуда низверга- ется эта масса воды и в какой пропасти исчезает? Почему она не замерзает, не превращается в лед, как все остальное в этом моро- зильнике? Загадка природы тем более не поддающаяся расшиф- ровке, что в сорока метрах дальше по коридору наш путь закан- чивается перед другим каскадом, но на этот раз ледяным, также соединяющим потолок с полом пещеры. Он плотно закупоривает подземный коридор сверху донизу.

Делаю заметки в своем блокноте, зарисовываю и ориентирую с помощью компаса направление этого коридора-тупика. А не- сколько минут спустя, возвратившись к месту разветвления пе- щеры, мы вступаем во второй коридор — величественную под- земную галерею, по которой торопливо идем, пока не наталкива-

емся на препятствие, которое задерживает нас, требуя некоторых усилий для его преодоления.

Галерея внезапно обрывается крутым спуском, уходящим вниз, наподобие тоббогана, и наши электрические фонари не могут осветить его основание, Сталкиваем вниз несколько крупных каменных обломков; они летят с оглушительным грохотом, который я пытаюсь расшифровать. Скатившись по крутому откосу, который мы видим, камни, по-видимому, падают в неглубокий вертикальный колодец, потом снова катятся по наклонной плоскости. В конце ее камни попадают на гладкий лед и некоторое время скользят по нему с характерным скрипящим звуком, отчетливо доносящимся до наших ушей. Скольжение по льду продолжается довольно долго, сопровождаемое звоном и треском разбивающихся ледяных сосулк и сталактитов, и постепенно затихает.

Вот тут-то и наступает самый подходящий момент для того, чтобы осуществить на деле прекрасное изречение Анри Бергсона: «Я не вижу иного способа узнать, куда мы можем пойти, как немедленно отправиться в путь». Собираем все наше вспомогательное снаряжение: лестницу и обе веревки, связываем их вместе и один конец сбрасываем вниз. Я начинаю спуск: сначала по веревке, затем по лестнице, затем по второй веревке. Соскользнув с первого откоса, я преодолеваю вертикальный спуск, затем снова скольжу по второму откосу и в конце концов достигаю дна провала на глубине примерно пятидесяти метров. Здесь подземный коридор продолжается, но уже почти горизонтально, и здесь же я нахожу каменные обломки, предварившие меня. Отпустив веревку, иду по новому коридору и добираюсь до круглого зала, с потолка которого свисает еще один ледяной каскад. В каменных стенах зала мне удастся обнаружить только одно отверстие, но оно закрыто плотной ледяной пробкой и потому непроходимо. Это — конец ледника, а также конец нашего пути. Ледяная пробка закрывает отверстие, через которое буйные подземные воды, образовавшие эту пещеру, когда-то уходили в толщу земных недр.

Сколько тысячелетий должно пройти, чтобы новое изменение климата положило конец оледенению этих высокогорных пещер и восстановило движение подземных вод, которые вновь примутся за свою упорную работу, вгрызаясь все глубже и глубже в толщу известнякового массива? И сколько еще тысячелетий потребует, чтобы подземные галереи высохли и в один прекрасный день спелеологи далекого будущего могли проникнуть в самые глубокие и потаенные недра горного массива Марборе? Ледяные пещеры ревниво хранят свои тайны...

Но долго раздумывать над этими проблемами не приходится. Я совершенно окоченел в этом подземном ледяном дворце. К счастью, у меня есть прекрасная возможность согреться во время нелегкого подъема наверх: сначала по веревке, затем по лестнице, затем снова по веревке... Наконец мой путь к вершине провала окончен, и я присоединяюсь к Мод и Жильберте, которые ждут меня, пританцовывая на льду, чтобы хоть немного согреться.

На обратном пути наше внимание привлекает монумент из чистейшего льда, который мы плохо разглядели раньше: его скрыл дым от вспышки магния при очередной фотосъемке. Теперь мы имеем возможность остановиться, чтобы полюбоваться красотой этого подземного айсберга. Обходя его широкое подножие, я вдруг замечаю на высоте двух метров над полом круглое отверстие в каменной стене и немедленно лезу в него. Девочки лезут за мной следом, и скоро мы не можем сдержать восклицаний восторга, хотя только что были уверены, что после столь насыщенного событиями дня неспособны ничему удивляться, а тем более восхищаться. Но подземная галерея, в которую мы попали, украшена от пола до потолка великолепными ледяными кристаллами самой причудливой формы и такой красоты, что у нас буквально захватывает дыхание.

Зрелище совершенно неопишное. Мы словно находимся внутри гигантской сверкающей хрустальной жеоды.[9] Настоящий дворец из волшебной сказки! Слова бессильны передать хоть частицу его великолепия.

Могу только сказать, что абсолютно прозрачные, восьмиугольные кристаллы льда, напоминающие геометрические формы паутины некоторых видов пауков, достигают 20–25 сантиметров в диаметре. Кроме их несравненной красоты и изящества, строение этих природных драгоценностей и процесс их образования ставят целый ряд проблем современной ледовой кристаллографии. Здесь можно, очевидно, обнаружить очень древние, даже ископаемые формы.

В 1926 году в пещере Кастере нам встречались не раз ледяные кристаллы, но они не выдерживают никакого сравнения с гигантскими кристаллами, которые сверкают и переливаются перед нашими изумленными глазами.

Куст из чистого льда высотой около метра особенно привлекает наше внимание. Основание его состоит из плотного непрозрачного льда, и на нем растут вверх и вширь тонкие ледяные веточки. По мере того как они поднимаются вверх, ветки эти становятся все тоньше и прозрачнее — просто до неправдоподобия. Чудесное ледяное деревце долго удерживает нас своей непревзойденной грацией и загадочностью.

Очарование этого сверкающего коридора, названного нами «галереей ледяных цветов», продолжается. Но вот наконец алмазные цветы и кустарники, хрупкие и прелестные, понемногу исчезают, и стены галереи покрывает лишь тонкая корочка сверкающего в свете наших ламп плотного жнея.

Все еще под впечатлением волшебного зрелища я быстро иду вперед и внезапно ощущаю всем телом сильнейший, но совершенно необъяснимый толчок. Он едва не валит меня с ног и выбивает из рук ацетиленовую лампу, которая отлетает на несколько шагов назад и падает на землю. Потирая ушибленный лоб, я понемногу догадываюсь о природе этого непонятного толчка: я наткнулся на ходу и пробил головой завесу чистейшего льда, идеально прозрачного, без единого дефекта. Ошеломленный случившимся, я тупо смотрю на осколки подземного чуда природы, которое я нечаянно уничтожил, меж тем как мои дочери заливаются неудержимым смехом. Он будит эхо в отдаленных уголках пещеры, где, несомненно, от начала мира еще не звучал звонкий и жизнерадостный девичий смех.

После такого забавного инцидента мы уже держимся начеку и скоро обнаруживаем другие ледяные завесы и драпировки. Развлекаемся тем, что смотрим друг на друга сквозь эти прозрачные преграды и осторожно продвигаемся вперед, стараясь не стать жертвой оптического обмана или другой предательской ловушки, которые несомненно таятся в этом фантастическом, ирреальном мире.

Внезапно я останавливаюсь, не понимая хорошенько, что у меня перед глазами. Прямо передо мной, всего в нескольких шагах, я вижу или думаю, что вижу, бледное зеленоватое сияние, отдаленно напоминающее тот дневной свет, который виден иногда в вестибюле некоторых пещер, когда этот свет смягчен и затенен ветвями деревьев и кустарников, растущих у входа. Однако подобное объяснение мало подходит к данному случаю, и я, сделав шаг вперед, протягиваю руку и дотрагиваюсь до источника волшебного света. Ну, разумеется, это такой же ледяной занавес, как и тот, на который я наткнулся несколько минут назад. Но, в отличие от первого, толщина этого занавеса достигает, по-видимому, нескольких метров, а зеленоватый свет, который теперь сверкает и искрится под лучами наших ламп, — лишь натуральный цвет слоя очень чистой замерзшей воды толщиной около четырех метров. Этот изумрудный барьер, как дверь, достойная сказочного дворца фей, закрывает здесь коридор, словно запрещая смертным дальнейший путь.

Итак, наше исследование ледяной пещеры заканчивается на сегодня здесь; но привычное разочарование спелеолога, остано-

ленного непреодолимым препятствием, компенсируется на этот раз фантастическим великолепием алмазного подземного дворца, в котором мы побывали.

И мы даем себе торжественное обещание непременно вернуться сюда еще раз и продолжить исследование пещеры.

* * *

Подземные реки вечного льда представляют незабываемое зрелище, одно из самых удивительных и редких на нашей планете. В недрах гигантских горных пиков, где мы имели честь и счастье открыть самые высокогорные ледяные пещеры в мире, все пребывает, вот уже многие тысячелетия, в вечном безмолвии и неподвижности, застывшее раз и навсегда.

Суровая красота массива Гаварни и «фантастическое великолепие испанских склонов Потерянных гор» пленили когда-то Франца Шрадера, который целых 58 лет любовно и тщательно изучал топографию, геологию и гляциологию этого дикого горного края.

Знаменитый французский спелеолог Э. А. Мартель также живо интересовался подземными ледниками. В статье, посвященной нашему открытию, Э. А. Мартель писал: «Открытие Н. Кастере в значительной мере подтверждает смелую на сегодняшний день гипотезу, которая — я убежден в этом — несомненно будет доказана в будущем: об участии подземных вод в образовании высокогорного цирка Гаварни».

Изучение высокогорных ледяных пещер, без сомнения, даст науке много нового и неожиданного. Мы уверены, что интереснейший район горного массива Марборе таит еще много сюрпризов для тех, кто, покинув проторенные тропинки классических восхождений, предпримет методическое исследование безлюдных скалистых просторов аргонских Пиренеев.

Фауна подземных пещер

В этой главе речь пойдет о живых существах, населяющих подземные пещеры, об их образе жизни и привычках, порой весьма странных. Разумеется, я не собираюсь давать здесь исчерпывающее научное описание всех этих животных; хочу лишь ответить на вопрос, который часто задают спелеологу: «А что там, под землей? Там, наверное, должны встречаться всякие звери?»

Термин «звери» всегда казался мне наивным и расплывчатым. При слове «зверь» в нашем воображении возникают образы всевозможных живых существ — странных и неизвестных, отталкивающих или опасных. Особенно большую роль в досужих вымыслах о подземной фауне играют рептилии, признанные обитатели сырых и лишенных света укромных уголков. А перспектива встречи с ними в абсолютной темноте пещер ни у кого не вызывает энтузиазма.

Успокоим сразу же читателя и заодно рассеем еще одну легенду, бытующую среди людей, никогда не бывавших в подземных пещерах дальше их входа: класс рептилий не имеет под землей ни одного представителя.

Хотя мы предупредили читателя, что не собираемся давать в этой главе научную классификацию обитателей земных недр, мы все же должны разделить их на две большие группы: собственно пещерные животные, которые рождаются, живут и умирают под землей, не выходя на ее поверхность, и те, которые лишь посещают пещеры от случая к случаю или даже временно поселяются в них, устраивая свои логовища неподалеку от входа.

Среди этих последних следует назвать бурого медведя, барсука, лисицу, каменную куницу, кошку и даже... зайца. Из птиц в пещерах часто гнездятся филины и совы.

Все упомянутые животные избирают обычно своим местожительством узкие подземные ходы и лазы, но, как я уже сказал, устраивают свои жилища вблизи от выхода на поверхность. В пещерах можно часто увидеть — обычно на небольшом расстоянии от входа, но иной раз и глубоко под землей — отпечатки лап на влажном земляном полу, следы когтей на мягких горных породах или звериные логовища, вырытые в земле.

Самый крупный обитатель пиренейских пещер — бурый медведь. Называя этого зверя как одного из представителей пещерной фауны Франции, я отнюдь не имею в виду давнопрошедшие времена. Бурый медведь существует в Пиренеях и сегодня, об этом следует знать и помнить. Его нет больше во Французских Альпах, но не следует распространять это утверждение на горную

систему Пиренеев, где бурых медведей встречают каждый год, где на них охотятся. Во время моих подземных экспедиций я много раз находил в пещерах останки этого хищника и свежие следы его лап. Я утверждаю с полной ответственностью, что бурый медведь, как и его далекий предок — гигантский пещерный медведь доисторических эпох, зимует в гротах и подземных лабиринтах Пиренеев на высоте от 1000 до 1500 метров.

Теперь уже известно, что медведи зимой не впадают в продолжительную спячку, как это думали раньше. Они только дремлют, забравшись в берлогу, и ничего не едят, поддерживая свою жизнь запасами жира, накопленными за лето и осень. Но медведь забирается в подземные пещеры не только зимой и не только для спячки. Он часто посещает их в остальные времена года и охотно углубляется в подземные лабиринты, либо желая укрыться от плохой погоды, либо стараясь обезопасить себя от преследований, которым подвергается со стороны пиренейских горцев.

В горном массиве Арба я наблюдал однажды, как во время облавы на медведя целая свора собак столпилась у входа в пещеру. Они прыгали, рычали и лаяли изо всех сил, но проникнуть в подземелье не решались, как, впрочем, и их хозяева, проявлявшие не больше смелости, чем псы. Облава на этом и закончилась. Пещера — глубокая и разветвленная — служила хищнику надежным убежищем, где никто не отваживался его потревожить. Охотники уверяли меня, что хитрый зверь уже не в первый раз спасается таким образом от верной гибели.

Хотя мне ни разу не довелось очутиться под землей лицом к лицу с медведем, но я часто находил там его кости. Возможно, что медведи действительно забираются так глубоко под землю, чтобы умереть (так, по крайней мере, утверждают горцы), но не исключена, конечно, и возможность несчастных случаев.

Так, однажды в Верхних Пиренеях, близ Мон-Сасона, я обнаружил в вертикальном карстовом колодце десятиметровой глубины, предательски разверзавшемся в одном из подземных коридоров, неповрежденный скелет бурого медведя. Разбросанные рядом овечьи кости заставляли предположить, что медведь преследовал овцу и загнал ее в пещеру, где оба свалились в колодец. А быть может, привлеченный запахом и блеянием овцы, нечаянно упавшей в колодец, медведь потянулся за близкой, но недостижимой добычей, потерял равновесие и в свою очередь попал в эту природную западню, где ему удалось лишь ненадолго пережить свою жертву.

Другой обитатель пиренейских пещер — барсук, который имеет обыкновение рыть глубокие норы. Барсук предпочитает узкие подземные коридоры и ходы, где он находит вместе с более ров-

ной температурой покой и уединение, которые этот зверь так любит. Следы барсучьих когтей на влажном глинистом полу много раз попадались мне в тех гротах, которые я исследовал. А однажды, когда я с трудом пробирался ползком по узкому каменному лазу, на одном из поворотов меня поджидал весьма неприятный сюрприз: я столкнулся в буквальном смысле слова нос к носу со здоровенным барсуком, забившимся в этот тупик, из которого, как выяснилось впоследствии, не было выхода. Барсук был так же раздосадован этой встречей, как и я. Полный решимости защищать свое убежище, он, несомненно, был вооружен лучше меня для этой цели. Я мог противопоставить его острым когтям и внушительным челюстям лишь пламя моей лампы и потому вынужден был ретироваться со всей возможной скоростью — увы! — все так же ползком, отказавшись от намерения оспаривать у барсука его владения.

О представителях семейства лисиц можно сказать только, что они тоже частенько забираются в пещеры с сухим земляным полом и устраивают там нечто вроде гнезда, устланного травой и листьями, где самка приносит потомство. Эти лисьи гнезда примечательны тем, что в них разводится неимоверное количество блох. Когда же подросшие лисята покидают логово и уходят вместе с родителями на волю, голодные блохи остаются иной раз по нескольку месяцев без пищи. Человек или зверь, пробирающийся ползком по таким местам, подвергается нападению сотен оголодавших блох, которые яростно набрасываются на беспомощно распростертую добычу. Мне приходилось много раз испытывать подобные атаки и ценой своей крови спасать от голодной смерти колонии блох.

Скелеты кошек, которые я часто находил в пещерах, меня всегда удивляли и интриговали. Принадлежали ли они домашним или одичавшим кошкам? Некоторые пещеры, в которых мне попадались подобные останки, были настолько удалены от человеческого жилья, что казалось маловероятным, чтобы домашние коты и кошки отваживались забираться так далеко от дома. И если даже допустить, что они предпринимали (с какой целью?) подобные путешествия, то почему погибли? К тому же на кошачьих скелетах, которые я находил под землей, не было никаких следов насильственной смерти, и утверждение местных жителей, что мы имеем дело с останками домашних кошек, утащенных в пещеры хищниками и растерзанных ими, не выдерживает критики.

Неужели диких, вернее, одичавших кошек в этих краях гораздо больше, чем мы привыкли думать? Мне достоверно известно, что неподалеку от Баньер-де-Бигорр, в глухом ущелье Порт-де-Фер

(«Железные ворота») существует хорошо разветвленная система гротов и подземных лабиринтов, которая долгое время служила убежищем для целой колонии диких кошек.

Если к списку перечисленных выше обитателей пещер мы прибавим каменную куницу, хорька, зайца, а также птиц — филина и сову, мы получим почти полный перечень животных наших мест, которые время от времени поселяются в пещерах, неподалеку от входа.

Что касается четвероногих любителей пещер в других странах, то, например, в Марокко, где мне приходилось вести исследования, в числе подземных жителей следует назвать пантеру, гиену, шакала и в первую очередь дикобраза, который проводит под землей все дни и выходит на поверхность только по ночам.

Но вернемся к подземной фауне Франции.

Ни сурки, ни кроты не имеют привычки посещать подземные пещеры. Зато одна птица, которую никак нельзя было бы заподозрить в подобном пристрастии, очень любит селиться под землей и ведет себя там крайне любопытно. Это горная галка, или клушица, которую в наших краях называют еще вороной скал. Пиренейские клушицы живут высоко в горах, на крутых скалистых утесах, сооружая свои гнезда в каменных расселинах и углублениях, но охотно устраиваются на жительство в подземных пещерах и пропастях. В Центральных Пиренеях горцы зовут клушицу «сигаль» (цикада), а «сигалерами» — отвесные каменные стены, на которых эти птицы гнездятся. Такая крутая каменная стена, возвышающаяся близ цирка Лез в Арьеже, навела меня на мысль дать имя «Сигалер» обширной и величественной пещере, вход в которую находится у подножия этой стометровой отвесной скалы, над которой с криками кружатся целые стаи горных галок.

В пещере Сигалер клушицы вьют гнезда под сводами на глубине до 60 метров от входа. В ледяном гроте Кастере, на высоте 2700 метров над уровнем моря (горный массив Марборе), я видел в 80 метрах от входа кучи птичьего помета на ледяном полу. А в толстом слое прозрачного льда, покрывающего пол пещеры, можно увидеть на глубине 50 сантиметров вмерзшую в вечный лед клушицу с распростертыми крыльями. С каких отдаленных времен лежит здесь в своем ледяном хрустальном гробу эта птица, словно мертвая принцесса из сказки?

Клушицы часто помогают спелеологам находить входы в пещеры и пропасти. Для тех, кто знает, повадки этих птиц и умеет наблюдать за ними, горные галки служат своеобразными гидами. Лично я обязан им многими открытиями, которые без них вряд ли сумел бы сделать. Когда высоко в горах наблюдаешь за стремительным полетом этих проворных и красивых птиц, невольно

восхищаешься свободой и смелостью их парения. Если же следить за ними внимательно, можно заметить, что в какой-то момент они начинают чертить круги вокруг определенной точки, затем складывают крылья, пикируют вниз до самой земли и исчезают из виду. Засеките место их приземления и смело идите туда: вы непременно обнаружите вход в подземелье, который в этом краю карста вертикально уходит в глубь горы. Я проводил иногда целые дни, следя за поведением клушиц, и в конце концов всегда находил с их помощью устья горных пропастей. На крутом склоне Мей-де-Бюлар в Арьеже, наблюдая в бинокль за полетом клушиц, я обнаружил целый ряд вертикальных колодцев, которые нипочем не нашел бы без этих пернатых указчиков.

Пиренейским горцам хорошо известна привычка клушиц вить гнезда в пещерах и пропастях. Любители яичниц смело отправляются туда весной вслед за птицами и собирают в гнездах галочки яйца. Впрочем, надо сказать, что эта форма браконьерства представляет скорее спортивный, чем промысловый интерес. А местные охотники устраивают близ входов в пещеры засады и ждут вечера, когда клушицы, оглушительно крича, целыми стаями летят к своим гнездам на ночлег.

Клушицы гнездятся на такой большой глубине в пропастях и пещерах с узкими входами, что, как мне удалось подметить, они не могут прямо взлететь со своего гнезда к выходному отверстию. Птицам приходится подниматься короткими перелетами от одного выступа до другого, где они останавливаются на недолгий отдых, уцепившись когтями за неровности каменных стен. Таким способом они поднимаются потихоньку к поверхности, громко шурша крыльями о камень.

Что привлекает клушиц в таких явно неудобных для гнездования подземных колодцах, сказать трудно; во всяком случае не останки тех животных, которые попадают туда довольно часто, поскольку клушицы не принадлежат к разряду хищных птиц. К тому же обычай горных галок вить гнезда и выводить птенцов под землей приводит к тому, что им приходится кормить свое потомство гораздо дольше, чем если бы малыши росли и развивались на свежем воздухе. Молодые клушицы долго не могут научиться вертикальному полету и потому лишены возможности выбираться, подобно их родителям, из колодца, где находится их гнездо, и самостоятельно добывать пищу.

Мне, случалось находить на дне таких узких колодцев уже вполне оперившихся птенчиков, которые умели хорошо летать по горизонтали, но не имели еще достаточно сил и ловкости, чтобы совершить свой первый акробатический вертикальный полет к дневному свету. Привыкшие к полутьме, а то и полному

мраку подземного колодца, маленькие клушицы, которых я иногда любопытства ради брал с собой на поверхность, выглядели растерянными, ослепленные ярким солнечным светом.

Как-то я обнаружил гнездо клушиц на глубине 60 метров в узком вертикальном колодце. Чтобы накормить свое прожорливое потомство, клушицы-родители весь день, с утра до вечера, только и делают, что лазают вверх и вниз по стенкам колодца, причем ухитряются проделывать этот путь до двадцати пяти раз в час, потому что птица может принести в клюве только одного кузнечика, одну улитку или одну ягоду черники.

* * *

Все рассказанное выше относится к тем животным, для которых подземные пещеры и пропасти служат лишь случайным или временным жилищем и которых поэтому нельзя причислить к разряду настоящих пещерных жителей. Но одно животное служит как бы связующим звеном между временной и постоянной фауной пещер. Я имею в виду летучую мышь, которая проводит в подземных лабиринтах, не покидая их, долгие зимние месяцы, однако с наступлением теплых дней начинает совершать вылазки на свет божий.

Разговор о летучих мышах мне хочется начать с реабилитации в людском мнении этого совершенно безобидного и чрезвычайно полезного животного, о котором у нас сложилось абсолютно неправильное и несправедливое представление. Правда, в последнее время даже суеверные крестьяне уже не прибывают больше живых летучих мышей к дверям хлевов и амбаров, дабы они отпугивали от человеческих жилищ других своих сородичей, которые якобы приносят людям всевозможные несчастья. Теперь эти нелепые и жестокие обычаи стали редки. Но непонятное и неразумное отвращение к летучим мышам существует до сих пор у множества самых разных людей, склонных считать летучую мышь животным опасным и омерзительным. Происходит это — увы! — от недостатка наблюдательности, вернее, от полного отсутствия таковой. Мало кто осмеливается или имеет случай взглянуть как следует летучую мышь, и грубейшие заблуждения бытуют по этому поводу среди большинства людей. Неведение же и предубеждение происходят главным образом оттого, что летучие мыши — животные ночные. А в сердце каждого человека живет атавистический страх перед ночным мраком и невидимыми загадочными существами, населяющими этот мрак.

Наконец, инстинктивный страх и неприязнь вызывает в людях само название «летучая мышь». Оно невольно приводит на память мышей и крыс, животных малосимпатичных и приятных.

Летучую мышь обвиняют еще в том, что на лапках у нее острые когти, которыми она — в этом все уверены! — якобы вцепляется в волосы людей и запутывается в них. Можно только удивляться, где и когда родилась подобная нелепая выдумка. Лапки летучей мыши действительно снабжены крошечными коготками, тонкими и хрупкими, которыми она цепляется за каменные карнизы и шероховатые своды пещер. Но никогда этот робкий и боязливый зверек не посмеет приблизиться к человеку, а тем более опуститься на его голову! Ловкость же, с которой летучая мышь совершает свой полет в полном мраке, словно при ярком свете дня, ни на что не натыкаясь и не задевая ни один предмет, встречающийся на ее пути, служит порукой, что она никогда не допустит такой оплошности.

«Летучие мыши издают ужасный запах!» — говорят те, кто случайно побывал в пещере, населенной этими рукокрылыми, и чье обоняние пострадало от царящего там устойчивого резкого запаха. Однако не следует принимать следствие за причину. Если помет летучих мышей, скапливающийся иногда в пещерах в огромных количествах, действительно пахнет не очень-то приятно, — как, впрочем, всякий помет! — то сама летучая мышь не пахнет ничем. Это чрезвычайно чистоплотное животное, в чем легко убедиться, взяв зверька в руки.

«Летучие мыши лишены шерстяного покрова! — брезгливо утверждают некоторые. — Они голые, и это отвратительно!» Между тем тельце летучей мыши покрыто очень мягкой и густой шерсткой.

«Да, но крылья-то у нее все-таки голые!» — не сдаются противники рукокрылых.

Крылья у летучей мыши действительно голые. Однако образующая их перепонка не сухая и жесткая, словно пергамент, а шелковистая, почти прозрачная, пронизанная тончайшими кровеносными сосудами и нервами. Крыло летучей мыши — это чудо природы, и, заговорив о нем, я вынужден сделать небольшое отступление.

Талантливый французский изобретатель Клеман АдевЪйр, создатель одного из первых летательных аппаратов «тяжелее воздуха», долгое время тщательно изучал полет летучих мышей и структуру их крыльев. Он даже назвал сконструированный им аппарат «Летучая мышь» и 9 октября 1890 года совершил на нем первый полет в парке замка АрменвильевЪйр.

Будем же признательны скромному маленькому зверьку, вдохновившему талантливого изобретателя на создание машины, впервые осуществившей вековечную мечту человечества о покорении воздуха!

Кроме этой высокой исторической роли, у летучей мыши есть более скромное, но чрезвычайно полезное свойство, за которое мы должны всячески покровительствовать ей. Все двадцать пять видов летучих мышей, встречающихся во Франции, питаются исключительно насекомыми. Трудно даже представить себе, какое невероятное количество вредителей лесов, полей и садов уничтожают ежегодно эти деятельные и весьма прожорливые маленькие существа!

В пещерах, где живут летучие мыши, за долгие годы скапливается такое огромное количество помета, что в иных местах он служит предметом промышленной разработки, подобно знаменитому южноамериканскому гуано. Известно, что в Соединенных Штатах, в частности в Техасе, существуют даже специальные «фермы», где разводят летучих мышей, получая от них большое количество превосходных органических удобрений.

Итак, в наших широтах летучая мышь — чрезвычайно полезное и нужное животное. Но надо сказать, что не везде это так. В жарких странах, например, некоторые виды летучих мышей более плодоядны, чем насекомоядны. Особенно отличаются этим свойством большие крыланы, которые производят настоящие опустошения в фруктовых садах и на банановых плантациях. Что же касается пресловутых вампиров, сосущих кровь, то надо сказать, что вред, наносимый ими людям и животным, в значительной степени преувеличен. Как показали новейшие исследования, в сведениях о вампирах, сообщаемых многими путешественниками, больше фантазии, чем реальных наблюдений.

Теперь ознакомимся хотя бы вкратце с тем, как летучие мыши живут под землей, и поясним, почему они занимают особое место в этой главе, посвященной фауне подземных пещер.

Летучие мыши ведут свое происхождение от очень древних животных, живших в те далекие времена, когда на Земле был почти везде теплый и ровный климат. С течением времени они так и не сумели приспособиться к эволюции климата и, как многие реликтовые представители животного царства, ныне вынуждены зимовать в подземных гротах и пещерах. Здесь они защищены от резких колебаний температуры и с наступлением холодов впадают в продолжительную зимнюю спячку.

Как удивителен и необычен внешний вид летучих мышей, так удивительна и необычна вся их жизнь и привычки, даже поза, которую они принимают для сна. Уцепившись коготками за каменный выступ или карниз, повиснув вниз головой и обернув туловище аккуратно сложенными длинными крыльями, летучие мыши погружаются в глубокий сон на период с октября по апрель в тишине и уединении подземелий. Ища защиты от сырости и

холода, они плотно прижимаются друг к другу, образуя один сплошной клубок, включающий порой сотни особей. Однако подобная предосторожность явно недостаточна, и поскольку жизненные процессы в организме зверьков во время долгих месяцев спячки замедляются, вернее, почти прекращаются, тело летучих мышей охлаждается до температуры окружающей среды. Если зимой в пещере оторвать от свода погруженную в глубокий сон летучую мышь и взять ее в руки, вас охватит удивление — таким застывшим и безжизненным кажется это маленькое тельце, хотя оно и принадлежит теплокровному животному.

Сон этого странного существа столь глубок, что можно беспрепятственно оторвать летучую мышь от карниза и, держа в руках, вертеть во все стороны. Животное продолжает крепко спать, лишь слегка шевеля во сне крыльями и издавая слабый писк — грустный и жалобный. Ни вода, ни даже огонь не могут сразу вывести ее из оцепенения.

Но летучие мыши впадают в такую глубокую спячку не на всю зиму. Во всяком случае, сон их не беспрерывен. Часто в самой середине зимы можно встретить летучую мышь, порхающую под сводами пещеры. Однако самые зябкие среди них — большие подковоносы — продолжают оставаться в пещерах весь день до самой середины лета. А нетопыри-карлики, напротив, совершают вылеты даже среди зимы, если внезапно наступит оттепель.

Плодовитостью летучие мыши не отличаются. Раз в год, в первых числах июня, у самки рождается обычно один-единственный детеныш — слепой и совершенно лишенный шерсти. Первый месяц после рождения малыш живет, уцепившись крохотными коготками за мать и не выпуская изо рта ее сосок. Бедной мамаше приходится таскать с собой повсюду свою драгоценную, но неудобную ношу — и во время полета и во время отдыха.

Малыши растут быстро и к моменту, когда им исполняется месяц, становятся настолько большими и тяжелыми, что матери уже не в силах летать с таким грузом. Вечерами, перед вылетом на ночную охоту, они кусают и даже бьют крыльями своих отпрысков, требуя, чтобы те отцепились от них. Малыши, разумеется, сопротивляются, громко пища и отбиваясь. Но мамы суровы и неумолимы, и в конце концов маленьким летучим мышкам приходится покориться. Они остаются одни в пещере и смиренно висят там вниз головой, уцепившись коготками за каменные своды. А матери, освободившись от тяжести, отправляются налегке охотиться за насекомыми.

К полутора месяцам молодые летучие мыши уже начинают летать и охотиться по ночам вместе с родителями. К двум с половиной месяцам они достигают размера взрослых особей, только

шерстка у них темнее и размах крыльев не так велик.

Прежде считалось, что средний срок жизни летучих мышей 2–3 года. На самом деле они живут значительно дольше. Мне случалось ловить летучих мышей, окольцованных мною более пятнадцати лет назад.

Долгое время оставалось загадкой, каким образом летучие мыши могут летать среди множества препятствий во мраке пещер, куда они забираются вплоть до самых отдаленных уголков, и при этом ни на что не наткнуться. Крошечные глазки, почти скрытые в густой шерсти, едва ли могут оказать им тут существенную помощь. Между тем летучие мыши ухитряются ловить на лету самых маленьких насекомых даже в темные, безлунные ночи. Нерешительный и словно неуклюжий полет этих рукокрылых в действительности представляет собой ряд столь стремительных и крутых виражей, что наш глаз не успевает проследить их во всех деталях, и нам не всегда ясна причина этих внезапных и резких поворотов. Беспорядочная перемена направления, которую мы наблюдаем у летучих мышей во время полета, объясняется особенностями их охоты. Летучая мышь заглатывает свою добычу на лету; она летает с открытым ртом, как ласточки и козодои, и головокружительные зигзаги ее полета вызваны именно преследованием mosкитов и комаров.

Точность движений летучих мышей вызывает глубокое удивление. Я часто наблюдал за передвижением сотен этих рукокрылых в узких проходах подземных лабиринтов, среди каменных выступов и острых сталактитов. Мне случалось потревожить их в таких узких коридорах, где я протискивался лишь с большим трудом. Несмотря на это, летучие мыши умудрялись проскользнуть между каменной стеной и моим лицом, ни разу не задев ни меня, ни стену. И хотя мое появление вызывало среди них настоящую панику, свет фонаря не ослеплял их, как обычно утверждают.

Мне случалось также быть свидетелем того, как летучие мыши пролетали над подземными потоками в таких местах, где низкий свод почти соприкасается с поверхностью реки или ручья. Они скользили над самой водой, ни разу не коснувшись крылом ни ее поверхности, ни нависшего над ней неровного каменного свода.

Как же удается летучим мышам их головокружительно быстрый и абсолютно точный полет?

Вопрос этот давно не давал покоя натуралистам и ученым. Но только в 1940 году, после того как был открыт ультразвук, американские физики Гриффит и Галамбос неопровержимо доказали, что летучие мыши в полете издают ультразвуки, а уши их улавливают возвращающееся эхо, отразившееся от препятствия, и

предупрежденное таким способом животное молниеносно изменяет направление своего полета.

Так, оказалось, что летучие мыши с незапамятных времен пользуются, сами того не подозревая, одним из новейших изобретений нашей современной науки — радаром.

Обоняние у летучих мышей развито очень сильно, как указывают на то необычайно разветвленные и, надо сказать, довольно таки безобразные извилины их носа. Уши огромные и устроены также чрезвычайно сложно. У одного из видов, недаром названного ушаном, ушные раковины в диаметре лишь немного меньше длины туловища. Они срослись над вершиной его головы, что придает мордочке зверька весьма своеобразное выражение.

Мне приходилось приручать и воспитывать летучих мышей, — не такое это уж трудное дело. И когда я, поймав их, приносил домой и выпускал в комнате, зверьки вели себя весьма своеобразно. Они не кидались, подобно глупым птицам, к окнам, не бились о стекло, не замечая препятствия. Нет, они сразу же деловито принимались за облет комнаты, чтобы ознакомиться с помещением, в которое попали. Полет свой они начинали под самым потолком и летали, описывая круги и постепенно снижаясь, пока не заканчивали обследование у самого пола, ловко маневрируя между ножками стульев и кресел, пробираясь даже под кроватями, шкафами и этажерками. При этом, разумеется, они ни разу не натыкались ни на один предмет. И только тщательно изучив топографию местности, они решались наконец отдохнуть, уцепившись за раму картины или карниз. Какая птица могла бы совершить такой сложный полет, не изранившись смертельно?

Летучая мышь летает так же проворно и ловко при свете дня, как и во мраке безлунной ночи, в абсолютной темноте пещер или в слепящем сиянии электрической лампы. Неуклюжей и неловкой она бывает лишь тогда, когда ее зимой разбудят насильно. Такая еще не вполне проснувшаяся летучая мышь делает несколько медленных и неуверенных взмахов крыльями и тут же тяжело падает на землю.

Долгое время считалось, что летучие мыши — животные «оседлые», живущие весь свой век в одной и той же пещере и вылетающие по ночам из своего жилища лишь на небольшие расстояния. Но этому странному существу, видимо, суждено до конца изумлять и сбивать с толку натуралистов. Теперь точно установлено, что если некоторые виды рукокрылых действительно ведут оседлый образ жизни, то другие, напротив, замечательные путешественники: с приближением зимы они улетают довольно далеко на юг. Так, некоторые виды нетопырей, которые в изобилии встречаются в наших краях летом, зимой исчезают бесследно. Их

нельзя найти даже в самых уединенных пещерах.

Куда же деваются летучие мыши с наступлением холодов? Нигде в Европе они зимой не попадают. Оказалось, что эти маленькие создания, которых ошибочно считают почти слепыми и неспособными к полету по прямой, совершают осенью длительные перелеты, откочевывая в страны с более теплым климатом.

По этой причине мы не можем причислить летучих мышей к постоянным обитателям пещер, в том понимании, которое придают этому термину натуралисты. Эти животные так же хорошо чувствуют себя под куполом звездного неба, как и в глубинах земных недр.

Всего сказанного выше, надеюсь, достаточно, чтобы убедить читателя в том, что летучая мышь — не только совершенно безобидное, но и чрезвычайно полезное для людей животное, которое на протяжении многих веков незаслуженно подвергалось клевете и жестоким преследованиям.

А теперь, покончив с рассказом о летучих мышах, углубимся, подобно Данте, во тьму земных недр и познакомимся с париями животного царства — постоянными обитателями подземных лабиринтов, с теми, кто никогда не выходит на поверхность земли и не знает, что такое дневной свет.

Представляете ли вы себе с полной отчетливостью, какой может быть жизнь в недрах земли? Вам придется сделать над собой большое усилие, чтобы вообразить эту совершенно необычайную жизнь, столь отличную от нашего наземного существования. Представьте себе человека, родившегося и прожившего всю свою жизнь в глубине подземного лабиринта, ни разу не выйдя оттуда. Беспросветный мрак. Ни тепла, ни холода; устойчивая температура воздуха, колеблющаяся от 10 до 16°. Вечная, пронизывающая насквозь сырость. Ни дня, ни ночи, ни неба, ни солнца, ни звезд, ни луны. Ни зимы, ни лета, ни травы, ни деревьев, ни пения птиц, ни шелеста ветерка. Никаких звуков вообще: страшная, гробовая, абсолютная тишина. Но если бы даже этому несчастному был дан свет лампы или свечи, что бы он увидел вокруг себя? Безотрадную, однообразную, мрачную картину из скал, глины и воды.

Нет ничего удивительного, что наши предки, начиная с глубокой древности, считали эти мрачные подземелья обителью умерших грешников и называли входы в подземные пещеры вратами ада.

Долгое время люди думали, что как в глубинах Мирового океана, так и в глубинах земных недр нет и не может быть никакой жизни; что ни одно живое существо не может приспособиться к условиям существования, столь же отличным от наших, как жизнь на какой-нибудь отдаленной планете, затерянной в про-

сторах Вселенной.

Еще совсем недавно ученые утверждали, что жизнь не может существовать без света, и были уверены, что на глубине свыше трехсот метров под поверхностью океана (крайняя граница проникновения света) нет живых организмов. Однако уже первые глубоководные исследования океанологов доказали ошибочность этого утверждения. С тех пор океанография сделала одно за другим ряд замечательных открытий, самое волнующее из них — наличие жизни во всей толще океанских вод, вплоть до глубочайших впадин Мирового океана.

Двести лет тому назад, в 1768 году, было обнаружено первое живое существо, обитающее в подземных пещерах. И по счастливой случайности оно оказалось самым удивительным представителем подземной фауны, о наличии которой никто до того времени не подозревал. Ученый Лоренти впервые поймал в 1768 году под землей протей — бесцветную разновидность саламандры, — населяющего подземные реки некоторых пещерах. Это земноводное имеет до 30 сантиметров в длину; у него тонкое, гибкое тело угря и четыре крохотные лапки. Как всякое земноводное, протей обладает и жабрами, позволяющими ему свободно дышать под водой, и легкими для пребывания на суше. Живя в абсолютном мраке, протей не только слеп, но вовсе лишен глаз. Ученые открыли и описали целых семь видов этого удивительного существа.

Дальнейшие поиски биологов показали, что протей — далеко не единственный обитатель подземных недр. Постепенно в пещерах и подземных реках обнаружили множество самых разнообразных представителей животного мира: простейших одноклеточных, моллюсков, насекомых, ракообразных, земноводных, двадцать три вида рыб и даже одно млекопитающее.

Описать здесь даже вкратце всех этих представителей подземной фауны невысказимо, хотя бы потому, что жизнь и повадки их еще полны неразгаданных тайн. Однако некоторые общие признаки у обитателей земных недр все же можно отметить.

Прежде всего у этих существ отсутствуют — полностью или частично органы зрения. И это понятно. В абсолютном мраке подземелий зрительные органы совершенно не нужны. Став ненужными, они постепенно отмирают.

Следствием этой слепоты является необычайное развитие других чувств, призванных заменить отсутствующее зрение, а именно: слуха, обоняния и осязания.

В отношении слуха и обоняния это легко установить экспериментальным путем. Что же касается осязания, то органы его у представителей подземной фауны развиты настолько сильно,

что придают им специфический вид. Это всевозможные щупальца, усы, усики и антенны, гипертрофированные и необычайно чувствительные.

Другим следствием жизни в вечном мраке является альбинизм, полная или частичная депигментация наружных покровов. Обесцвечивание вызвано также отсутствием света. Факт этот общеизвестен, но научное объяснение его еще довольно туманно.

Логично было бы предположить, что обитатели пещер обладают фосфоресцирующими органами, как глубоководные рыбы, у которых светятся глаза, усики, плавники и некоторые другие части тела. Однако зоологи, изучающие подземную фауну, не обнаружили (за одним лишь исключением) подобного явления. По-видимому, обитатели пещер достаточно приспособлены к жизни во мраке и могут обходиться без подобных вспомогательных органов.

Есть основания полагать, что под землей существует какая-то неведомая нам радиация, помогающая подземным жителям ориентироваться в темноте. Последние волнующие открытия в области инфракрасных излучений делают эту гипотезу вполне приемлемой.

Известно же, например, что муравьи, большую часть своей жизни проводящие под землей, способны воспринимать даже ультрафиолетовые лучи.

Итак, если не считать нескольких видов мхов и лишайников, которые в глубине некоторых гротов светятся красивым изумрудным светом, под землей существует лишь одно фосфоресцирующее живое существо — нитевидный червь, тонкий и длинный, живущий плотными колониями в гроте ВайтовЪмо (Новая Зеландия). Многочисленные колонии этого червя, свешивающиеся со сводов пещеры, излучают свет, достаточно яркий для того, чтобы в лучах его можно было читать книгу. Однако при малейшем шуме тела червей резко сокращаются, и они теряют свою люминесцентность, кстати сказать, совершенно им не нужную, поскольку они вообще лишены глаз.

Подземная фауна гораздо богаче, чем можно было бы ожидать. В одной только Мамонтовой пещере (США) найдено и описано более ста видов различных живых существ.

Правда, следует отметить, что население подземных пещер в подавляющей своей части принадлежит к низшим видам животного царства.

Все же в пещерах найдено несколько представителей позвоночных. Это слепые рыбы и единственное млекопитающее — крыса, также лишенная зрения.

У этой крысы, известной в науке под латинским названием *Neotoma*, обитательницы некоторых пещер Северной Америки, очень длинные усы. Любопытно, что, несмотря на полную слепоту, у крысы сохранились глаза, которые даже выглядят гипертрофированными.

Наличие у *Neotom*'ы глаз — лишь кажущееся противоречие с общим признаком слепоты у подземных обитателей. Дело в том, что *Neotoma*, по-видимому, лишь сравнительно недавно переселилась под землю, и этого промежутка времени оказалось недостаточно, чтобы органы зрения у нее исчезли. В данное время они еще находятся в состоянии борьбы с новыми условиями жизни, пытаются приспособиться к ним, и отсутствие света вызывает их гипертрофированное развитие.

«Подземная» зоология полна неразгаданных загадок. И самый малоизученный, вызывающий самые жгучие споры вопрос — это происхождение подземной фауны.

Когда-то считалось, что фауна эта создана природой специально для существования под землей. Однако неопровержимые факты, указывающие на наличие эволюции в данной области, давно отбросили эту идею. И тогда ученые впервые задали себе вопрос: когда и при каких обстоятельствах все эти существа попали или проникли под землю и почему они остались там на постоянное жительство?

Заселение подземных пещер живыми организмами происходило, по-видимому, не сразу и при самых различных обстоятельствах. Легко вообразить себе некоторые из них: например, когда отдельные животные или их яйца и личинки попадали с поверхности под землю вместе с водами подземных рек и ручьев во время сильных ливней и паводков.

Но каковы бы ни были причины, благодаря которым некоторые виды живых существ попали в подземные пещеры, мы знаем теперь, что даже в самых глубоких пропастях, иной раз за километры от дневного света, в вечном мраке и тишине подземелий проводят свою жизнь странные маленькие существа, сумевшие как-то приспособиться к этой ужасной и невыносимой, с нашей точки зрения, обстановке.

Что же касается эпох, в которые происходило заселение пещер, то находки последнего времени позволяют предположить, что время заселения следует отнести примерно к третичной эпохе. Некоторые виды обитателей подземных недр по своему строению и особенностям напоминают ископаемых животных, исчезнувших с поверхности нашей планеты уже несколько миллионов лет назад, и являются таким образом драгоценными реликтовыми породами, дошедшими к нам из глубины веков.

Какой же интерес представляют для нас эти парии природы? Есть ли смысл изучать их, проникать в тайны их строения и существования? Безусловно, стоит, хотя бы потому, что, как справедливо сказал как-то Ренан, всякое проявление жизни достойно изучения.

И кто знает, не суждено ли какому-нибудь ученому будущего, изучающему подземную фауну в тиши лаборатории или в глубине пещер, разгадать тайну совершенства чувств у этих парий природы? И не найдет ли он здесь материал для создания аппарата, способного помочь глухому слышать, а слепому — ориентироваться в окружающей его вечной тьме так же свободно и уверенно, как это делают обитатели подземных лабиринтов? Даже ради одной такой — пусть пока проблематической — возможности фауна подземных пещер заслуживает самого внимательного изучения.

Как отправиться под землю

Невозможно быть долгие годы спелеологом и не получать при этом многочисленных писем от молодежи, главным образом от юношей и подростков, жаждущих романтики и увлекательных приключений и готовых отправиться на поиски и открытия в недра земли. Письма эти, как правило, похожи друг на друга как две капли воды и, в основном, сводятся к ряду практических вопросов о том, какое оборудование и снаряжение для этого требуется и с чего начинать новичкам, собирающимся в первый подземный поход?

Отвечая на вопрос будущих спелеологов, я в одной из своих предыдущих книг посвятил целую главу подробному описанию подземного снаряжения. В ней рассказывалось обо всем, что может представлять интерес для начинающих в смысле их экипировки и предварительных тренировок. Но и после этого письма продолжают прибывать; в них содержатся всё новые и новые вопросы, запрашиваются всё новые и новые подробности.

Часто в письмах моих юных корреспондентов встречаются и вопросы, обращенные ко мне лично: в каком возрасте вы начали интересоваться пещерами? Что привлекало вас в них?

На эти последние вопросы я отвечаю лишь кратко, чтобы все внимание сосредоточить на советах и указаниях о том, каким образом проникнуть под землю.

Пещеры поразили мое воображение в очень раннем возрасте. В одной из моих книг[10] я уже рассказывал, что первую пещеру в моей жизни я посетил в возрасте пяти лет, крепко ухватившись за руку матери и со страхом озираясь вокруг.

В двенадцать лет, зачитываясь романами Жюль Верна, и в первую очередь знаменитым «Путешествием к центру Земли», я начал посещать, могу даже сказать — исследовать, скромные по размерам, но труднодоступные пещеры в окрестностях моей родной деревушки, в предгорьях Пиренеев.

Начиная с 1909 года я бродил, лазал и ползал один, при свете простой свечи, по низким коридорам и залам этих пещер, где получил свое подлинное боевое крещение.

К моменту, когда пишутся эти строки, я продолжаю заниматься исследованием подземных пещер и пропастей и, чувствуя себя еще достаточно крепким для этой суровой работы, хожу, лазаю, ползаю, плаваю под землей, спускаюсь по веревочным лестницам и канатам в карстовые пропасти и колодцы. Как видите, это очень давняя моя привычка, увлечение столь страстное, что я и поныне не могу ему противостоять. В 1960 году я отметил своеобразный

юбилей: 1500 исследованных мною пещер.

Но хватит рассказов обо мне и моих подземных путешествиях. Поговорим лучше о тех элементарных правилах и требованиях, которые необходимо соблюдать спелеологу, отправляющемуся под землю.

С начала нынешнего века спелеология сделала такие большие успехи, что теперь, разумеется, никому и в голову не придет исследовать пещеру со свечой в качестве единственного освещения или вывернуть наизнанку одежду, чтобы, выбравшись из подземелья, вернуться домой в приличном виде, как я делал это в детстве, опасаясь строгого наказания за выпачканную рубашку и штаны.

Пещеры не место для оригинальничанья или легкомыслия в смысле одежды. Нелепо отправляться туда в шортах или тренировочных брюках. Единственно удобный и безопасный для спелеолога костюм, принятый «на вооружение» всеми серьезными исследователями подземелий, — это брезентовый комбинезон, сшитый из целого куска материи. Он надежно предохраняет исследователя от опасности зацепиться за выступы каменных стен при форсировании узких лазов и отдушин, особенно когда приходится давать «задний ход», выбираясь ползком из тупика.

Вторая существенная принадлежность экипировки спелеолога — абсолютно обязательная, поскольку без нее он рискует получить серьезную травму или даже погибнуть, — это каска. Она защищает голову от резких ударов при продвижении в полутьме под низкими сводами и особенно — от опасных камнепадов при спуске в вертикальные колодцы и пропасти. Каска должна плотно охватывать голову (но не сдавливать ее!), быть удобной, легкой и очень прочной, иначе несчастные случаи не исключены.

Третья принадлежность подземного снаряжения спелеолога, такая же важная и необходимая, как первые две, — это лампа. Лучше всего подходит для этой цели обычная шахтерская лампа с открытым пламенем. Ацетиленовую лампу либо держат в руках (устарелый и не очень удобный способ), либо прикрепляют к поясу. Резиновая трубка подает ацетилен в горелку с рефлектором, укрепленную на передней части каски. Такой налобный фонарь удобен тем, что оставляет руки свободными. Правильное освещение — вопрос первостепенной важности в подземных исследованиях, и потому желательно, кроме газовой лампы, иметь в запасе электрический фонарь, либо тоже налобный, либо карманный, большой мощности, очень удобный при осмотре высоких сводов, колодцев, трещин и каминов.

Итак, комбинезон, каска и лампа — вот три обязательных для спелеолога предмета снаряжения, которыми он должен обзаве-

стись, отправляясь под землю. Все остальное: обувь, белье, продовольствие, инструменты и другие принадлежности — тоже, разумеется, важны, необходимы и требуют самого продуманного и тщательного подбора. Но здесь личному вкусу каждого можно предоставить полную свободу. Одно лишь условие следует соблюдать строго: если спелеолог собирается — чего мы ему отнюдь не рекомендуем! — отправиться под землю в одиночестве, он должен быть вдвойне осторожным и продумать до мелочей все детали своего снаряжения. Среди прочих мер предосторожности надо надежно оградить себя от возможности остаться под землей без света в результате аварии лампы или электрического фонаря, что равносильно смертному приговору — и к какой страшной смерти...

Большой риск для спелеолога-одиночки пользоваться под землей одним только электрическим освещением. Благодаря царящей под землей сырости оно часто выходит из строя.

Неприменно берите с собой спички и зажигалки в полной исправности и в герметических коробках на случай падения в воду.

Но индивидуальная экипировка — далеко не все в спелеологии. Вопрос о таких деталях подземного снаряжения, как канаты и тросы, гибкие лестницы и шесты, пневматические резиновые лодки и акваланги, средства связи и т. п., также является делом первостепенной важности. Но мы не будем говорить здесь о них подробно. Обсуждение этого вопроса завело бы нас слишком далеко и заняло много десятков страниц. Поэтому мы отсылаем интересующихся к специальной литературе. Нам же хотелось бы поговорить в этой заключительной главе о вещах, которые обычно не упоминаются в практических руководствах по спелеологии, но представляются нам крайне важными для тех, кто хочет всерьез заниматься исследованием и изучением пещер. Дело в том, что человек, отправляющийся под землю, должен быть подготовлен к этой суровой и трудной работе не только физически и материально, но, если позволено так выразиться, морально.

В моей первой книге «Десять лет под землей», опубликованной более тридцати лет назад, на первой ее странице можно прочесть такую фразу: «Пожалеем тех, кто не умеет уединяться и сосредоточиваться, кто способен путешествовать, осматривать и восторгаться только совместно с другими людьми».

К этому заявлению, четкому и недвусмысленному, я и сегодня, спустя три десятилетия, не могу ничего прибавить. Это мое кредо исследователя. Спелеология никогда не была и не может быть массовым видом спорта, развлечением для многочисленных групп людей или наукой для всех. Размышления, на которые наводят человека посещение и изучение пещер, могут возник-

нуть, развиваться и дать плоды лишь в тишине, уединении и сосредоточенности. Может ли прийти в голову что-нибудь путное в том шуме и гаме, которые обычно сопровождают вторжение больших и разнородных по составу человеческих толп в царство вечного мрака и молчания? Те, кто не любит уединения, кто опасается самой возможности испытать страх да и вообще испытать какие бы то ни было сильные (иногда даже слишком сильные!) чувства, обычно отправляются под землю лишь в большой компании, производя при этом как можно больше шума. Это особенно легко заметить, когда случается посетить в таком многолюдном и шумном обществе благоустроенную, то есть приспособленную для осмотра туристами пещеру. Яркое освещение, обилие лестниц, перил и ограждений, электрических проводов и указателей искажают до неузнаваемости первоначальный вид такой пещеры и полностью лишают естественной прелести подземный мир, главное очарование которого — уединение, молчание и тайна.

Это не означает, разумеется, что благоустроенные, доступные широкой публике пещеры не имеют права на существование, поскольку не все люди могут да и не жаждут углубляться в дикие, никем не обследованные пещеры и пропасти.

Очень хорошо, что в каждой стране имеются такие «прирученные» пещеры, подобно тому как существуют покоренные и освоенные людьми горные вершины, оборудованные фуникулерами и подвесными канатными дорогами, увенчанные отелями и бельведерами, куда доставляют туристов опытные гиды. Очень хорошо, что это так. На Земле осталось еще достаточно непокоренных вершин и неисследованных подземных лабиринтов, чтобы удовлетворить самых смелых альпинистов и спелеологов, ищущих непроторенных путей и необычных ощущений.

Мы не собираемся проводить здесь параллель между альпинизмом и спелеологией, хотя можно сказать много любопытного и интересного по этому поводу. Но поскольку существует ходячее мнение, что спелеология — это альпинизм «наоборот» и что спелеолог — некий антипод альпиниста, скажу лишь одно: любой начинающий спелеолог поступит правильно, взяв за образец методы работы и строгую дисциплину своих собратьев — альпинистов. А известно, что когда настоящие, серьезные альпинисты собираются совершить восхождение на труднодоступную горную вершину, они начинают готовиться к этому задолго: тщательно подбирают людей и снаряжение, упорно тренируются, чтобы к моменту решающего штурма достигнуть полного взаимопонимания и четкой слаженности всех действий. Число участников таких экспедиций строго ограничено. Это позволяет избежать мно-

гих осложнений, которые иной раз приводят к срывам и неудачам. Исключение составляют лишь такие труднейшие экспедиции, как восхождения в Гималаях или исследование очень глубокой и обширной пропасти. Число участников подобных экспедиций должно быть достаточно велико, чтобы они могли работать, сменяя друг друга, на различных высотах или глубинах.

Но вернемся все же к подземным исследованиям. Многолетний опыт подсказывает, что наиболее рациональное количество участников обычной спелеологической группы или отряда — это минимум два и максимум пять человек. Лучший вариант — трое.

Один вполне убежденный спелеолог — он был даже председателем одной из секций Спелеологического общества Франции — как-то сказал мне доверительно: «Вы знаете, я начал заниматься спелеологией, начитавшись ваших книг. Мне очень хотелось испытать под землей те чувства, о которых вы так красочно рассказываете. Я даже посетил пещеры, которые вы исследовали, только для того, чтобы очутиться в той же обстановке. Но, признаюсь чистосердечно, мне ни разу не удалось почувствовать то волнение и страстную увлеченность, о которых вы пишете».

Надо пояснить, что этот человек был в высокой степени наделен стадным инстинктом и, как правило, отправлялся в пещеры во главе многочисленной группы экскурсантов, число которых иной раз достигало шестидесяти человек. И он еще удивлялся, что не ощущает под землей того волнения и особого торжественного настроения, которое охватывает исследователя-одиночку, пробирающегося по неисследованному подземному лабиринту, где слабый огонек его лампы едва рассеивает густой мрак, а глухой звук шагов впервые нарушает вековечную тишину. Поистине было бы удивительно, если бы он испытал что-либо подобное! Может ли пассажир современного трансатлантического лайнера проникнуться теми же мыслями и чувствами, которые владели Аленом ЖербовЪ1 на его утлом суденышке посреди необъятного океана?

Но значит ли это, что пещеры надо исследовать непременно в молчании и одиночестве, бесшумно передвигаясь по подземным коридорам и залам и впадая каждую минуту и по всякому поводу в лирический экстаз? Нет, конечно. Наигранная угрюмость и молчаливость так же бессмысленны, как и надуманные восторги. Сама обстановка подземного лабиринта создаст у исследователей соответствующее настроение и придаст соответствующий тон их беседе, особенно если они понимают друг друга с полуслова. Без бурных изъявлений восторга они будут любоваться высокими сводами величественных подземных залов, через которые пролегал их путь, красотой и бесконечным разнообразием сталакти-

тов и сталагмитов, всеми чудесами подземного мира.

Спокойно продвигаясь в тишине по подземным коридорам и залам, они получают полную возможность подробно рассмотреть и описать все любопытное и интересное, что встретится им по дороге. А что может увидеть исследователь в шумной толпе, беспорядочно бредущей за возглавляющим экскурсию гидом, где один остановился, чтобы завязать шнурок от ботинка, другой — чтобы встряхнуть гаснущую лампу или громогласно потребовать огня, третий разразился проклятиями, ударившись головой о низкий каменный свод, а какой-то меломан, энергичный и неотомимый, пробует голос, будя многоголосое пещерное эхо.

Можно быть уверенным, что тройка спелеологов, собранных и внимательных, вернее избежит опасностей и неосмотрительных поступков, которые всегда возможны в большой компании, когда внимание рассеивается и человек теряет бдительность.

Сколько раз такая шумная толпа проходила мимо, не услышав слабого журчания подземного ручья, протекающего по нижнему этажу пещеры, не почувствовав слабого дуновения ветерка из скрытой в темном углу отдушины, не различив тоненького писка летучей мыши под высокими сводами. Между тем от внимания маленькой группы или спелеолога одиночки не ускользнет ни один звук, и это поможет им открыть неизвестный доселе подземный поток, отдушину, служащую входом в новое продолжение пещеры, стаю рукокрылых, повисшую вниз головами под каменным потолком подземного зала, и десятки других интереснейших вещей.

Весьма желательно и даже обязательно распределить роли внутри такого маленького отряда спелеологов. Командир, которого они выберут, берет на себя общее руководство, идет во главе отряда, прокладывая путь, сигнализирует об опасностях и преградах, координирует действия всех участников, тщательно проверяет прочность крепления лестниц и веревок (что предполагает умение хорошо вязать узлы) и т. п.

Предоставив командиру ответственность за маршрут и организационные мероприятия, остальные члены отряда берут на себя другие обязанности. Один собирает минералогические образцы, отмечает следы эрозии и коррозии, изучает работу подземных потоков, как действующих, так и иссякших. Другой, обладающий познаниями в области зоологии или энтомологии, занимается изучением пещерной фауны, собирает насекомых, кольцует летучих мышей и одновременно записывает показания температуры, делает гидрометрические наблюдения и т. п. Что касается замыкающего, то это может быть фотограф или топограф. Он будет приносить из каждой подземной экспедиции несколько прекрас-

ных клише и кроки, иначе говоря, план исследованной пещеры, составленный с помощью компаса.

Все члены группы не должны ни на минуту забывать, что лишь внимательно и методически осматривая каменные стены и потолок пещеры, а также пол подземных коридоров и залов, можно обнаружить замечательные доисторические рисунки и гравюры, созданные нашими далекими предками, а иногда и волнующие следы людей и ископаемых животных, сохранившиеся на влажном глинистом полу некоторых пещер.

Такой небольшой отряд, отправившийся под землю с определенными серьезными целями и в соответствующем умонастроении, никогда не сочтет проведенное в пещерах время слишком долгим и однообразным. Члены отряда будут работать в полном и молчаливом согласии, исключаящем всякое бурное проявление чувств или акты прямого, вандализма, как, например, выламывание в качестве «сувениров» наиболее красивых сталактитов, не говоря уже о варварском обычае делать на стенах и потолке пещер всевозможные надписи, столь же нелепые, сколь претенциозные. Такие надписи, выполненные копытю лампы или выцарапанные ножом, безнадежно уродуют некогда прекрасные и величественные в своей суровой наготе стены и своды некоторых слишком часто посещаемых пещер.

Хочу ответить здесь еще на один частный вопрос, который мне порой задают в письмах мои многочисленные корреспонденты: могут ли женщины принимать участие в подземных исследованиях?

Лет двадцать назад этот вопрос ставил меня, как правило, в затруднительное положение, и я часто не знал, как на него ответить. В самом деле: работа спелеолога сурова и трудна, она требует серьезной закалки и тренировки, большой физической силы и ловкости. Может ли выдержать такую нагрузку организм молодой девушки или женщины? Однако тот факт, что моя жена, в силу естественных обстоятельств, сделалась полноценным спелеологом и в течение пятнадцати лет проявляла в этой области исключительное мужество и физическую выносливость, в конце концов убедил меня в том, что женщина способна участвовать в подземных исследованиях наравне с мужчинами. Добавлю к этому, что все четыре мои дочери, став взрослыми, проявили явную склонность и интерес к работе под землей, где они чувствуют себя так же уверенно и свободно, как их отец и мать.

Конечно, один лишь пример моих девочек может показаться недостаточно убедительным, поскольку горячая приверженность к подземным исследованиям безусловно унаследована ими от родителей. Но спелеология стала в последние годы во Франции

весьма модным занятием. Ее растущая популярность привлекает в ряды исследователей земных недр множество молодых женщин и девушек, которые, правда, рассматривают это занятие не столько с научной, сколько со спортивной и романтической точки зрения. Женщины в наше время занимаются всеми, без исключения, видами спорта, и нет ничего удивительного в том, что такое оригинальное и увлекательное занятие, как спелеология, завоевало себе столько последователей среди представительниц так называемого слабого пола. Во Франции уже много женщин-спелеологов, поэтому бессмысленно обсуждать сейчас вопрос, может ли женщина заниматься спелеологией. Она уже занимается ею — это совершившийся факт.

Остается лишь второй аспект проблемы: не вредно ли для женщины занятие этим тяжелым и нередко опасным для жизни видом спорта?

Откровенно говоря, я (и как ветеран спелеологии и как отец многочисленного семейства) не вижу никаких противопоказаний к тому, чтобы физически здоровые и хорошо тренированные девушки отправлялись под землю, даже для продолжительных и сложных исследований. Тем из них, кто, однажды побывав в подземной экспедиции, снова возвращается под своды пещер, можно поверить безоговорочно. Это энергичные и мужественные натуры, заслуживающие всяческого доверия, потому что, как правило, самолюбие не позволяет им признаваться в своих женских слабостях. В трудных обстоятельствах они иногда ведут себя более достойно, чем их коллеги мужского пола. Не робеть, не поддаваться упадочным настроениям, не выказывать усталости — таков их девиз, дело их чести.

У женщин к тому же есть ряд драгоценных преимуществ для работы под землей. Это, во-первых, гибкость, позволяющая им пробираться сквозь такие узкие лазы, которые недоступны для спелеологов-мужчин, и, во-вторых, большая стойкость к холоду и другим физическим лишениям.

Если не нагружать их явно непосильной и изнурительной работой, как, например, переноска больших тяжестей или выбирание веревок при подъемах из вертикальных колодцев, женщины-спелеологи выполняют порученные им задания необычайно точно и добросовестно, всей душой отдаваясь делу и не жалея сил.

Крепко сколоченный, дисциплинированный и дружный отряд, участники которого хорошо подготовились к подземным исследованиям (спелеология отнюдь не игра для детей!), может сделать под землей много полезной работы и одновременно вкусить все очарование этого сурового вида спорта и увлекательной науки.

Я горячо желаю всем участникам таких спелеологических отрядов — как мужчинам, так и женщинам! — испытать под землей все романтические радости увлекательных приключений и волнующих открытий, которые в один прекрасный день с лихвой вознаградят их за упорный труд и лишения, испытанные под землей.

Всем юным исследователям и исследовательницам, которые с лампой в руках и волнением в душе пробираются сквозь мрак неисследованных подземных лабиринтов или склоняются над неведомой глубиной карстового колодца, я позволю себе повторить в заключение слова, написанные мною когда-то в самой первой моей книге:

«Спускаясь под землю, я всегда испытываю притягательную силу и необычное очарование этого странного мира, где чувствуешь себя словно перенесенным в иную жизнь. Сотни часов, проведенных под землей, сотни километров, пройденных по подземным лабиринтам — порой на коленях или ползком, — не утомили, не разочаровали и не пресытили меня».

«Глубокая древность нашей планеты, ее вечная юность, бесчисленные загадки и тайны, скрытые в ее недрах, неудержимо влекут меня в таинственное царство минералов. И сегодня, как и в годы моих первых подземных исследований, я не знаю волнения более трепетного, чем то, которое я испытываю, углубляясь во мрак неведомой доселе пещеры или пропасти, где лишь капли воды, падающие, звеня, с высоких сводов, нарушают своей бесхитростной мелодией вечную тишину и покой загадочных подземных миров».

Примечания

1

Инкунабулы (лат.) — первые книги, напечатанные наборными буквами Западной Европе.

2

Анжелюс (франц.) — колокол.

3

См. главы «Самые древние в мире статуи» и «Священная пещера Лабастид»

4

Кромлехи — сооружения из крупных, отдельно стоящих каменных глыб, в виде круглых оград, имевшие культовое значение. Относятся к неолиту и бронзовому веку.

5

Дебит (техн.) — количество воды или газа, даваемое источником.

6

Призраки Броккена — природное явление, выражающееся в том, что человек, поднявшийся на высокую гору, видит на облаках свою огромную тень. Броккен — гора в Германии, где это явление наблюдается наиболее часто. Суеверным людям в прошлом, не знавшим сути явления, эти тени казались выходцами с того света.

7

Карр — форма рельефа карстовых областей: мелкие и глубокие бороздки разделенные узкими стенками.

8

Так французские спелеологи называют специально сконструированную для работы под землей лестницу из тончайшего, сверхпрочного стального троса с перекладинами из легкого сплава. Такая лестница способна выдержать вес от 35 до 220 килограммов на квадратный миллиметр. 10 метров электронной лестницы весят всего 400 граммов.

9

Жеода — форма природного минерального агрегата. Представляет собой замкнутую полость в каком-либо кристаллическом минерале. Максимальная величина 1 метр в поперечнике, минимальная — доли сантиметра.

10

«Тридцать лет под землей».